

РАБОТНИЦА

№ 12 • 1977 • Издательство «ПРАВДА»

С
НО
ВЫ
ГО
ДОМ,
ДО
РО
ГИ
ТО
ВА
РИ
ЩИ!

ПУСТЬ СВЕТИТ!

Елена КОНОНЕНКО

С новым годом жизни, социалистическая семья! Огромная семья советских народов. Крепкая, непоколебимо сплоченная семья многих национальностей. Дружная семья поколений. Великая семья народов, которые пошли по пути Октября, по пути Ленина.

И просто семейство—твое, мое, каждое наше семейство. С бабушками и дедушками, с матерями и отцами, сыновьями и дочерьми, зятьями и невестками, с внуками и внучками. С новым годом жизни!

Пусть будут все здоровы. Пусть под каждой семейной крышей радостей будет больше, чем печали. Хорошо бы и совсем без печали, но ведь это невозможно—в каждой семье свои трудности, сложности, горести, и можно только помогать друг другу их побеждать.

Мы вступаем в 1978-й, и у всех нас особое настроение душевного подъема, уверенности. Это потому, что огни салюта, гремевшего в день 60-летия Великого Октября, продолжают светить нам. И потому, что грядущий год мы встречаем с радостным сознанием: наша новая

Конституция живет, работает, действует.

Многие из нас, готовясь к юбилею Октября, встретили и Новый год и сегодня работают уже в счет года грядущего. Именно наше с вами отношение к работе, сознание, что хозяева страны—мы, изо дня в день поднимает экономику СССР. Смотрите: в этом году за 2,5 дня производится столько продукции, сколько в дореволюционной России за весь 1913 год!

В этом номере вы найдете несколько материалов о семьях. Каждая из нас понимает, как это важно—семья. И общество наше это понимает. В статье 53 Основного Закона сказано, что «семья находится под защитой государства». Каждая из нас постоянно чувствует эту защиту, помощь, участие.

Реальные доходы рабочих и служащих по сравнению с 1940 годом увеличились почти в четыре раза, колхозников—в 6 раз. Все больше средств выделяется государством и для блага семьи. А у нас ежедневно возникает более 7 тысяч семей. Ежедневно у нас рождается более 13 тысяч детей. Так что

работаем мы для себя. Для нашей жизни. Для наших детей. Для внуков. Для будущего, которое началось шесть десятков лет назад. И продолжается сегодня.

В журнале рассказано о семье сварщицы Московского завода автоматических линий Марии Кузьминичны и слесаря-резчика Петра Ивановича Заплавских, которым, по словам Марии Кузьминичны, завод дал все. А завод—это частица государства. И не только дал все, а вел по жизни старших и младших членов семьи. Не буду пересказывать этот очерк. Прочитайте его внимательно. Сравните со своей семьей, с тем, как живут семьи ваших товарищей, со своим заводом, шахтой, совхозом, колхозом. То общее, что откроется при этом сравнении, и есть черты советского образа жизни.

Есть в этом номере и рассказ о семье Серафимы Павловны Хуснутдиновой. Вдова солдата, она одна воспитала пятерых детей. С помощью Советской власти, разумеется. Той самой, за которую сражался муж Серафимы Павловны. Кстати, не удивляйтесь, что имя у нее русское,

ТЕПЛО

а фамилия татарская. Советская власть породила народы нашей страны не только в символическом значении этого слова, но, применительно к семье Серафимы Павловны, и в буквальном: люди пяти национальностей съезжаются к ней на семейные торжества.

За последние месяцы в печати, на телеэкране было много документальных повествований, подтверждающих то, что записано в Конституции, в частности, в статьях, посвященных женщинам. В статье 35, где сказано о специальных мерах по охране труда и здоровья женщин, о создании условий, позволяющих женщинам сочетать труд с материнством, о правовой защите и моральной поддержке материнства и детства. В статье 53, в которой узаконено очень важное для женщины-матери: развитие широкой сети детских учреждений, организация и совершенствование службы быта и общественного питания, предоставление разных видов помощи семье.

Очень много было сделано нашей партией, Советской властью для женщин за шесть десятков лет. Вы знаете это не только из цифр, статистических данных, а из фактов самой жизни, из своей жизни, из жизни своей семьи. Отеческая забота о женщине помогла ей стать заметной силой в общественно полезном труде, в управлении государством, в борьбе за социализм и прогресс, в борьбе за воспитание нового человека, за новую семью. Радостно это сознавать, друзья!

Однако не всего мы еще достигли, о чем мечтаем. И от нас зависит воплотить в жизнь величественную программу строительства коммунизма. Только единство решения и исполнения приносит желанные результаты — так учил и Владимир Ильич Ленин. Он ведь говорил, что

гвоздь всей работы именно в фактическом исполнении дела, в том, чтобы проводить в жизнь решения, практически превращать слово в дело.

И сейчас нас этому учит партия. На совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, говоря о том, что мы идем навстречу эпохе, когда социализм станет преобладающей общественной системой на земле, Леонид Ильич Брежнев очень емко сказал: «Это — реальная перспектива. Ее ежедневно приближаем своим трудом и борьбой мы с вами, товарищи, приближают своим трудом и борьбой миллионы наших современников. Это и есть продолжение дела, начатого Октябрьской революцией».

Да, многое, а пожалуй, что и все, зависит от нас. Новый год — это новые свершения. Вот таким смыслом наполнен для нас грядущий, испокон веков семейный праздник — с его теплом, светом, звоном, весельем, надеждами. Об этом сказано будет в новогоднем поздравлении советскому народу, когда мы все соберемся у голубых огоньков наших телевизоров. Торжественный звон курантов. Сядем поближе друг к другу, старики и молодые — все рядом. «Двенадцать уже без пяти. Скорей загадайте желание», — пишет поэтесса в нашем журнале.

Желание? Самое главное желание у всех, конечно, — это мир на земле, товарищи! Мир, который позволит нам растить наших детей, поднимать нашу экономику, науку, искусство. Особенно страстно хотят мира женщины, матери. И понятно, как глубоко благодарны мы своей стране, Коммунистической партии нашей, Политбюро ЦК КПСС за их неутомимую миролюбивую деятельность, направленную к тому, чтобы ясным было небо, чтобы народы не воевали, а сотрудничали.

С Новым годом, дорогие подруги! С новым годом мира, с новым годом жизни! Пусть будет счастлива каждая семья! Завтрашний день нам высвечивает Великий Октябрь. Самая яркая звезда цивилизации человечества взошла 60 лет назад. Все ярче ее лучи. Пусть светит!

В ноябре прошлого года было. — Это Канакиных квартира? — спросили в трубке.

— Канакиных, — ответила сквозь сон Галина: она вернулась с ночной смены и только успела прилечь.

— Кто там? — поинтересовалась из кухни свекровь, телефон она недолюбливала, считая, что он отвлекает Галину от семьи.

— Не знаю. Алло! — сказала Галина. — Вы по какому вопросу?

— Да нет вопроса... По справочному тебя разыскал. Развернул «Труд», смотрю: про нашу оренбургскую, по фамилии Канакина, с завода силикатных материалов. Сегодняшние газеты видела?

— Нет, — смутилась Галина.

— Брежнев тебя приветствует, Леонид Ильич. Ясно? Поздравляю. — Собеседник был очень доволен, что новость сообщает ей первым. — Не подводи Оренбург.

— Спасибо. Постараюсь...

А щеки пылают, и ноги-руки как ватные.

— Мам, посмотри газеты в ящике.

И тут же подумалось: наши газеты наверняка получают в Венгрии, в воинской части, где служит сын. Нежданная-негаданная ему весточка. Володьку спросят: «Однофамилица?» Вот будет радости парню!

А доченька, небось, летает по школе именинницей. Леонид Ильич Брежнев отвечает на письмо шести прессовщиц-операторов из разных городов России, и Нинина мама — в числе этих шести.

«Дорогие товарищи! С чувством глубокого удовлетворения ознакомился с вашим трудовым рапортом, в котором вы сообщаете о достигнутых результатах работы и обязательствах выполнить за десятую пятилетку по два личных плана».

И в родном тамбовском селе с красивым названием Любезное могут прочесть про нее. Скажут: «Феклы-то Семеновы дочка. Вот бы Фекле дожить...» Мама прожила меньше, чем ей сегодня. Она в войну с шестерыми осталась, мал мала меньше. А на колхозных работах всегда шла впереди — что на прополке, что на жатве... Оплакала похоронку. А однажды прибегают к ним: «Ваш отец на станции. Только сам добраться не может». Мать перепугалась, обрадовалась, заплакала, насажала в подводу ребятишек — и на станции они действительно увидели отца во фронтовой шинели, худого, беспомощного, с недвижными ногами.

Стал он седьмым ребенком в семье. Как сумела мать выводить его, поставить на ноги? Сумела. А сама надорвалась...

Галя еще девчонкой умела вставать на ранней зорьке, варить обед на ораву, доить корову, жать хлеб, запрягать лошадь, стирать, шить — да разве перечислишь все умения девчонки, ставшей в семье хозяйкой! Жизнь заставила.

Галина от крестьянских забот своей матери в сторону ушла, взяв в наследство от нее главное — совесть в любом деле.

Газетные строчки плыли перед глазами. «...Наша партия всегда поддерживала и поддерживает передовиков и новаторов производства, чьи достижения и рекорды вызывают сегодня законное восхищение и гордость, а завтра становятся нормой работы многих».

Интересно, а Валя Жукова с Ивановского завода силикатного кирпича сейчас в смене? По показателям Галина идет с нею вровень.

«...Уверен, что и ваш опыт по повышению эффективности работы получит широкое распространение на всех предприятиях промышленности строительных материалов...»

Пролетарии всех стран, соединитесь!

РАБОТНИЦА

Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал

Основан 8 марта 1914 года

ДЕКАБРЬ 1977 ● МОСКВА ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ТВОИХ ЛАДОНЕЙ

Т. РЯБИКИНА

Галина Андреевна Канакина. Фото ТАСС.

Желаю вам, дорогие товарищи, новых трудовых успехов, доброго здоровья и личного счастья».

Галина набрала телефон парткома.

— Иван Романович, здравствуйте. Уже знаете?

— Еще бы не знать! По всему заводу шум. Не хотели тебя, Галина Андреевна, тревожить, ты же со смены.

— Да вот незнакомые поздравляют.— И от волнения горло перехватило.

— Ладно-ладно,—успокоил Аристов, и густой голос его, как всегда, заставил внутренне собраться; он ее с комсомольского возраста растит, в партию рекомендацию ей давал.—Нервы, Галина Андреевна, побереги. На митинге сегодня выступать.

— Мне легче три нормы дать...

— Ничего. Стеснительность, Галя, перебороть придется. А нормы—само собой. Я прошел по цехам—нормально.

«Нормально» в устах партийного секретаря—настрой на работу. Значит, техника не подводит, масса идет хорошая. А иначе от прессовщиц рекордов не жди: ведь они как бы на финишной прямой длинного эстафетного забега, начатого добычей сырья, подхваченного дробильно-сортировочной фабрикой, обжиговым цехом, массозаготовительным.

— Киреева на трех прессах?—спросила Галина про оператора из другой смены.

— На трех. На пятки тебе наступает,—подзадорил Аристов.

— И ей и мне веселее,—сказала Канакина. «Еду в тот день на завод,—рассказывала она мне,—и кажется, все на меня смотрят. Не подводи, мол, Оренбург...»

В обстоятельном разговоре директор завода ввернул вдруг эпизод казусный (нетрудно было уловить в нем предостережение). Приехал этим летом фотокорреспондент снимать «свеженького» Героя Труда. Покрутился в прессовом цехе и заявляет: «Канакину качественно снять невозможно». Почему же? Говорит: «Она мелькает». И просит освободить ее дня на три. «Представляете, сколько тысяч кирпича недодаст Канакина?»—объясняют товарищу. Обиделся...

Намек я поняла. Обещала Галину Андреевну от работы не отвлекать. Да не очень-то ее и отвлечешь: ответит на вопрос коротенько, двумя-тремя словами, а взгляд прикован не к тебе, а к одному из прессов, и голова слегка наклонена к плечу, как бывает при напряженном вслушивании,—и бежит мимо. Вот уж точно—«мелькает»! Мелькает по цеху голубой кофточкой в горошек.

Шумят, попыхиывают прессы. Работа их запомнила давнее: в послевоенном нашем детстве мороженое продавали не готовыми брикетами или стаканчиками, а черпали льдистую сладость ложкой и набивали формочку. На дно подкладывалась круглая вафля, такая же ложилась поверх—мгновение, и порция выталькивается.

Точно так же над медленно вращающимся столом пресса снизу вверх выдавливаются из прямоугольных отверстий кирпичи. Их хватают и укладывают цепкие зажимы автомата. Мерная работа его завораживает. Просто мистически похоже на живые загребущие руки.

По широкому, метров в десять шириной, углублению, делящему цех надвое, плавают взад-вперед платформа, собирая от прессов кирпич-сырец. Мне кажется странным, что Канакина обслуживает прессы по разные стороны «водораздела»—сколько же раз за смену приходится форсировать его! (Позже Галина объясняет, что обслуживать три пресса рядом тоже пытались, но хотя в расстоянии выигрыш, держать их в поле зрения сложнее. Все высчитано до секунд, многократно проверено.)

Обычно мягкая и даже застенчивая, на смене Галина жестко сосредоточена и поновому красива: румянец на скулах, в движениях скупость. Вот отрегулировала подачу массы на одном прессе, а на втором приспела пора подчистить формы: это обязанность металлических щеток, но они недостаточно добросовестны. Что-то еще услышала в работе пресса, переключает рычажки на пульте. («Она технику слышит,—восхищалась ею главный инженер завода Ася Яковлевна Доценко.—И слесарю подсказет, в чем поломка. И инженеру идею может подать...») А рядом с третьим прессом на «вагонке» надо крайние рядки кирпича переставить поперек, чтобы вся пирамида не рассыпалась. И я не успеваю оглянуться, как Канакина уже там.

Надо же, совсем другой характер в человеке проглядывает. И особенно наглядна уверенность Канакиной при сравнении со старательной суетой ученицы Нели, юного существа в очках, то и дело протираемых платочком. Неля одета, как и все в смене: та же блуза в горошек и косынка, те же удобные брюки. Но чувствуешь: новенькая пока сама по себе, не в общем ритме.

— Не тяну,—признается она самокритично.—У Канакиной три пресса, а у меня всего один.

Отмечаю сокрушенное—«всего один». Ученице хочется побыстрее перейти на два. А давно ли и сама Канакина специально ездила в Волгоград: убедиться собственными глазами, что прославленная Аношина управляется с двумя прессами? «Смотрю—обыкновенная женщина. Очень я обрадовалась, что обыкновенная». Надо было преодолеть психологический барьер. И помочь перешагнуть его другим.

Не об этом ли говорит в приветствии Леонида Ильича Брежнева: «...достижения и рекорды вызывают сегодня законное восхищение и гордость, а завтра становятся нормой работы многих».

— Неля, пока все нормально, замети,—бросает Канакина ученице, берет свою метелку и быстро-быстро помогает Неле, а взгляд ее, точно магнитом, то один пресс притянет, то второй.—Видишь, в цеху порядок.

Действительно порядок. Хотя производство отнюдь не из чистеньких: и прессы отплевываются избытком массы, и укладчик может вдруг уронить кирпич. А в цехе чистота. Стены выложены кафелем. Мусор достаточно смести к решетке, и он просыплется на движущийся вдоль цеха под полом транспортер... Впрочем, ученица Неля наверняка воспринимает все в цехе как должное, она здесь недавно, ей не с чем сравнивать. Неле кажется, что столовая или просторные бытовки всегда были такими, и холодильники для продуктов стояли, и спецодежду можно было отдать в стирку и даже в починку. Механическую уборку считает Неля

рядовой приметой НТР, равно как и автоматы-укладчики. Она не испытала на себе переход профессии в иное качество—от прессовщицы к прессовщице-оператору. Прежде один пресс обслуживали втроем: монотонно сгибаясь и разгибаясь, вручную перегружали кирпичи. Директор завода говорит: «Это долг наш был перед женщинами—партийный, человеческий долг—механизировать укладку кирпича».

Вот если Неля закрепится в цехе, в будущем она непременно постигнет эту диалектическую взаимосвязь: развитие производства у нас непременно сказывается на работе человека, но, со своей стороны, и рост человека, его инициатива, его смекалка подталкивают развитие техники, повышение культуры производства...

Ученица вполношенно выполняет указание наставницы, не замечая, что на «вагонку» лег последний слой кирпича и нужно ее заменить пустой. И это успевает сделать... конечно же, Канакина. Не отчитывает ученицу, не укоряет.

— Всего один пресс,—вновь расстроено говорит мне Неля.

...Год у Галины Андреевны выдался урожайным на события. Такого и не припомнишь. На съезде профсоюзов избрали Канакину членом ревизионной комиссии ВЦСПС, так что стала теперь, как она шутит, «профсоюзным деятелем снизу доверху»: в цеху бессменный профорг, в завкоме, в обкоме профсоюза, а теперь и в ВЦСПС. Звезда Героя засияла на груди.

Шесть подписей под рапортом, который направили Генеральному секретарю ЦК КПСС прессовщицы-операторы. Вместе с Г. А. Канакиной рапорт подписали В. П. Жукова из Иванова, М. А. Ершова и К. М. Самуйлова из Калинина, Е. Г. Коробкова и А. М. Петрышова из Волгограда.

Они все собрались тогда в Москве. Многие были знакомы и раньше, встречались на совещаниях или на предприятиях друг у друга. Теперь их породнила ответственность: за пятилетку они пообещали дать по два личных плана.

Обсуждали каждое слово общего письма. Рассказывали о том новом, что высвобождает оператору дополнительное время, экономит его силы. Брли на заметку все, что можно позаимствовать. Канакина, к примеру, с завистью слушала про механическую откатку «вагонок».

Не знаю, о чем расспрашивали ее. Могла бы рассказать, к примеру, как с залеганием массы в бункере борются пневмовибраторы. Прежде для этого служил ломик, потом пробовали электромоторы. Но они часто выходили из строя: песок же, известь все забивают... Как-то Галина спросила главного инженера, Асю Яковлевну: а сжатым воздухом можно разбивать массу? Конкретно она не представляла, что и как, лишь идею подала, но идею признали ценной и стали искать именно в этом направлении...

Решив соревноваться, «шестерка» невольно затягивала в орбиту своего соревнования десятки, сотни людей.

В плановом отделе Оренбургского завода силикатных материалов мне показали папку. Раскроешь ее, полистаешь документы—и весь ход борьбы нагляден: каждый месяц почта приносит сюда сводки из Иванова, Волгограда и Калинина.

Из разговоров с прессовщицами я поняла, что о результатах соревнования «шестерки» отлично осведомлены и здешние, заводские «соперницы» Канакиной. И получается: хотя под письмом, опубликованным газетами, всего шесть подписей, на самом деле их гораздо больше. Вместе с ними его незримо подписали все те работницы, кто каждый день передает частицу своего тепла стройкам страны.

О времени и о себе

Лариса РОМАНЕНКО

— Как стать поэтом?
— Не знаю...
— Как вы стали поэтом?
— Для этого мне пришлось родиться дважды...

Такой диалог возник на одном из моих выступлений. Я не шутила, отвечая на вопросы читателей, я действительно родилась дважды.

Муки первого моего рождения испытала только моя мать, муки второго—моя душа. Между первым и вторым рождением—годы. Хотя и в этом длительном промежутке воз-

никают созвучия, даже отдельные стихи, но меня, как поэта, еще нет на земле.

Что заставило меня родиться заново? Может быть, радость, оттого, что голод, тревога и горе военной поры ушли из нашей жизни? А может, горячие слезы моей матери по сыну и моему брату, павшему смертью храбрых, а может, слезы других таких же простых русских женщин—жен, матерей и сестер воинов, оставшихся на поле брани? А может, обилие впечатлений от бесконечных переездов из города в город с мужем-военным, а может, рождение дочери? Кто знает? Но скорее—все перечисленное вместе и еще, конечно, люди, которых я встречала, узнавала, любила и люблю...

Так случилось, что несколько лет мне с семьей пришлось прожить в ГДР. Там, в Карл-Маркс-Штадте, родилась моя вторая дочь, в ее метрике было записано: «Подданная

СССР». Почему-то эти два слова я читала и перечитывала с величайшей гордостью. Гражданин Советской страны! С такой необыкновенной остротой почувствовать это можно, наверное, только вдали от Родины, когда тоска по ней не дает покоя ни днем ни ночью...

И вот, наконец, возвращение. У меня постоянный адрес: Рига...

Я много читаю, много думаю, пишу... Пишу о пережитом, передуманном, пережитом. Одна за другой вышли восемь моих книг. Семь из них—в Риге. Я не только пишу собственные, но и перевожу стихи друзей—латышских поэтов.

Моя жизнь, мои книги неотделимы от души современника, от радостей, забот и тревог моего времени.

В общем, я не могу сказать о себе больше, чем уже сказала в стихах. Они—моя биография.

Новогоднее

Продымлен дождями насквозь
Опять наш декабрь, и за это
Дай нам, Новогодье, хоть горсть
Чистейшего снежного цвета.

Твой снег поднесу я к губам,
Вдохну и сверканье и свежесть
И сразу почувствую нежность
К уже пережитым годам.

Могло бы совсем их не быть,
Могла бы на свет не родиться
И мигу тому не дивиться,
Что вечно всем людям любить.

— Двенадцать уже... без пяти...—
Ты скажешь,
И я замираю
И прошлые беды теряю,
Чтоб радость взамен обрести.

Минут этих снежная горсть
Немыслимо быстро растает,
Но все-таки что-то оставит
И высветлит
душу
насквозь!

Чтоб силы ей вновь обрести,
Душе даст большое дыханье,
Двенадцать уже... без пяти...
Скорей загадайте желанье!

Серее

Дитя, еще твои глаза
Мать от чужих не отличают,
Но мать в тебе души не чаёт,
И что там вьюга, что гроза!
Она в тишайший день из дней
Тебя от бед оберегает.
И на костре любви своей
Она сама
свечой
истает.

И вновь воскреснет!
У людей
Лишь матери любовь
святая...
И, может быть, об этом зная,
Ты улыбнулся
первой
ей.

Осока

Осока—странная трава,
Гляди, еще и зеленеет.
Но, может быть, она права,
Что быть покорной
не умеет?

Песок покорен.
Солнце жжет,
И он горяч, он жаром
пышет.
Исчезло солнце—стужей
дышит,
Не зная сам, когда он
лжет.

Осока—странная трава.
Ей нужно много или мало?
У гибкой ветки краснотала
Еще зеленая, жива!
Туман, туман... На миг
опять
Лениво солнышко
проглянет,
Покорным даже море
станет.

Она ж не хочет увядать.
— Зачем она тебе
нужна?
Дивишься ты,—пусть
зеленеет,
Пусть быть покорной
не умеет...
— Она самой себе
верна!—

Я говорю.
— Любимый мой,
Упорства дух, он всем ли
ведом?
Но разве только мне одной
Необходим он в мире этом?

Серафима Павловна Хуснутдинова.

ДОМ СЕРАФИМЫ

Тамара ВИРКУНЕН

Фото Н. МАТОРИНА:

«Двенадцать лет прошло с тех пор, как в журнале «Работница» было рассказано о нашей маме, Серафиме Павловне Хуснутдиновой, вдове солдата, которая одна вырастила нас, пятерых детей. Журнал этот хранится у нас, и я решила написать, что же изменилось в нашей большой многонациональной семье. Все мы — русские, татары, немцы, узбеки, белорусы — живем в мире и согласии, у всех дружные семьи, растим детей. Если помните, статья про маму называлась: «Растет наша семья, Алим!» Название это оправдывается. Сейчас у мамы уже восемь внучек и шесть внуков. Наша семья в настоящее время живет не в Комсомольске-на-Устьюрте, а в разных местах страны, но мы все по-прежнему трудимся в газовой промышленности.

В июне этого года нашей маме исполняется шестьдесят пять лет, и мы — ее дети, зятья, снохи, внуки и внучки — гордимся ею, любим и желаем здоровья, долгих лет жизни...

Людмила ДЕРКСЕН,
пос. Истье, Рязанской области».

ШАГАЮТ КОМПРЕССОРНЫЕ...

Если взглянуть на карту, где звездочками, кружками, треугольниками помечены стройки, новые города, электростанции, то среди условных обозначений можно увидеть и голубые, разветвляющиеся нити — газопроводы — газо-

вые реки страны. На всем их протяжении стоят КС — компрессорные станции. Стоят, но газовики говорят «шагают»: средний шаг КС — 120 километров.

В «газовой империи» свои особые обозначения: открыт новый промысел, вот она, КС-ноль. От нулевого километра по всей стране ведут свой счет более двухсот тридцати компрессорных станций на газопроводах Бухара — Урал, Ухта — Торжок — Минск, Средняя Азия — Центр, Оренбург — Западная граница СССР — мощнейших артериях Союза. День и ночь работают на станциях газотурбинные, электроприводные агрегаты, сообщая топливу необходимую энергию, передавая его по эстафете соседней станции, а та — следующей, пока газ не дойдет, подобно скорому поезду, до «станции назначения».

Кстати, сравнение это близко к истине: газ идет по трубопроводам со скоростью курьерского поезда. А КС — будто локомотив, ведущий его.

В строго определенный час, который называется диспетчерским, в Центральное диспетчерское управление Министерства газовой промышленности СССР спешат с КС сводки.

— Режим работы докладывает КС-ноль. Давление газа на входе в КС 20 атмосфер, на выходе — 36.

— Вас понял. Следующий — прием!

— Докладывает КС-1. Режим работы на входе...

И главный газовый диспетчер отмечает в специальном журнале, как и чем в эту минуту «дышит» каждая станция.

...Маленькая комната Серафимы Павловны с ковриком над кроватью, со старомодным — во всю дверцу зеркало — шкафом, совсем непохожа на диспетчерское управление. Но все время кажется, что вон в том углу, где блики солнца высветили рисунок на обоях, тоже могла бы висеть карта: голубые линии газопроводов и КС, отмеченные кружками. Ведь в «газовой империи» четыре станции — ее «кровные», откуда к ней, как к главному семейному диспетчеру, стекаются вести. Порой самые разные.

...Актюбинская область. Радисты десятой компрессорной Евгений и Зоя Хуснутдиновы посменно передают в эфир сводки. И хотя нет у Серафимы Павловны аппарата для приема этих сигналов, все равно позывные дойдут до матери — на особую волну настроено ее сердце.

...Кунград. В любое время готов выехать на трассу начальник аварийно-восстановительного поезда Константин Сташевский. Но в последнем письме дочь пишет: «У Кости, мама, работы мало...» «И хорошо, — думается Серафиме Павловне, — работа-то у него огненная, мчится всегда навстречу беде, туда, где произошел разрыв газопровода».

...Землетрясение в поселке Газли. Встревожилась вся страна. А мать и подавно места

себе не находит: «Как там Неля, Юлдаш?» Наконец, в руках заветный конверт: «Со всех концов приехали в поселок люди, чтобы помочь. И мы работаем вместе со всеми»...

Серафима Павловна говорит тихо, неторопливо:

— Всегда жду этих весточек... А мы со средней дочерью Людмилой да с ее семьей здесь поселились, в поселке Истье, на Рязанщине. Люда с мужем Борисом тоже работает на КС, в одной бригаде, ремонтники они.

...Компрессорная Истье встретила нас какой-то даже нерабочей тишиной. Сквозь стеклянную стену слышались четкие доклады дежурного — шел диспетчерский час. Тишина, впрочем, оказалась самая что ни на есть рабочая. Летнее время, пожалуй, наиболее ответственное и важное на станции: идет ремонт турбин, наладочные работы. От сегодняшних дней зависит многое, ведь зимой газ пустят на полную мощность по всем ответвлениям газопровода. За сутки через компрессорную пройдет его более 80 миллионов кубометров — среднеазиатского, оренбургского — в кольцевой газопровод Московской области, в столицу, Коломну, Рязань, в другие города. Тогда уж нельзя будет мешать работе турбин и нагнетателей. Вот и «колдует» летом бригада Бориса Дерксена над огромной, разобранной на части турбиной (в таком виде она еще больше впечатляет — одна только «гаечка» килограммов на пять потянет!). Восьмитонный ротор — сердце турбины, самая главная ее часть. Лопаточки, прикрепленные к стальному валу, газовики снимают, смывают с них нагар соляркой, содой.

— Если хоть одна лопаточка ротора даст трещину или на микрон изменится ее кривизна, может произойти авария, — объясняет мне Людмила Дерксен. — Поэтому работаем на такой громадине с микрометрами, штангенциркулями — такая тут точность нужна. С газом шутки плохи. Вырвется — много бед наделает. Вот мы, ремонтники, и пестуем эти лопаточки, чтоб никаких ЧП не приключилось.

ПАМЯТЬ

Старые письма — солдатские треугольники, пожелтевшие листы — хранят в себе прошлое.

«Имею я, Сима, звание сержанта. Были мы в бою под Сталинградом да семь месяцев в окружении, поэтому и не писал так долго. Вышли из горячей битвы с фашистами, часть нашу в Воронеж отправили. Так что временно не пиши до получения нового адреса. Как ты, Сима, как дети?...» (Из последнего письма Алима Хуснутдинова с фронта. 1942 г.)

...Вечером, после работы, мы бродили по рязанским полям. Внуки не отходили от Серафимы Павловны. Прозрачный воздух по всему ромашковому полю разносил звонкие детские голоса.

— Бабушка, а сарай все-таки будем переносить?

— Придется, Оксана...

— А как же ласточка? Она ведь там гнездо свила...

Мы с Галей Сташевской, старшей дочерью Серафимы Павловны (приехала в отпуск из Кунграда), ушли далеко вперед. Совсем рядом журчит река, льется Галин тихий, печальный голос:

— Помню, как мама бежала, падала, кричала. Так проводили отца на войну. А после встречали: мама все не хотела верить извещению «без вести пропал». Мы жили тогда в маленьком приграничном городке Пржевальске, Борис и я — старшие — бегали к каждому пароходу, что приходил с Рыбачьего. Однажды сошел на берег солдат, без ноги, на костылях, и показалось нам с Борей, что это отец. Бросились мы к нему радостные, закричали. И солдат не оттолкнул, крепко прижал нас к себе — шинель щеку мне уколола, — понял, ко-

Оксана, Борис, Оля и Света любят вместе с бабушкой рассматривать фотографии из семейного альбома.

нечно, что мы обознались. После этого я уже не ходила пароходы встречать, а брат бегал, надеялся...

Старые письма в архивы с просьбой найти отца — они хранятся в потертом кожаном портфельчике. И этот недавний, печальный ответ...

«Уважаемая Людмила Алимовна, на Ваше письмо сообщаем, что, по данным Джеты-Огузского райвоенкомата, Ваш отец Хуснутдинов Нургали Алим Гизатуллович скончался от ран 9 ноября 1943 г. при 582-м эвакогоспитале.

Джеты-Огузский райвоенком СМИРНОВ.
2 сентября 1977 года».

***

В семейном альбоме на потускневшем глянце довоенного фото Серафима Павловна — тогда просто Сима — совсем молодая. Счастливая улыбка на лице, и нет еще на нем следов войны, страданий, тех ночей, когда она приходила домой и, покормив пятерых мерзлой картошкой, засыпала прямо за столом. Еще не знакома ее хрупким плечам тяжесть многопудовых мешков, которые она в войну, как и другие женщины их городка, будет грузить на пароходы. Еще не знает она такой песни:

Получил командир батареи
Эти варежки-пуховички,
Что так нежно и ласково грели,
Как пожатие женской руки...

Ее она будет петь в клубе зимними вечерами в общем кругу, с такими же, как сама, солдатками, петь и вязать шарфы, варежки, носки — для фронта. И вспоминать своего Алима, тревожиться о нем. А утром — снова пристань и пригибающая к земле ноша...

На фотографии у нее длинные косы. Но в тяжелый первый военный год дети заболеют тифом, заразится и она, ухаживая за ними, — не станет кос, летящего, беззаботного взгляда, детских ямочек на щеках.

Семейный альбом, довоенное фото...

***

Казан. Откуда здесь эта старая походная утварь, в поселке под Рязанью, среди прочей кухонной современной, эмалированной, блестящей, новенькой? Уже местами не смывается застарелая копоть с его боков, но, заботливо вычищен и надраен, лежит себе выдавший виды казан.

Не помнит Серафима Павловна такого года, когда кто-нибудь из сыновей или дочек не приезжал бы навестить ее. На этот раз семья Дерксенов встречает Галину Сташевскую (в центре). А дома всех их с нетерпением ждет мать.

Возит его с собой Серафима Павловна повсюду с тех самых пор, как впервые поехала работать поварихой в геологическую экспедицию. Хорошие там были люди, трудовые. Приходили геологи из разведки усталые, голодные, и Серафима Павловна спешила каждого обогреть, накормить, приветить. И ее дети, которых она всегда возила с собой, видели и подмечали: трудится мать с утра до вечера, минуты на месте не посидит, ко всем с добром и уважением подходит, за это и любят ее люди. Но сколько потом ни колесили по стране — и в Киргизии были и на Урале, — а самое дорогое

Людмила и Борис Дерксен в машинном зале компрессорной станции «Истье».

место для всей семьи—Комсомольск-на-Устьурте. И сюда, на пустынный берег Аральского моря, Серафима Павловна приехала первая, а потом уже всех ребят—они к тому времени взрослые стали, в разных местах работали—к себе выписала. Сманила красотой суровой пустыни, необычной работой: строить новый газопровод, молодой город. А сама снова взялась за поварское дело. На этот раз закипели в казане борщи для сварщиков и шоферов, изолировщиков и монтажников.

— Город тогда только начинался,—вспоминает Серафима Павловна.—Шестьдесят вагончиков на ровном месте стояло, а кругом—солончаки, безводье. В степи шакалы да змеи. Прошло не так уж много времени, а у нас там сады зацвели персиковые, и вагончиков как не бывало—выросли дома, а из домов—улицы. Кто-то из ребят мне говорил, что писатель Паустовский назвал когда-то Устьурт

безжизненным краем. Теперь-то там жизнь бьет ключом. Жалко, но уехать нам оттуда пришлось: внуки подросли, им нужно было учиться, а школа—город-то только строился—лишь до пятого класса. Разъехались кто куда.

Сколько детей у Серафимы Павловны, столько у нее забот, планов и мыслей. Да еще это число надо помножить на два, потому что снохи давно стали родными дочками, зятя—сыновьями, к нему прибавить еще четырнадцать—столько у нее внуков. Такая у матери арифметика. А сначала пришлось ей привыкать да приноравливаться: одна дочь вышла замуж за белоруса, другая—за узбека, третья—за немца, один сын женился на русской, другой—на татарке. С ними появились в доме новые обычаи, привычки. Но скоро семья впитала их в себя, зажила, как бы обновленная приходом каждого нового, ставшего родным

человека. И мать варила в казане пельмени и бешбармак, манты и плов—на все вкусы!

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

Непоседливый она человек. Часто собирает Серафима Павловна старенький чемодан и едет к детям в гости: узнать, как живут, своими глазами увидеть, все ли ладно. Правда, как признается Константин Сташевский, «в гостях она, конечно, не гостит», приехав, сразу берется за домашние дела: носки на зиму вяжет, с внуками возится.

Недавно была в Ташкенте, в семье младшей дочери Нели, а еще раньше ездила к сыну Борису в Актюбинскую область, на КС-10. Погостила у них, посмотрела на внуков, поехала к старшей дочери Галине с Костей, в Кунград. Забрала на время своих кунградских внучат—Нону, Костю, Женю да с ними вместе на берег Арала подалась. Там жили в палатке, на костре готовили, рыбачили. Домой, в Истье, Серафима Павловна поспела, как она в шутку говорит, к «своим» выпускным экзаменам. Внучка Оля, старшая дочка Людмилы и Бориса Дерксена, и Света—дочь Аллы и Бориса Хуснутдиновых, которая на время переехала в Истье,—заканчивали десятый класс, а она «болела» за них. Теперь собирается в Татарию, куда недавно переехал сын Евгений с семьей.

По будням дом ее неприметен и тих. Но есть у него, как, впрочем, и у многих других домов, где живут большие семьи, особые дни, когда у всех домохозяев замирает сердце: «Наши едут!»

С утра—беготня, суета, хлопоты, но наступит заветный час, и молчаливый, сдержанный Борис Дерксен сядет за руль своего светлого «Москвича» и поедет на станцию «Рязань-2»—к желанному поезду. Серафима Павловна положит на переднее сиденье гладиолусы, гордо взглянет на них: вон какие в своем саду вырастила, да к сроку и, помахав вслед, торопливо пойдет домой.

Большая семья... Когда они—25 человек!—тесно усядутся рядом, бабушка наденет праздничный передник, неторопливо направится к столу и, радушно угостив всех, чинно сядет во главе. Серафима. Хозяйка. Мать.

Я смотрю на ее детей и думаю о том, что если предложить им заполнить анкету, общую для всех, то сразу, как на раскрытой ладони, станет видна главная линия жизни этих людей. И то, какими мать их воспитала.

Фамилия: Хуснутдиновы, Сташевские, Дерксены, Кучкаровы.

Национальность: русские, татары, узбеки, немцы, белорусы.

Какими языками владеют: русским, татарским, узбекским, белорусским, немецким.

Профессия: газовики—любимая, постоянная. Специальности самые разные: шофер и оператор котельной, начальник аварийно-восстановительного поезда и бригадир слесарей-ремонтников, радисты, заместитель директора и машинист компрессорной станции.

Место работы: газопроводы Бухара—Урал, Средняя Азия—Центр.

Место жительства: РСФСР, Казахская ССР, Узбекская ССР.

Есть в семье коммунисты и комсомольцы, ударники коммунистического труда. Имена некоторых членов семьи занесены в Книгу почета КС-7 в Комсомольске-на-Устьурте.

И не мудрено, что, стоит им собраться вместе—после первых приветствий, радостных объятий разговор неизменно переходит на работу. «Все о газопроводах да компрессорных—прямо производственное совещание».—шутит мать.

...В день, когда в поселок Истье съезжаются дочери и сыновья, снохи, зятя и внуки, дом Серафимы раздвигает свои стены, становится просторным и необъятным. Как наша страна.

РЕКОРДЫ

В сентябре 1977 года о них впервые написали газеты. Женский экипаж Аэрофлота, выполнив три зачетных полета, установил новые мировые рекорды дальности и скорости. А 39 лет назад, в сентябре 1938-го, всю страну облетела весть о мировом достижении Валентины Гризодубовой, Полины Осипенко, Марины Расковой, которые на самолете «Родина» за 26 часов 29 минут пролетели 6450 километров из Москвы на Дальний Восток. Тогда отважным летчицам—первым из женщин—было присвоено звание Героя Советского Союза. За 39 лет выросла советская авиация, выросло новое поколение летчиц. И сейчас уже не маленький АНТ-37 с максимальной скоростью 340 километров в час доверен рукам женщин, а гигант, флагман Аэрофлота ИЛ-62М, отметка скорости которого превышает цифру «900».

С экипажем мы познакомились накануне рекордов, в аэропорту Шереметьево, где на базе ГосНИИ гражданской авиации проходила подготовка к полетам. Была последняя тренировка перед первым рекордом, и на борт еще допускались инструкторы, журналисты.

...Утро выдалось облачным, серым и ветреным, из тех, что заставляют путешественников с авиабилетами в кармане тревожно вглядываться в низкое небо: не отменяют ли рейс?

Наш рейс не отменили. Как обычно, приветливо улыбались бортпроводницы, как обычно, попросили пристегнуть ремни.

— Первый в мире женский экипаж самолета ИЛ-62М приветствует вас на борту флагмана Аэрофлота. Командир корабля Ираида Вертипрахова, вторые пилоты Тамара Павленко и Евгения Мартова, штурман Галина Козырь, бортинженер Галина Смагина, бортрадист Нина Костыркина.

Мы должны были провести на борту самолета пять часов, пролететь 5000 километров. Так что времени для интервью было достаточно.

— Ученицами я доволен,—рассказывал журналистам Виктор Васильевич Козлов, летчик-испытатель I класса, руководящий подготовкой экипажа.—Настойчивые, любознательные. Быстро освоили машину, обнаружив новые резервы самолета и собственных возможностей. Доказательств, думаю, ждать не долго.

16 сентября они прошли по замкнутому маршруту Москва—Симферополь — Свердловск — Москва, равносроннему треугольнику с периметром в пять тысяч километров. Экипаж установил сразу два мировых рекорда для машин подобного типа—скорости и дальности. 5019 километров их самолет преодолел за 5 часов 16 минут со средней скоростью 971 километр в час. Был превышен официальный мировой рекорд скорости, установленный мужским американским экипажем на самолете В-52.

— Путь в авиации для каждой из нас, уверена, не труден—вот в авиацию путь трудный,—так начался наш разговор с Ираидой Федоровной Вертипраховой, пилотом I класса Красноярского управления гражданской авиации, командиром корабля ИЛ-18.

Она не помнит, как родилась ее мечта. Бабушка рассказывала: с восьми лет, дескать, в небо смотрит, летчиком хочет быть.... Рассказывала, а родные смеялись: спустись на землю, придется тебе, дочка, со скоростью курьерского ездить, в семье-то все железнодорожники. Назло насмешкам этим и записалась в аэроклуб. Потом уже из родного Красноуфимска поехала в Саранскую летно-техническую школу. По окончании направили в Красноярск инструктором по парашютному спорту. 400 прыжков на счету у Ираиды Федоровны. В 1957 году в затажном прыжке на 10 тысяч метров она установила мировой рекорд, перекрыть который смогли только десять лет спустя.

Ей нравилась работа: из неуклюжих, неловких парней и девчонок получались отважные, сильные парашютисты. Приходилось и летчиков инструктировать. А потом, встречая их, уверенных, подтянутых, в форменках Аэрофлота, выслушивая благодарность за науку, отводила глаза. Да, завидовала.

Не раз и не два приходила она в отдел кадров Красноярского управления гражданской авиации. Просила, требовала, снова просила. И наконец начальник отдела кадров, проглядев ее послужной список, молча протянул чистую анкету. В женский день, 8 Марта 1963 года, был ее первый рейс на АН-2. Теперь кавалер ордена Трудового Красного Знамени И. Ф. Вертипрахова водит ИЛ-18 в Москву и Петропавловск-на-Камчатке, в Душанбе и Минеральные Воды. 11 тысяч часов провела она за штурвалом самолета.

22 сентября в 2.00 экипаж Вертипраховой снова поднял свой ИЛ-62М в воздух. 10388 километров на замкнутом маршруте—новое мировое достижение дальности ИЛ-62М.

Во время тренировочного полета, какось, несмотря на строгий запрет, я рискнула подойти к святой святынь—пилотской кабине. Дверь была открыта, и некоторое время, завидуя самой себе, я могла наблюдать за всем, что там происходит. А ничего особенного не происходило. Шла обычная работа, как будто не было под ногами 10050 метров (такой потолок держали летчицы на подходе к Свердловску), как будто не неслись мы со скоростью больше 900 километров в час. У штурвала Ираида Федоровна Вертипрахова и Тамара Григорьевна Павленко, командир ИЛ-18 у себя в Алма-Ате и второй пилот на ИЛ-62М. «Галина, подбрось угольку». И бортинженер

Смагина переводит рычаг сектора газа. Держит связь радист Нина Костыркина (ее постоянное место работы—московский аэропорт Домодедово): четкие команды земли иногда прерываются совсем не официальным «Молодцы!». Но Виктор Васильевич Козлов в данный момент вошел в кабину чем-то явно недовольный: «Опять экспериментируете!»

Потом Галина Смагина мне объяснила:

— Попали в сильный ветер, а скорость не снизили. В результате—болтанка. Виктор Васильевич, понятно, за нас волнуется. Я, когда в салоне сижу, тоже всегда за летчиков переживаю.

Летать на ИЛ-62М Галине труднее, чем ее подругам. «Не в то кресло посадили»,—смеется она. В Душанбинском управлении ГА Смагина—единственная женщина командир корабля ЯК-40. Здесь же Галина—бортинженер. А руки нет-нет да тянутся к штурвалу.

— Сначала даже расстроилась. Лучше, думаю, пилотом на ЯК-40, чем бортинженером на ИЛ-62. Но теперь уверена: каждому пилоту необходима практика бортинженера.

«Карьера» Галины складывалась так же, как у остальных членов экипажа: аэроклуб, летно-техническая школа, инструктор ДОСААФ, второй пилот, командир корабля. «Летаю на местных рейсах»,—говорит она. И только заглянув в атлас, понимаешь, что такое местные рейсы Галины Смагиной. Крыша мира. Темными морщинистыми складками улегся на карте Памир. Почти в центре его высокогорья—Хорог. Сюда из Душанбе прежде добирались более сорока суток. Теперь работяга ЯК-40 преодолевает это расстояние за час. Но и воздушный извозчик отнюдь не застрахован от своенравия Памира. Любой справочник по гражданской авиации трассу Душанбе—Хорог называет одной из самых трудных в мире.

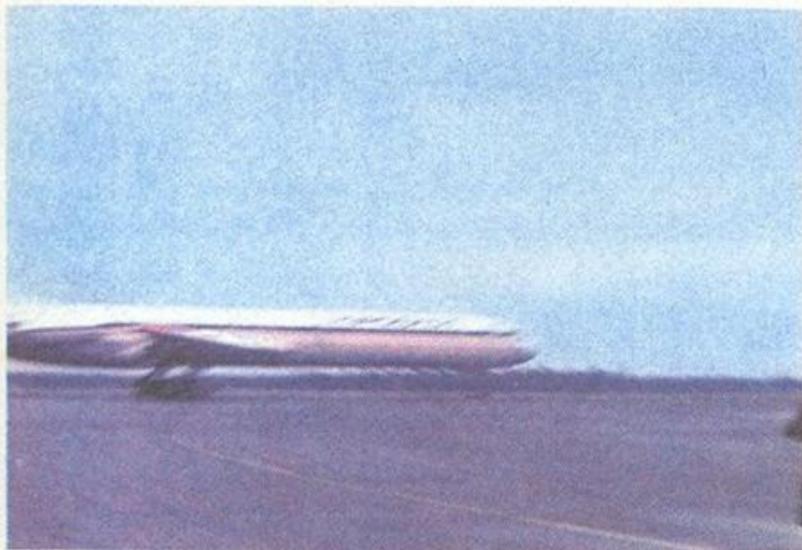
ЯК-40—«крылатый автобус». Не раз тепло вспоминали его летчицы. Это он, небольшой, но отвечающий всем требованиям современной авиации, десять лет назад заменил на внутренних рейсах АН-2 и ЛИ-2. На нем из Быкова летает и Евгения Мартова.

— Как летчик, больше всего на свете хочу летать на самолетах I класса, как пассажир—на ЯК-40. Посмотрите из ИЛ-62 в иллюминатор: облака, белая вата, а из моего «автобуса» все краски осени видны, к земле ближе. Какие трудности? Знаете, летчику трудно на земле. Суета, бумаги всякие, неувязки. В воздухе спокойнее.—Евгения Николаевна помолчала.—Женщина-авиатор—это особая порода людей. Не без примеси фанатизма. Ей надо работать не просто хорошо, а лучше, в десять раз лучше других, чтобы доказать свое право на штурвал.

В 1966 и 1967 годах Евгения Мартова доказывала это рекордами на сверхзвуковом МИГ-21, нынешний полет—еще одно доказательство.

Герои Советского Союза М. Раскова, В. Гризодубова, П. Осипенко.

В ПЯТОМ ОКЕАНЕ

На пресс-конференции в Министерстве гражданской авиации СССР (слева направо): Г. Козырь, Г. Смагина, И. Вертипрахова, заместитель министра гражданской авиации Б. Грубий, Е. Мартова, Н. Костыркина, Т. Павленко. Фото В. ГРЕБНЕВА.

23 октября экипаж Вертипраховой завершил беспосадочный перелет София — Владивосток. За 13 часов 1 минуту летчицы преодолели расстояние 10074 километра. Установив новый мировой рекорд дальности полета по прямой для реактивных самолетов, они троекратно перекрыли достижение американки Ж. Кокран. Свой рекордный перелет летчицы посвятили 60-летию Великого Октября.

...Еще одно интервью мы взяли у Героя Советского Союза, pilota легендарной «Родины» Валентины Степановны Гризодубовой:

— Приятно сегодня видеть в таблице мировых рекордов имена советских женщин-летчиков.

Наши женщины доказали, что они могут освоить реактивную технику.

В 1967 году Л. Уланова, В. Слободская и Г. Козырь (участница и сегодняшнего рекорда) установили мировой рекорд дальности на ИЛ-18.

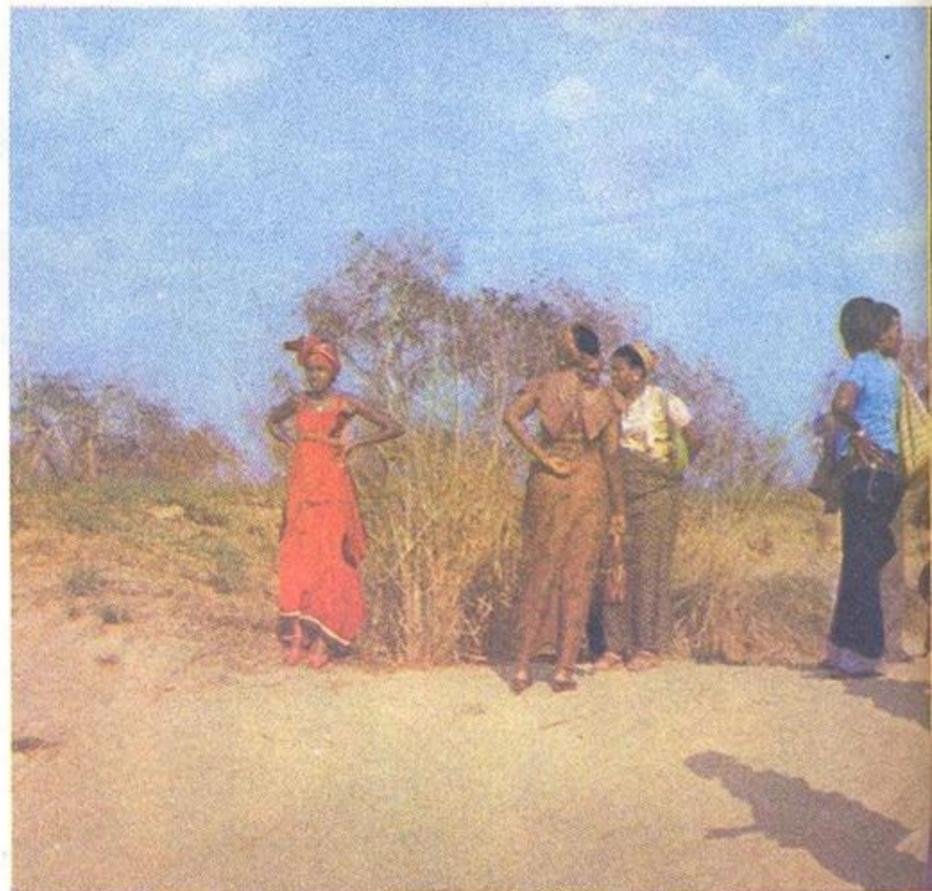
Г. Расторгуева, летчик-испытатель II класса, в Международный год женщины перекрыла два мировых мужских рекорда и несколько женских на новейшем вертолете.

Меня радует, что новый рекорд дальности и скорости на реактивном самолете принадлежит советским летчицам-труженицам, налетавшим многие тысячи часов на транспортных самолетах.

Рекорд экипажа Вертипраховой имел немалое значение для авиационной науки. В подготовке этого экипажа впервые применена новая методика обучения. Вместо шести месяцев учеба заняла лишь 60 дней. Их маршрут София—Владивосток послужит прообразом будущих аэрофлотовских трасс, которые сократят расстояние от центральных районов до Приморья на тысячу километров. Штурману экипажа Галине Козырь (уже год летающей из Домодедова на ИЛ-62) была доверена новейшая система приборов, позволяющих определять местоположение самолета без контактов с Землей.

Рекорд в авиации—это рекорд конструкторской мысли и мастерства летчика. С. В. Ильюшин, не любивший рассказывать о себе, говорил: «Лучше всего поют о конструкторе в небе самолеты». Что ж, экипаж Вертипраховой помог машине Ильюшина выявить возможности, заложенные конструкторами. Так же, как машина помогла шестерым женщинам испытать собственную волю, знания, мастерство.

И. ЖУРАВСКАЯ

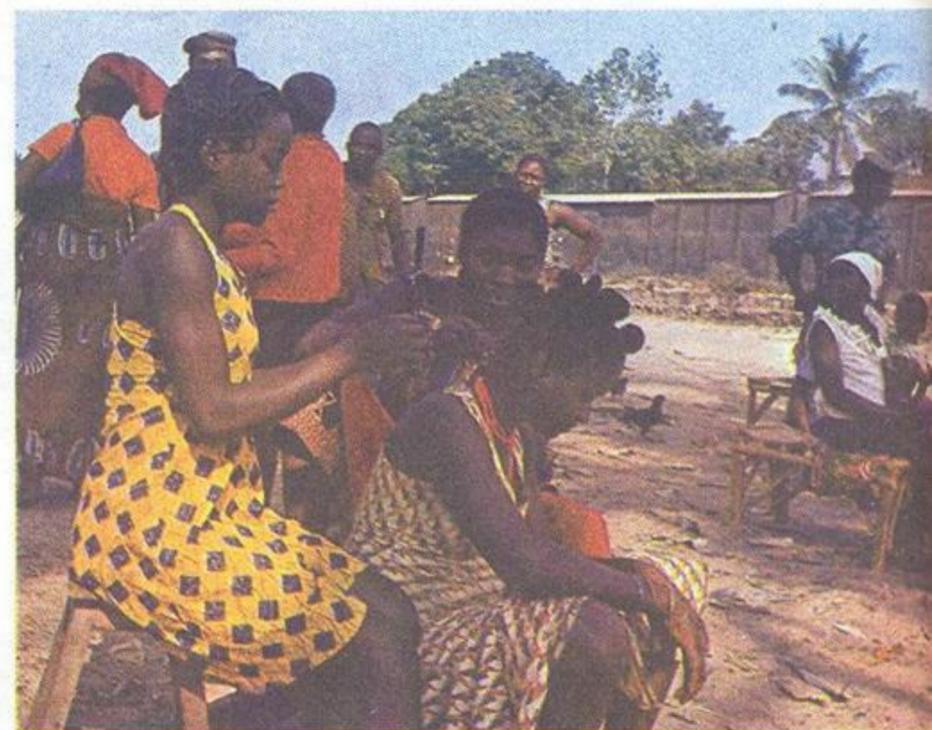

● Участницы семинара. Впереди (крайняя справа) Жозефин Мунту-Байон, президент Революционного союза конголезских женщин, рядом с ней Антуанетт Пака, вице-президент Союза.

● В саванне.

● Сельская модница. Немало надо затратить мастеру времени и умения, пока жесткие завитки волос улягутся косичками в замысловатый орнамент или превратятся в торчащие во все стороны рожки, напоминающие антенны космического спутника.

Фото автора.

ЖЕНЩИНЫ ИЗ СТРА ОСЕДЛАВШЕЙ ЭКВ

Веселые и шумливые, в нарядных платьях-бубу, с замысловато сооруженными по поводу торжественного случая прическами, они быстро заполнили уютный зал столичной мэрии. Оставив на чье-то попечение дом, кучу ребятишек (у каждой их пятеро-шестеро, а то и больше), женщины пришли на открытие семинара, посвященного 60-летию Великого Октября и опыту решения женского вопроса в Советском Союзе. Такой семинар организовал в столице Народной Республики Конго—Браззавиле Революционный союз конголезских женщин.

Начало было необычным для нас: боевые песни сменялись плясками—их исполняла группа женщин, участниц семинара,— песни подхватывали сидящие в зале, танцующих подбадривали криками, аплодисментами, казалось, весь зал поет и танцует. Но вот стихла песня. Лица стали суровыми. Председатель, подняв руку—пальцы сжаты в кулак,—восклицает: «Только борьба приносит свободу!» Зал стоя подхватывает: «Слава народу!», «Только народ!» Председатель бросает в зал: «За красное знамя мы будем бороться!» И зал вторит: «Мы будем бороться!» И снова звучит призыв: «Долой империализм, колониализм, неоколониализм!» «Долой!»—трижды подтверждает свою волю мощный хор женских голосов. «Ой-е-е-е!» — «Ура!» — грохочет в зале. Президент Революционного союза конголезских женщин Жозефин Мунту-Байон открывает семинар...

В течение шести дней мы—две советские женщины—рассказывали африканским подругам о том, что дали женщине Великий Октябрь, Советская власть, Коммунистическая партия, о том, какое место занимает сегодня советская женщина в обществе и семье. Мы рассказывали о нашей новой Конституции (тогда еще шло обсуждение проекта)—о документе, в котором вместились столько мудрой и доброй заботы о человеке.

Слушательниц интересовало буквально все: как мы справились с неграмотностью и что такое колхоз; как готовились кадры революционерок и есть ли в СССР полигамные семьи; каковы формы профессиональной подготовки женщин и какими привилегиями пользуется многодетная мать. Возникали и совсем неожиданные вопросы, вроде такого, например, каково отношение общественного мнения к мужчинам, изменяющим своим женам. Были и вопросы-раздумья: не является ли наличие государственной и колхозно-кооперативной собственности, в отличие от частной, причиной для снижения добросовестности в труде? Или: в Советском Союзе женщины равноправны с мужчинами, почему же тогда особые льготы для женщин?.. Много было задано вопросов, связанных с воспитанием детей. И это понятно—в Конго почитают материнство. Здесь говорят: «Что может быть дороже детей, подаренных супругой?» И женщина «дарит» супругу семь, а то и десять наследников. До последних лет конголезка была накрепко прикована к дому, семье. Только с победой революции к старым привычным заботам женщины прибавилось стремление выйти за стены собственного дома, вместе с мужчинами строить новую жизнь. Отсюда и огромный интерес к опыту нашей страны, желание узнать как можно больше...

В 1960 году пала в Конго власть французских колонизаторов. А четыре года спустя был уничтожен и неоколониалистский режим, конголезский народ избрал социалистический путь развития.

Конго называют страной, оседлавшей экватор (она расположена в Экваториальной Африке). Сами же конголезцы зовут свою родину «страной грядущих надежд». Эти надежды они связывают с революционными преобразованиями, которые осуществляет Конголезская партия труда—единственная и правящая партия в стране.

В марте 1965 года родился Революционный союз конголезских женщин (РСКЖ). Родился для того, чтобы помочь женщинам осознать происходящие перемены в жизни народа и определить свое место в этих переменах. Устав союза требует от членов «активного участия в экономической, политической и социальной жизни страны, в борьбе против реакционных предрассудков, в воспитании детей на революционных принципах и идеалах, в духе патриотизма». Девизом союза стали слова: «Только борьба освобождает!».

Начали с того, что в городах и деревнях открыли социальные центры. Здесь женщины учатся шитью, вязанию, получают элементарные навыки санитарии, ухода за ребенком. Через социальные центры РСКЖ ведет политическую работу среди женщин, помогает им учиться

Свадьба.

грамоте. Появились в стране первые детские ясли и сады. Правда, их пока мало.

Оченьгодились в работе социальных центров швейные машинки и акушерские сумки, ткани, иголки, нитки, письменные принадлежности и детские игрушки, присланные сюда Комитетом советских женщин. Много добрых слов, слов благодарности за помощь слышали мы в адрес нашей страны, наших женщин.

Союз стремится помочь женщинам получить заработок, участвовать в коллективной работе. В Браззавиле мы посетили красивую мастерскую, созданную РСКЖ. Работницы, их около пятидесяти, занимаются ручным крашением ткани для национальной одежды, вяжут трикотажные вещи. Мастерская сама реализует продукцию. Другое производственное объединение женщин мы видели в Кинкале, в районном центре, примерно в 80 километрах от столицы. Здесь за крестьянками закреплен участок земли, который они обрабатывают совместно, выращивают маниоку, бананы. Из дерева, соломки изготовляют сувениры. Это только первые шаги коллективного труда.

Много трудностей на пути революционных преобразований в Народной Республике Конго: слаборазвитая экономика—наследие колониализма, сохраняющееся засилье французских компаний, непрекращающийся рост безработицы, рост цен. Женщины, получившие равные права с мужчинами на труд, не могут этим правом воспользоваться: нет рабочих мест. Среди женщин по-прежнему очень много неграмотных—до 90 процентов.

Но Революционный союз конголезских женщин полон решимости вести борьбу за новую, свободную и светлую жизнь. Из многочисленных встреч, бесед с активистками союза мы вынесли твердое убеждение, что большинство женщин Народной Республики Конго поддерживает свою партию труда в ее созидательной работе, в ее борьбе против колониализма и расизма. Женщины хотят, чтобы их детям жилось иначе, чтобы Конго стало «страной сбывшихся надежд».

3. ТИМОФЕЕВА

**НЫ,
АТОР**

НА СТРАЖЕ ЗДОРОВЬЯ

Здоровье людей—самое большое богатство нашего общества. Мы справедливо гордимся своей государственной системой народного здравоохранения, считая ее одним из крупнейших завоеваний 60 советских лет. И знаменательно, что именно в юбилейный год, сразу после утверждения новой Конституции СССР, где право на охрану здоровья закреплено законом, партия и правительство принимают новое постановление «О мерах по дальнейшему улучшению народного здравоохранения», научно обоснованную комплексную программу развития и совершенствования медицинского обслуживания. «Считать дальнейшее улучшение охраны здоровья женщин и детей важнейшей государственной задачей»—записано, в частности, в постановлении. Какие конкретные дела и планы стоят за четкой формулировкой документа? На этот вопрос мы попросили ответить заместителя министра здравоохранения СССР Елену Чеславовну НОВИКОВУ.

— Нас очень радует поистине всенародное внимание к заботам и нуждам медицины. К решению задач здравоохранения привлечены не только медицинские учреждения, но и партийные комитеты, советские органы, профсоюзы, различные министерства и ведомства.

Вы знаете, что и прежде крупные промышленные предприятия строили для своих рабочих не только жилые дома, детские сады и семейные пансионаты, но и больницы, профилактории, родильные дома. Ваш журнал рассказал, например, об образцово поставленной службе здоровья челябинских металлургов. Я могу продолжить список: перечислить предприятия Украины и Белоруссии, перенявшие челябинский опыт, рассказать о туркменских и узбекских колхозах, строящих за свой счет современные больницы и поликлиники. Но могу назвать, к сожалению, и другие адреса, где хозяйственные руководители считают, что забота о здоровье женщин и детей—дело исключительно органов здравоохранения и только они должны заниматься созданием сети медицинских учреждений. Теперь положение меняется. Новое постановление переводит желательное в категорию обязательного. Начиная с 1978 года средства, выделяемые для строительства объектов здравоохранения, в первую очередь пойдут на строительство амбулаторно-поликлинических, родовспомогательных и детских учреждений. Постановление призывает также шире кооперировать для этой цели средства предприятий и организаций.

— В письмах, приходящих к нам в редакцию, читатели подчас жалуются на переуплотненность многих родильных домов, больниц.

— Да, последние годы мы испытывали (и это отмечено в постановлении) заметную нехватку родовспомогательных и детских лечебно-профилактических учреждений. Дело в том, что демографы предсказали в шестидесятые—семидесятые годы падение рождаемости и соответственно не возникало необходимости расширения сети этих учреждений. Однако (к счастью!) запланированный спад не состоялся, рождаемость у нас неуклонно поднимается. Если в 1971 году мы называли цифру 17,2 на тысячу населения, то в 1976 году уже 18,7. Такие ошибки, конечно, радостны. Но... мы не были к ним готовы. Поправлять просчеты непросто, хотя государство щедро финансирует здравоохранение. Поэтому мы благодарны партийным и советским органам, которые поддержали инициативу промышленных предприятий, взявшихся за строительство больниц и родильных домов для своих работников. На эти же нужды пошли народные деньги, заработанные во время коммунистических субботников: более 480 миллионов рублей. Так что мы с уверенностью заявляем: к концу этой пятилетки сеть родильных домов значительно увеличится, и в следующей пятилетке проблема будет решена полностью.

Новые родильные дома и детские больницы включаются в состав крупных многопрофильных больниц—создаются как бы целые комбинаты здоровья, где сосредоточены специалисты самых разных профилей, где легче сконцентрировать и разместить сложное оборудование, организовать современную реанимационную и анестезиологическую службу. Кроме того, в каждой республике и области создаются специализированные крупные центры по выхаживанию недоношенных или детей, родившихся с какими-то отклонениями от нормы, а также родильные дома или отделения для женщин с различными осложнениями беременности.

— В последнее время мы много говорим о медицинской технике, сложной современной аппаратуре. Но согласитесь: никакая техника не заменит внимательных глаз и умелых рук врача, его опыта.

— А зачем заменять? Техника должна помогать, облегчать работу. Решать, делать выбор все равно приходится врачу. Его на каждом шагу подстерегают неожиданности, и надо быть готовым в считанные секунды, если понадобится, приступить к оживлению новорожденного, сделать искусственное дыхание, перелить кровь, провести неотложную операцию. Все женщины у нас рождают в условиях больницы, и какой бы ни была эта больница—сельской или центральной—в ней есть все необходимое для экстренной помощи матери и ребенку. Но мы хотим, чтобы и рядовые консультации и все родильные дома были оборудованы не хуже столичных клиник. Нет, речь не идет о сложных и дорогих установках, применяемых в исключительных, особо трудных случаях: они имеются в центральных районных, областных, республиканских больницах. Но наши ученые разработали немало удобных, портативных приборов и аппаратов, нужных практически каждому врачу. Пока их не хватает, промышленность не справляется с нашими заказами. Вот почему нас так радует намеченное постановлением резкое (более чем в два раза) увеличение производства современной медицинской техники, медикаментов, перевязочных материалов. Важно и то, что с 1 января 1978 года предусмотрено увеличение норм расходов на питание пациентов и приобретение медикаментов в родильных домах и детских больницах.

— Ведущая фигура нашего здравоохранения—участковый врач, и прежде всего участковый педиатр. Он—первый советчик и помощник семьи, на нем—самая большая ответственность за здоровье будущих поколений. Что делается для этих славных рядовых нашей армии здоровья?

— В новом постановлении особое внимание уделено техническому оснащению, укреплению и развитию амбулаторно-поликлинической помощи, повышению уровня квалификации участкового врача, созданию ему лучших условий для работы. Предусмотрено с будущего года уменьшить нагрузку участкового педиатра: сейчас на участке, который он обслуживает, около 1000 детей, а будет 800.

— Многих наших читателей интересует, как обстоит дело с производством продуктов детского питания.

— Два года назад, отвечая на критику вашего журнала, наше министерство и Министерство мясо-молочной промышленности СССР рассказывали о намеченных планах по увеличению производства этих товаров. Тогда разговор шел по преимуществу в будущем времени: построим, увеличим, наладим... Сегодня положение изменилось. «Малыш» и «Малютка» уже не дефицит. На полную мощность работают три крупных завода, выпускающих эти высококачественные сухие молочные смеси. К концу пятилетки войдут в строй еще два таких предприятия. Под Москвой строится завод для производства жидких смесей на ацидофильной основе. Организуются специальные «детские» цеха на крупных молочных комбинатах. Однако новое постановление идет еще дальше. Судите сами: к концу нынешней пятилетки должно быть выработано 26 тысяч тонн сухих молочных смесей, а к концу следующей (к 1985 году)—уже 65 тысяч тонн. Плодоовощных консервов—соответственно 600 и 900 миллионов условных банок в год. Недавно мы знакомимся с первыми опытными партиями мясных консервов для детей. К концу пятилетки этих красивых баночек с милыми названиями «Чебурашка», «Птенчик», «Язычок» будет выпущено 35 миллионов, а еще через пять лет—100 миллионов. Темпы, как видите, стремительные.

— Еще один вопрос, волнующий многих мам и пап: санаторное лечение детей.

— Пока мы не можем обеспечить санаторными путевками всех желающих—вынуждены выбирать тех, кому лечение действительно необходимо по медицинским показаниям. Им отказа нет. С каждым годом отбор этот все менее строг: строятся новые санатории, растет число коек (к концу пятилетки их будет более 80 тысяч, а в следующей—107,4 тысячи).

Но согласитесь: есть разная степень необходимости в санаторном лечении. Многие, кто претендует на санаторную путевку, вовсе не нуждаются в серьезном, углубленном лечении и строгом, почти больничном режиме. Им нужно как следует отдохнуть, поздороветь, принять курс общеукрепляющих, профилактических процедур. Не лежать в палате, а плавать, загорать, гулять, заниматься посильной физкультурой. Родители часто и сами хотят подлечиться, отдохнуть вместе с ребенком. Поэтому новое постановление предусматривает значительное расширение сети профсоюзных санаториев и пансионатов для родителей с детьми и учреждений отдыха для семейных.

Особое внимание уделяется и новой форме отдыха детей, завоевавшей в последние годы большую популярность: пионерским лагерям санаторного типа. В прошлом году в них оздоровлено 411 тысяч ребят, к концу пятилетки предполагается удвоить эту цифру. В санаторных круглогодичных лагерях ребята совмещают лечение с учебой, не выбиваются из привычного ритма жизни. А эффект от такого лечения очень велик.

Вела беседу Т. КОСТЫГОВА.

Дорогая редакция! Увидела вашу рубрику «На капитанском мостике» и решила написать это письмо.

Мне бы хотелось, чтобы ваши читатели узнали еще об одной из таких женщин — Ростовцевой Тамаре Федоровне, генеральном конструкторе, начальнике ГСКБ по машинам для химической защиты растений.

Так уж случилось в моей жизни, что с ранних лет я жила вдали от своей мамы. Окончив техникум, приехала по назначению во Львов. Трудно мне сначала пришлось в незнакомом большом городе. Не знаю, как бы сложилась моя судьба, если бы не встретила на моем пути эта женщина. И случилось так, как поется в песне:

Помнишь, мама моя,
Как девчонку чужую
Я привел к тебе в дом,
У тебя не спросив...

Да, я стала женой ее сына, назвала ее мамой не потому, что так принято называть свекровь, а потому что она для меня на самом деле самая-самая мама.

Моя мама — ровесница Великого Октября. Нелегким был ее путь от воспитанницы детдома до руководителя большого коллектива. Перед самой войной окончила институт в Москве. Ей, еще совсем неопытной девчонке, доверили руководить цехом на химическом заводе в Дзержинске. И, рассказывают, даже мужчины робели перед девочкой, начальником цеха, старались никогда ее не подводить.

В 1949 году Тамара Федоровна Ростовцева с мужем и двумя совсем еще маленькими сыновьями приехала во Львов. С тех пор она работает в объеди-

Прочитали мы письмо, и захотелось больше узнать о Тамаре Федоровне Ростовцевой как о специалисте, руководителе важного для сельского хозяйства конструкторского бюро. Об этом мы попросили рассказать заместителя министра тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР Николая Николаевича ТАРАСОВА.

Услышав, что речь идет о Ростовцевой, он откликнулся на нашу просьбу сразу.

— Тамара Федоровна Ростовцева носит высокий титул генерального конструктора. Специализированное конструкторское бюро, которым она руководит, или, как мы его сокращенно называем, ГСКБ, — головное, то есть главное, где создаются, конструируются и усовершенствуются машины для химических методов борьбы с вредителями и болезнями растений. ГСКБ — мозговой центр производственного объединения «Львовсельхозмаш». Руководителем этого конструкторского бюро Ростовцева стала двадцать лет назад. В ту пору, когда для химической защиты растений применялись лишь конные и конно-моторные машины. Под ее руководством впервые в СССР были разработаны производительные агрегаты для уничтожения вредителей на полях — тракторные боковые и штанговые опрыскиватели. Машины-защитники появились в садоводстве — тракторные односторонние и двухсторонние опыливатели, а также в виноградар-

стве — безнасосный малообъемный опрыскиватель. Впервые созданы в ГСКБ машины для борьбы с сорняками.

В конструкторском бюро под руководством Тамары Федоровны родились машины для подкормки полей жидкими химическими удобрениями. Появились машины для обеззараживания и протравливания семян зерновых культур. Львовские конструкторы создали оборудование для особой обработки семян сахарной свеклы на семенных заводах: теперь каждое семя ложится в землю, укутанное в целебную и стимулирующую рост оболочку. Такая обработка семян свеклы на семенных заводах дала народнохозяйственный эффект около 30 миллионов рублей.

За сравнительно короткое время Тамара Федоровна Ростовцева сумела создать большую конструкторскую организацию с опытным производством, которая сейчас решает весь комплекс вопросов по механизации химической защиты растений и внесению жидких минеральных удобрений. Ученые подчитали, что только за девятую пятилетку машины с маркой «ГСКБ-Львов» сохранили от потерь сельскохозяйственной продукции на 29 миллиардов рублей.

Занимаясь вопросами механизации сельского хозяйства, я много раз встречался с Т. Ф. Ростовцевой. Я знаю ее по участию в комиссиях Госкомитета Совета Министров

Идет обсуждение новых конструкций сельскохозяйственных машин.
На снимке: Н. Н. Тарасов и Т. Ф. Ростовцева. Фото Т. УКОЛОВОЙ.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТОР (ПИСЬМО С КОММЕНТАРИЕМ)

нении «Львовхимсельхозмаш». Была и рядовым инженером и главным конструктором завода, а когда организовалось Головное специальное конструкторское бюро по машинам для химической защиты растений, ей предложили возглавить его.

В те времена, когда сыновья ее не были еще женаты, муж и дети в шутку называли ее «наш генерал». Так осталось и сейчас. И как развеселила наша

мама представителя из министерства, когда тот поздравил ее с назначением на должность генерального конструктора, а она, поблагодарив, сказала, что уже давно является генералом: так, мол, ее зовут в семье.

Зато на работе ее по секрету часто называют «наша мама Тамара». Она всегда подтянутая, быстрая, все успевает. И дома ни минуты без работы, и на даче самая активная. И в театре ее часто можно встретить, а в

кругу друзей самая первая затянет песню и самая первая пустится в пляс.

Мне самой хочется быть во всем похожей на Тамару Федоровну. Я тоже работаю конструктором. И если я в своей жизни сумею сделать хоть немного из того, что сделала она, значит, и я проживу свою жизнь не зря. И за это тоже огромное спасибо маме.

г. Львов.

Алла КАТЕНЕВА

СССР по науке и технике. Не раз слушал ее доклады и выступления, знаком со всеми конструкциями, разработанными в руководимом Ростовцевой конструкторском бюро.

Творческий принцип, которому следует ГСКБ Ростовцевой, — создать сразу как бы целую семью машин, когда на основе одной базовой модели завод может производить в зависимости от назначения разные агрегаты. Работники сельского хозяйства догадываются, наверное, что я говорю об «ОН-400» — опрыскивателе навесном. Разработаны пять его модификаций. В этой семье машин все похоже друг на друга, но у каждой свое дело: один агрегат приспособлен для фруктовых и цитрусовых садов, другой — для полей кукурузы, свеклы и картофеля, третий — для виноградников, табачных и чайных плантаций.

Такое новое техническое решение — одним из его авторов была и Т. Ф. Ростовцева — регистрируется как изобретение. Кстати, у Тамары Федоровны двадцать два изобретения, большая часть которых внедрена в производство.

Около пятидесяти разных моделей механизмов пришли в сельское хозяйство из конструкторского бюро, руководимого Ростовцевой. А если взять, так сказать, их общий тираж, то около 40 тысяч машин в год выходит на поля и плантации. И в каждой из них живут воля и мысль генерального конструктора Ростовцевой.

НА КАПИТАНСКОМ
МОСТИКЕ

„ПРОДАЕТСЯ НЕЧ

«Бернар, 1,80 м, 48 л., худощавый, приятной наружности, с чувством юмора, улыбающийся и нежный, хотел бы встретить молодую женщину для установления дружеских связей или более того...»

«Молодая женщина, 1,66 м, 39 л., интеллигентная, с юмором, много путешествовавшая, ищет мужчину 35—45 лет со светлыми глазами, спокойного, уравновешенного, щедрого, любящего море, путешествия, кино...»

«Предприниматель, 1,83 м, 45 л., разведенный, щедрый, в здравом уме, хочет познакомиться с хорошенькой женщиной от 18 до 30 лет и готов поделить с ней выходные дни, путешествия. Транспортные и прочие расходы будут возмещены...»

«Продается нечто уникальное: высокая блондинка с голубыми глазами, образца 1944 года, которая может сделать более достойным и мужчину и дом. Предложения направлять в журнал».

Это несколько взятых наугад объявлений из французского еженедельника «Нувель обсерватёр», который печатает их десятками в каждом номере. В мире капитала, где все продают и все покупают, подобная «реклама» не новость и не редкость, и, видимо, не стоило обращать на нее внимание, если бы не некоторые весьма примечательные ее детали. Во многих объявлениях прямо или косвенно эксплуатируется понятие традиционной семьи. В делах совсем не семейных на этом понятии идет самая настоящая спекуляция. «Бернар» намекает, что он может и жениться. Откровенный «предприниматель» на всякий случай сообщает, что у него свободны рука и сердце. И даже циничная «блондинка» обещает сделать «более достойным» не только выбравшего ее мужчину, но и его дом.

Короче говоря, в современном буржуазном обществе, в этом царстве золотого тельца, где многие ценности так быстро девальвируются, где господствуют неуверенность и страх, семья — общественная единица, основанная на браке и отношениях кровного родства, — все еще сохраняет свою притягательность. И эта притягательность так велика, что ее используют не только в различных объявлениях, но и в более серьезных предприятиях, оплачиваемых буржуазной пропагандой по крупному счету.

И в то же время буржуазное общество давит на семью, оказывая на нее разрушающее действие. В капиталистических странах особенно быстро увеличивается количество разводов. В США, например, в начале века один развод приходился на 13 браков, а сегодня — на 3,5 брака. Но дело не только в том, что больше семей стало разрушаться, меньше создаваться и что ломаются привычные рамки, в которых существуют семьи. Нарушаются нормальные отношения и внутри семей, причем нередко эти процессы проходят в довольно скрытой форме и проявляются неожиданно, подчас драматично.

В итальянском городе Палермо, на Сицилии, весной этого года была найдена мертвой у стен своего дома 15-летняя Барбара Поли. Оказывается, она пыталась убежать из-под «домашнего ареста», используя веревку, сплетенную из разорванных на ленты простыней. Веревка оказалась недостаточно прочной, и Барбара сорвалась с пятого этажа.

Событие взбудоражило всю страну. В печати появилось немало сообщений о побегах подростков от слишком суровой семейной опеки. Оказывается, многие родители, чтобы уберечь своих взрослеющих детей от насилия, жестокости, господствующих в современном буржуазном обществе, стремятся ограничить их мир только рамками семьи и, случается, полностью лишают их контакта с внешним миром, месяцами держат под запором и даже приковывают цепями к кроватям.

Это лишь один пример того, как преломляется в семье, отражается на ней нравственный кризис, охвативший сегодня буржуазное общество. Снижение действенности правовых, экономических и религиозных мотивов, способствовавших прежде укреплению семьи, резко увеличило «нагрузку» на моральные семейные узы. А они-то как раз и

оказываются очень уязвимыми в атмосфере, где царит неуверенность в будущем, неудержимо растет число правонарушений, развивается коррупция и где деньги делают из всего, включая наркотики и порнографию.

Наряду с моральным кризисом буржуазного общества отрицательно действует на семью и такой фактор, как неравенство женщины. В капиталистических странах, как правило, женщины меньше зарабатывают, подвергаются всевозможной дискриминации, больше трудятся дома. В Великобритании недавно были приняты специальные законы, призванные ликвидировать такое положение, однако они в действительности мало что изменили. Об этом свидетельствует значительная разница в зарплате (в апреле 1976 года средний заработок женщины составлял две трети заработка мужчины). За два последних года в Великобритании резко выросла безработица. И если за это время число мужчин, ищущих работу, увеличилось вдвое, то женщин — втрое. Во Франции женщины, выполняя одинаковую с мужчинами работу, получают меньше их в лучшем случае на 16,6 процента. Иногда эта разница достигает 30,7 процента. Среди безработных женщин 62 процента.

Неравенство на работе вызывает неравенство и в семье. Будучи экономически менее самостоятельной, женщина полностью зависит от воли мужа. «Несчастье женщины, — пишет итальянский социолог Клара Натале, — в том, что она ощущает себя индивидуумом серии «Б», который, хотя и включен в производство по экономическим причинам, все же постоянно находится в подчиненном положении». Именно это, считает Клара Натале, является главной причиной все более широкого распространения в буржуазном обществе женского алкоголизма, наносящего еще один удар традиционной семье. Причем если раньше алкоголизму были подвержены прежде всего пожилые, одинокие женщины, потерявшие надежду иметь семью, то теперь он все больше распространяется среди молодых, еще не успевших создать семью, или тех, кто не может найти в ней удовлетворения.

В США за последние восемь лет число женщин, умирающих от алкоголизма, возросло на 20 процентов. В Италии, по данным профессора Бонфильо, в настоящее время каждая десятая женщина, страдающая алкоголизмом, моложе 25 лет, тогда как в 1950 году таких практически не было. «Многие женщины, — констатирует итальянский журнал «Нои донне», — пытаются утопить в алкоголе безнадежность, одиночество, неспособность утвердиться в семье и на работе, все те противоречия общества, которое не может дать женщине возможность жить в нем нормально».

Противоречия и ущербность капиталистического строя, который не может удовлетворить экономические, социальные, культурные запросы трудящихся, неизбежно отражаются на семье. «Внутри семьи, — пишет французская журналистка Колетт Кулон в журнале «Кайе дю коммунизм», — интенсивно проявляются противоречия и искривления буржуазного общества в состоянии кризиса. Здесь этот кризис переживают с особой остротой: безработица, низкая зарплата, недостатки среднего и высшего, а также профессионального образования тем более чувствительны, что касаются людей близких и дорогих».

«Антуану 43 года, он работал шофером, — пишет корреспондент журнала «Нувель обсерватёр» Ги Ситбон, — а теперь он безработный вот уже полгода.

— Первый вечер после увольнения я не смог ничего сказать дома, — рассказывает Антуан. — И прежде всего из-за старшей дочери. Ей 16 лет, и что она подумает об отце? Безработный... Легко сказать... На следующий день я рассказал все жене, а она уже все объяснила детям.

— Как же реагировала старшая дочь?

— Она ничего не говорит, как всегда, когда дело касается чего-нибудь серьезного. Но она думает, а я не знаю, что она думает. Раньше она не могла думать обо мне плохо, но теперь... Безработный — это ведь не профессия. Кто ни на что не способен, о том могут думать все, что угодно... Мои близкие меня не упрекают, но я чувствую, что в семье все стало по-другому. Я просто не могу слышать этого слова — «безработный». Человек должен работать. Ужасно плохо, когда ты ничего не делаешь, хотя имеешь профессию. Просто голова кругом идет...»

В мире капитала экономические трудности семей увеличиваются. Семьи вынуждены ограничивать себя в питании, одежде, в расходах на охрану здоровья. Самые простые мечты оказываются невыполнимыми, потому что приходится все время думать, как уравновесить семейный бюджет.

ТО УНИКАЛЬНОЕ

Эта женщина в отчаянии. Ее муж, как и тысячи других итальянцев, в поисках заработка вынужден был уехать за границу. И вот ни его, ни денег. И неоткуда ждать помощи...

Снимок из итальянского журнала «Нои донне».

А иной раз и уравнивать нечего. Во французском городе Бордо хозяин квартиры по суду выселил из дома семью потерявшего работу медика Алэна Ванраэ. Пособия по безработице не хватало, чтобы платить за квартиру, и Ванраэ попросил отсрочки, так как надеялся вскоре получить работу. В семье, кроме него, — 18-летняя дочь, тоже безработная, и младшая дочь — инвалид, за которой вынуждена все время ухаживать мать. Таким образом, в семье никто не работает.

«Выгнать нас из дома в такой момент было просто бесчеловечно, а ведь мы живем в обществе, которое претендует на звание развитого, — сетует Алэн Ванраэ в том же журнале «Нувель обсерватёр». — Никакого уважения к человеческой личности, к семье. Стоит ли удивляться, что нередко происходят несчастья вследствие морального крушения личности...»

«Мы боимся иметь детей: не хотим, чтобы они тоже стали несчастными, безработными. Проблемы все умножаются, и нам в семье нужно очень любить друг друга, чтобы остаться вместе», — вторит ему со страниц журнала «Кайе дю коммунизм» Мирей, работница компании «Аррие-Юбар-Айе».

Самым жестоким образом отражаются материальные трудности семьи на детях. Положение детей в мире капитала, пожалуй, наиболее наглядно и красноречиво характеризует этот мир бесправия и угнетения и те трудности, которые переживает в нем семья.

«Ад в 40 минутах и двух столетиях от Елисейских полей» — так озаглавила свой репортаж в еженедельнике «Эль» журналистка Фанни Дешам. Это о парижских трущобах, о страданиях живущих там детей. «Вы ищете современных Козетт? Напрасно, их уже нет», — уве-

рjali журналистку (имя Козетты, маленькой героини романа Виктора Гюго «Отверженные», стало во Франции синонимом безотрадного детства). Оказалось, что Козетты все еще существуют. «Шестилетние, восьмилетние, спящие на лестничных клетках, потому что дома не хватает места. Девочки, которые не знают, что означает слово «подарок», и которые не видели у себя дома накрытого стола. Мальчик, попавший в чужую семью и впервые, в одиннадцать лет, с удивлением услышавший смех: у него дома никогда не смеялись... Если вы хотите увидеть все это, вам не надо укладывать чемоданы. 40 минут езды от центральной магистрали Парижа — Елисейских полей, но поистине в двух веках от современной жизни», — пишет Фанни Дешам.

А вот свидетельство о положении детей в Италии, в одном из крупнейших городов этой страны — Неаполе. «Неаполитанских детей, появившихся на свет в семье, у которой нет надежного источника дохода, умирает в 8 раз больше, чем детей, родившихся в семьях с постоянным доходом», — говорит правительственный комиссар местного управления больниц доктор Джильберти. На юге Италии, сообщала газета «Унита», нередки случаи, когда отчаявшиеся родители продавали младенцев специальным агентам, которые затем перепродавали «живой товар» состоятельным бездетным семьям. Иногда продают и более взрослых детей.

О трагической судьбе пятнадцатилетнего Микеле Колонны поведала своим читателям газета «Джорно». Когда мальчику было 11 лет, его продали на городской площади местечка Альта-Мура в Апулии. Хозяин уплатил родителям сумму, равную примерно сорока рублям, и дал в придачу несколько килограммов сыру. Мальчик должен был почти круглые сутки пасти овец. Спал он в хлеву вместе с животными. Через некоторое время его перепродали другому хозяину, потом третьему. Доведенный до отчаяния пастушонок покончил жизнь самоубийством. Вот тогда-то его хозяев и привлекли к суду, обвинив в... нарушении законодательства о труде...

Тяжелые условия жизни миллионов детей трудящихся — еще одна жертва, которую вынуждена приносить семья в мире капитала.

По официальным данным, в Италии работает свыше миллиона детей. И это не потому, что не хватает рабочих рук. Напротив, в стране насчитывается более полутора миллионов безработных. Но, как делает вывод газета «Унита», «детский труд и безработица — это две стороны одной и той же медали». Дети должны работать, потому что родители не могут прокормить их, а труд детей работодатели предпочитают, так как их можно эксплуатировать бесконтрольно, а платить гораздо меньше, чем взрослым. Подрастая, дети пополняют ряды безработных, а на их место нанимают малолетних, которые «для первого раза» соглашаются на любые условия и любую зарплату...

Правящий класс в буржуазном обществе усиливает не только эксплуатацию отдельных членов семьи, но и всей семьи в целом. Перекладывая на плечи трудящихся тяготы, вызванные экономическим кризисом, крупный капитал и прислуживающие ему власти сокращают затраты из государственных бюджетов на социальные нужды. На семью почти целиком возложены расходы по уходу за малышами, по охране их здоровья, по организации отдыха детей и на их образование.

Усиленная эксплуатация семьи и ее членов приводит к тому, что семья замыкается в себе, часто у нее нет ни возможностей, ни времени на общение с другими семьями. Это выгодно эксплуататорам: люди реже встречаются, меньше обсуждают свое положение. Замкнутость семейного мирка воспеивается на сто ладов. Дескать, здесь человек может найти отдохновение от житейских бурь, укрыться от снедающих его проблем. Идет самая настоящая спекуляция «уникальным товаром» — семьей, вернее, ее миром. Делается это опять-таки с целью раздробления сил трудящихся, для того, чтобы осложнить их борьбу как единого класса за свои права.

Все, кто в капиталистических странах борется за мир, прогресс и социализм, и в первую очередь коммунисты, выступают против торгашеского, потребительского, спекулятивного подхода к семье. Они стремятся разъяснить самым широким массам, что насущные проблемы этой ячейки общества можно решить, только перестроив коренным образом все общество в целом и ликвидировав эксплуатацию человека человеком. В мире капитала борьба за прочную, здоровую семью является частью общей классовой борьбы трудящихся.

Р. ПУЧКОВ

«ВО МНЕ ВСЕ

ВЗБУНТОВАЛОСЬ»

Можно было бы позавидовать Наташиной маме — не так уж часто услышишь от взрослых детей столь пылкое признание: «самый дорогой, самый близкий человек». Она сумела стать для дочери большим другом, и в этом, наверное, и доброта ее, и родительский талант, и нежность, и терпимость, и труд. Ведь настоящую дружбу творят, она держится на отдаче.

Можно было бы позавидовать. Но многие глаголы признания облачились в пугающую форму прошедшего времени: «делилась с ней всем», «были самыми хорошими друзьями»... Наташино письмо не откроет, видно, матери ничего нового: без него она чувствует, как замыкается в себе, ускользает от нее дочь. И, наверное, мечется сейчас в смятении. Разве думала она, что полнота счастья — в ее жизни теперь не только Наташка, но и еще один любимый человек, муж, — обернется такими тяжкими минутами?

Если бы мы сидели сейчас с Наташей глаза в глаза, она, наверное, не стала бы меня дальше слушать, перебила бы нетерпеливо и возмущенно: «Вы что, заодно с ними? Вы действительно ничего не понимаете? Это мне, не маме, мне тяжело сейчас!»

Но мы же еще не начали с тобой говорить. Вот теперь здравствуй. Здравствуй, Наташа. Сразу же одно условие, обоюдное — не полыхать, иначе мы действительно друга друга не поймем. А нужно во многом разобраться, и прежде всего — в тебе, в том, что с тобой происходит.

«Мне тяжело» — представляю, как, и очень сочувствую тебе. Но отчего тебе тяжело? Ты осталась одна в теплый вечер, а мама ушла с ним...

Удивительно точно заметил однажды французский писатель Андре Моруа, а он тончайший психолог, что отношения между родителями и детьми так же трудны и столь же драматичны, как отношения между любящими. И неважно, какие дети — совсем маленькие или почти взрослые, как ты.

Вот я прочла первую строчку твоего письма, горькую, как детский всхлип, — «украли маму!» — и вспомнила одного трехлетнего мальчика. Хороший мальчик, добрый, всегда готов раздать приятелям игрушки, никогда не тиранит родителей капризами, пока не родился у него брат. Мать купает малыша, а он рядом, топает ногами, истерично кричит: «Выйди его! Не купай! Не вытирай! Брось его!» А когда ему казалось, что никто из взрослых его не видит, он склонялся над соперником, выглядывающим из-под чепчика и пеленок, и говорил то с угрозой, то с мольбой: «Мама

«У меня украли самого близкого человека — маму. Почти пятнадцать лет мы были хорошими друзьями. Я делилась с ней всем. Но в нашу семью вошел новый человек. Мама его, наверное, очень любит, раз забыла меня. Она даже спросила, не стоит ли мне называть его отцом. Я для нее все готова сделать, но называть так совершенно незнакомого, не пришедшегося мне по душе человека... Во мне все взбунтовалось.

Мне недавно исполнилось шестнадцать. Уже два года все неудачи, которые со мной случаются, ношу в себе. Часто я не знаю, как поступить, и делаю ошибки. Но мне не с кем поделиться. Мне так тяжело сейчас! С горечью вспоминаю то время, когда мы с мамой сидели вместе теплым летним вечером и пели. Почему же она не подойдет, как раньше, не спросит: «Ну, как там у тебя?»

Когда на улице теплый вечер, они идут гулять. Им хорошо вдвоем, а мне так плохо одной! Часто думаю, может, я неправа, все преувеличиваю. Но если в каждом моем слове они видят другой смысл? У нас с отчимом часто из-за этого стычки.

Иногда вижу по маминим глазам, что ей хочется защитить меня, доказать ему, что я права, но она этого никогда не делает. Как же вернуть самого дорогого мне человека?

Наташа, г. Верхнеудинск».

моя! Моя мама!» Мальчика захлестнул жуткий инстинкт ревности, и это была настоящая драма.

Не творится ли что-то похожее с тобой? Мама теперь думает, заботится не только о тебе...

Нашли с кем сравнивать, скажешь ты. Не спеши обижаться. Я вовсе не намекаю на засидевшееся в тебе детство. Догадываюсь, ты сама уже можешь рассуждать о любви и ревности: любовь — это хорошо, ревность — плохо, ревность — это эгоизм. К эгоистам ты себя не причислишь, и я не буду этого делать. Но ревность подсознательна, приходит не по вызову. Ревнуют не одни лишь скверные себялюбцы. Такое может случиться с человеком умным, добрым, тонким. Только он способен опомниться — что за наваждение! — остановить себя: разве тот, кого я люблю, моя собственность? Разве я имею право — да и могу ли — диктовать ему чувства? Понимаешь, благородство возьмет верх. А эгоист не задаст себе подобных вопросов. Он будет усердно разводить ад в душе: «Как посмели кого-то заметить, кроме меня? Как посмели кого-то еще полюбить, когда есть я? Меня обидели! Меня предали!» Благородство ему неведомо.

Знаешь, чем особенно страшна ревность? Человек теряет чувство реальности, не может правильно оценить происходящее.

Ты смотришь на отчима как на беду, которая ворвалась в вашу семью. Ты любила ваш с мамой дом, а сейчас так многое тебя раздражает! Мужские тапочки у порога — зачем они здесь? Мужской пиджак на стуле... За обедом — три тарелки вместо двух... А мама улыбается — не тебе, а ему, человеку, которого ты не хочешь здесь видеть, — и говорит: «Сегодня твой любимый суп». И новая горячая волна поднимается в тебе: «Ну, а я-то почему должна есть его любимый суп?»

Слов нет, трудно тебе привыкать. Но привыкать-то к человеку хорошему. Почему я так уверена в этом? Потому что очень внимательно читала твое письмо. «Мама, наверное, его очень любит, раз забыла меня...» Тут по логике обиды ты должна была бы перечислить все его пороки и недостатки — вот ради кого забыла! Но недостаток ты нашла лишь один: он в каждом твоём слове видит совсем другой смысл. Но, может, Наташа, не другой, а именно тот, который ты вкладываешь? Ведь иногда большее всего можно задеть самой изысканной вежливостью, галантно выразить равнодушие к человеку, неприязнь.

«Может, я неправа? — спрашиваешь ты. — Слишком расшатались нервы?» Может быть, и так. Любой человек станет раздражительным, если начнет старательно копить обиды, сосредоточится на них. А ты никогда не думала о том, что и ему, отчиму, сейчас трудно? Не каждый мужчина отважится жениться на женщине, даже очень любимой, если у нее дети, да еще в таком возрасте, как ты. Испугают те самые трудности, которые возникли у вас. Их можно было предвидеть.

Думаешь, так просто отчиму, возвращаясь по вечерам домой, встречать твой отчужденный взгляд? В чем он виноват перед тобой? В том, что любит твою маму и готов полюбить тебя? Готов, иначе, наверное, мама не попросила бы называть его отцом, не поспешила бы, стремясь вас породнить. Слово «отец» нельзя навязать — мама, вероятно, это уже поняла, — оно возможно лишь в одном случае: если само родится в тебе как признательность, как благодарность. А ты от этого пока далека.

Однажды мне пришлось наблюдать похожую ситуацию. В больнице, в палате со мной, лежала девочка Галя, пожалуй, твоя ровесница, и каждый день к ней приходила Екатерина Ивановна, милая, приветливая женщина. Как-то нянечка, увидев ее в окне, бегущую под проливным дождем к больничному крыльцу, спросила: «Кто ж она тебе будет?» «А никто, — небрежно бросила Галя, защищаясь от дальнейших расспросов, — отцовская жена».

У нее рано умерла мама, и много лет они с отцом жили одни, пока Екатерина Ивановна не «испортила их хорошую жизнь». Она, Екатерина Ивановна, «вечно лезет не в свои дела: как там у тебя в школе?». Когда к Гале приходят гости, может без позволения заглянуть в комнату и спросить: «Вам ничего не нужно?» «Изображает заботу». У нее «жуткая привычка ко всем подлизываться». У нее полно друзей, но они ей нужны только для того, чтобы «распускать свое обаяние». «Из кожи вон лезет, чтобы всем нравиться; хобби такое противное».

Но в палату входила совсем другая Екатерина Ивановна и, ничего не изображая, вынимала из сумки термос с бульоном, банки со смородиновым киселем и морковным соком. И нетрудно было догадаться, что все эти дни она встает чуть свет, чтобы до работы успеть все приготовить. Но она не выглядела уставшей, наверное, потому, что уже с порога улыбалась Гале: «Как себя чувствуешь?», а Галя буркала в ответ: «Нормально!» «Ты знаешь, папа пишет»... — отец был в отъезде. «Но ведь он вам пишет!» «Завтра я принесу тебе апельсины и новые книги». «Спасибо, апельсины не ем, книги еще старые не прочла», — а подтекстом шло: «Без вас я перебыюсь, Екатерина Ивановна!» И «бестактная» от-

цовская жена тотчас откликнулась: «Впрочем, у меня завтра много дел, могу не успеть к тебе»...

На следующий день я увидела ее в коридоре, она ждала врача: ее беспокоили Галина температура и послеоперационный шов. Екатерина Ивановна попросила меня не говорить девочке, что она здесь.

Нянюшка вошла в палату, положила на тумбочку букетик васильков и коробку зефира. Галя встрепенулась: «От кого же это, от кого?» «Будто догадаться трудно», — укоризненно покачала головой нянюшка.

Галя не желала разглядеть ту Екатерину Ивановну, которую видели мы, — беспокойную, добрую, все понимающую, терпимую, иначе как бы она сносила все колкости и слегка прикрытую вежливыми словами грубость? Для Гали она была лишь женщиной, на которой «угораздило отца жениться». Именно «угораздило», мысли о любви дочь не допускала: «Не мальчик же он, чтобы по уши влюбиться».

Не смотришь ли и ты на отчима сквозь такое же недоброжелательство? Хотя, как вытекает из твоего письма, он сам дает для этого повод. Тебе даже показалось однажды, что маме хотелось защитить тебя. Ты скорее всего не ошиблась: это извечный материнский порыв броситься на помощь ребенку, когда ему трудно. Но, может, в тот момент ей хотелось защитить тебя от тебя же самой? Взять за плечи: «Наташка, милая ты моя Наташка, что с тобой происходит? Почему ты неузнаваема?» Но она боится подойти к тебе, как прежде: ты стала вспыльчива! — боится новой вспышки раздражения.

«Иногда я вижу по глазам мамы»... Прекрасно, что ты научилась смотреть в мамы глаза и читать по ним невысказанное. Вы всегда были друг с другом откровенны и искренни, но есть вещи, которые можно понять лишь с возрастом. Ты прочла немало книг и, кажется, немало знаешь о мире взрослых, о сложности чувств. Но книги никогда не заменяют человеку личного жизненного опыта, оттого они и читаются в разное время по-разному.

Ты постоянно чувствовала, как мама

любит тебя, но не могла подозревать, что в ней, как в каждой женщине, живет потребность и другой любви, той самой, которую ты, быть может, как моя знакомая Галя, считаешь привилегией юности: «Он ведь не мальчик, она ведь не девочка...» Но вот странность, человек ни в тридцать, ни в сорок, ни в пятьдесят не чувствует себя пожилым или старым. Возраст — это все больше внешние приметы, сама когда-нибудь убедишься.

Ты уверена, что другая любовь мешает маме относиться к тебе как прежде, что разделилась она, раздвоилась. Но не прозвела ли ты момента, когда мама стала особенно ласкова с тобой, у нее всегда было прекрасное настроение, и вы все чаще сидели вместе по вечерам и пели? Давно замечено, любовь обогащает человека, делает его добрее к другим.

Тебе кажется... А если многое действительно кажется?

Я могу быть в чем-то неправа, прости, Наташа. Я мало знаю тебя — передо мной лишь твое письмо — и совсем незнакома с мамой, с отчимом. Что ж, спорь со мной. Так мы быстрее доберемся до сути твоей беды. Итак, отчим любит маму, мама любит отчима. Она счастлива, твоя дорогая мама счастлива оттого, что любит и любима, и тебе надо бы радоваться. Вот что главное. И если ты будешь об этом помнить, то все трудности покажутся тебе не такими уж страшными и вполне преодолимыми.

Ты хочешь вернуть маму. А вдруг это ты от нее ушла — не она? Ты хочешь, чтобы в твоих конфликтах с отчимом она выбирала лишь одну сторону, преимущественно твою. Но благородно ли вообще ставить ее перед выбором, словно идет война? Ты хочешь прежнего покоя и мира в доме, уже два года ждешь, замкнувшись, когда они наладят с тобой отношения. А не попытаться ли самой сделать шаг им навстречу? Так быстрее придет облегчение. В твоём письме мелькнули слова «новый», «незнакомый», «чужой» — это ты про отчима. А знаешь, что способно людей породнить? Доброжелательство.

Т. АЛЕКСАНДРОВА.

А у нас... А у вас?

Новый год приходит в наши широты на пике зимы. Для нас это старинная метельная сказка, любимая с детства, и все в ней связано с зимой: елки мы украшаем блестящими слюдяного снега, накидываем на ветви иней из фольги, из заснеженного леса спешат на праздник Снегурочка и добрый Дед Мороз. Сказка полна неожиданностей, сюрпризов, подарков.

Традиция дарить друг другу подарки живет с античных времен, с римских январ-

ских праздников. В первый день января украшали подарками зеленое дерево, все посещали родственников и знакомых. Кстати, новогодний праздничный стол тоже один из древнеримских обычаев. Традиции передаются из поколения в поколение, от народа к народу.

Когда-то в России Новый год встречали 1 сентября, но вот Петр I, поездивший по Европе, издал указ праздновать новогоднюю встречу 1 января. Так и повелось с 1700 года. А еще Петр повелел тем указом устроить на Красной площади огненные потехи, стрелять из пушек и мушкетов, пускать ракеты, а все дома в Москве украсить еловыми, сосновыми и можжевельными ветками.

А почти два столетия спустя русские солдаты, встречая Новый год на болгарской земле, которую они освобождали от турецкого ига, устроили новогоднюю елку, украсили ее свечами, веселыми фигурками. Это была первая новогодняя елка в Болгарии, с той поры без нее не обходится ни один новогодний праздник и в этой стране.

Для тех, кто приезжает в Советский Союз из стран Африки, Азии, Латинской

Америку, все непривычно в наш Новый год: запах хвои, снег, торжественный бой курантов, хоровод вокруг елки... Ну, а где самый многонациональный хоровод? Конечно, в Москве, в Университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Готовясь к празднику по-русски, многие, естественно, вспоминают дом и как там все бывает в этот день.

— У нас перед Новым годом — это, правда, только в деревнях, не в городах — парни собираются компаниями в несколько человек, — рассказывает Алексина Куарку из Ганы, — и приходят к домам тех, кого считают в деревне зажиточными. Поют песню, а им кидают монеты, печенье. Если хозяйка славится скупостью и даже в праздник не щедра, то певцы еще раз исполняют свой номер: плата полагается за каждую песню...

— Да ведь это как старинные славянские колядки, — изумляюсь я.

— Колядки? — повторяет Алексина незнакомое слово.

— Да-да, колядки — рождественско-новогодние обрядовые песни. В них были добрые пожелания семье, пожелания хорошего урожая, изобилия в наступающем году. С колядками можно встретиться у Гоголя, заглянув в его «Ночь перед рождеством».

«Шумнее и шумнее раздавались по улицам песни и крики. Толпы толкавшегося народа были увеличены еще пришедшими из соседних деревень. Парубки шалили и бесились вволю. Часто между колядками слышалась какая-нибудь веселая песня, которую тут же успел сложить кто-нибудь из молодых козаков.. Хотел награждать затейника. Маленькие окна подымались, и сухощавая рука старухи, которые одни только вместе со степенными отцами оставались в избах, высовывалась из окошка с колбасою в руках или куском пирога. Парубки и девушки наперерыв подставляли мешки и ловили свою добычу... Казалось, всю ночь напролет готовы были повеселиться. И ночь, как нарочно, так роскошно теплилась! и еще белее казался свет месяца от блеска снега».

Какая красивая ночь! Вот и Алексина говорит, что ей нравится таинственность наших новогодних ночей, московские елки, разноцветные огни.

— А в Гане в домах все украшают цветами, гирляндами. О, сколько цветов бывало у нас дома! Мама подавала на стол жареную курицу, рис и фуфу — плоды, похожие на вашу картошку. И все дарили друг другу подарки.

И экспансивная Алексина — белоснежные зубы, сияющие глаза, сверкающие сережки, — вскочив со стула, показывает, как нужно это делать, чтобы было неожиданно и весело: вот она набрасывает воображаемое ожерелье на шею сидящей рядом Сесилии Темби Силундики, девушки из Зимбабве. И все мы дружно и радостно ахаем и смеемся, словно Сесилия и вправду получила новое украшение — так живо изобразила все Алексина.

— А у нас в деревне перед Новым годом устраивался маскарад. — Это уже говорит Анита Удо из Гайаны. — Костюмы придумывали самые разные. Многие вставали на ходули, и по улице важно вышагивали смешные, длинноногие фигуры. А какие блюда готовят к новогоднему столу! Пирог с ягодами, как ваши вишни, еще лепешки с горохом. Из одного растения — это мама знает из какого — готовят вкусный напиток. Но не у всех в Гайане так проходит праздник. Ведь наша страна многонациональна. Мы индусы, наши предки прибыли когда-то на южноамериканский континент

из Индии, их привезли плантаторы. А еще есть португальцы, африканцы, американские индейцы. И все празднуют по-своему.

Рина Сатин из Индии рассказывает, как встречают Новый год в штате Уттар Прадеш.

— Это бывает 14 января. Дети запускают воздушных змеев. Все-все дети — и в небе сотни летящих змеев! Самых разных! Взрослые тоже, конечно, готовятся к этому дню.

— Воздушные змеи летают только над вашим штатом? — спрашиваю я у Рины.

— У нас сколько штатов, столько обычаев. В одном из районов, например, новогодний праздник связан с легендой о возвращении бога Рама из джунглей. Его встречают светом, зажигают сотни различных свечей, устраивают фейерверки.

— А у нас на Ямайке, — рассказывает Андреа Юварт, — живет много африканцев, вывезенных когда-то с западного берега континента. И иногда можно увидеть новогоднее представление, сценарий которого придуман далекими предками, рабами плантаторов. Конечно, в те времена все происходило в глубокой тайне от хозяина. Один из рабов одевался плантатором, другой — его женой, третий был гостем, таким же плантатором. Были здесь и «представители власти». Как вы думаете, для чего это делалось? Ну, конечно, чтобы вволю посмеяться над злым и грубым хозяином, над его ленивой женой, над глупым губернатором. В ночь, когда плантатор праздновал Новый год, его работники от души хохотали на своем празднике, так непохожем на застолье богачей...

Разный всюду Новый год.

В Афганистане, например, его встречают весной, накануне полевых работ. Сразу после праздника начинаются занятия в школах и вузах, а на каникулы учащихся и студентов отпускают зимой. В день встречи года афганцы обязательно устраивают спортивные состязания.

Во Вьетнаме нет точного дня прихода Нового года. Его отмечают между последней декадой января и первой февраля. Здесь лунный, а не традиционный для нас солнечный календарь. Вьетнамцы называют свой праздник «тет», и с ним, как и в Афганистане, связано наступление весны. Поэтому и традиционный танец называется «Встреча весны», а танцуют его прямо на улицах. Города и деревни украшают гирляндами огней, вывешивают из окон шелковые ленты с надписями: желают друг другу успехов, благополучия, счастья.

На новогоднем столе стоит «дао» — полураспустившиеся ветки персика, а посередине комнаты — стебель бамбука, увешанный игрушками.

Интересно, что обычай украшать деревья, уходящий в славянских странах в

глубину веков, к культу растений и животных, принят во многих странах. В Ираке украшают любое маленькое деревце. Здесь в роли нашей елки можно увидеть финиковую пальму. В Ливане тоже праздник проходит около какого-нибудь дерева, чаще это кедр, избранный символом страны, изображенный на ее знамени.

В Судане 1 января отмечают смену года и День независимости. И еще в этот день все ищут зеленый орех: когда-то существовало поверье, что нашедший его будет в новом году счастлив. А чтобы счастливых было как можно больше, люди сами разбрасывают орехи: пусть найдут их все, кто хочет...

Во многих странах есть обычай прогонять старый год. В Испании, в Галисии, это делают ряженые под предводительством «старика» и «старухи». Они заходят с метлами в дома и «выметают» все плохое, что было в старом году.

В Швейцарии жгли или хоронили чучело, изображающее старый год. В этой же стране принято в новогодний праздник путем жеребьевки составлять пары, нет, это не обручение, не выбор женихов и невест. Просто люди, которых объединил жребий, должны в течение года помогать друг другу.

У шотландцев в первый день Нового года гость должен обязательно принести в дом хозяев, лепешку, виски, кусочек торфа или угля, чтобы целый год в этом доме было сытно, весело и тепло.

А в Швеции в Новый год бьют о двери домов старую посуду. Дети обычно заранее начинают собирать вышедшие из употребления чашки, тарелки. Тот, кто услышит за своей дверью звон разбитой посуды, непременно постарается затащить шутников в дом, угостить чем-нибудь вкусным. Чем больше черепков у дверей, тем счастливее будет наступивший год.

Сколько оживления вызывают за столом румынские новогодние пироги! В них обязательно запекают монеты, кольца, стручки жгучего перца... Попадется тебе сюрприз — значит, новый год принесет счастье, благополучие. Правда, вот только перец... Откусишь — заплачешь! Зато вдоволь насмеешься сквозь слезы вместе со всеми.

Кстати, и в болгарскую баницу запекают разные предметы. Достанется кизиловая палочка — будешь здоров, монета — будешь богат, кусочек бумаги — добьешься успеха в учении, белая пуговица пообещает удачу в овцеводстве...

А еще болгары бьют друг друга кизилковыми прутиками: кизиловое дерево сочное и крепкое, и его крепость и сила должны передаться человеку, которого оно коснется.

Интересно, что не всегда и везде с Новым годом связывались только добрые и веселые события. Например, сто лет назад в Германии на праздник к детям приходил не симпатичный волшебник, а являлся с розгами в руках злой солдат — кнехт Рупрехт и пугал малышей, грозя запихнуть их в свой страшный мешок. Правда, спустя несколько десятилетий он немного подобрел и держал свой мешок уже только для непослушных детей. Между прочим, когда вместо кнехта Рупрехта стал приходиться совсем добрый Вайнахтсманн, в церквях Германии было произнесено несколько проповедей о «непедагогичности» такого превращения и необходимости держать детей в строгости. Ну, а малыши, конечно, были рады забыть о страшном мешке кнехта Рупрехта навсегда...

На всех широтах и континентах люди желают друг другу в новогодний праздник счастья.

О. БОГУСЛАВСКАЯ

Та за

Я лису не боюсь. И волка не боюсь, только если без головы.

Лена еще не совсем проснулась — тяжело, лениво открываются глазки и захлопываются снова, — но уже торопится рассказать всем свой сон, который населен был зверями. Сон позволил ей сделать открытие: Лена никого не боится.

Ежедневное утреннее чудо, к которому невозможно привыкнуть: теплый, пахнущий молоком ребенок с колечком волос на виске.

Вокруг, как магнитом притянутые, собрались все: мама, папа, бабушка, дедушка, сестра, тетя, дядя. Вся их семья.

Лето дает Заплавским такую возможность — жить вместе. Летом они снимают в каком-нибудь лесном углу Подмосковья дачу, на сто дней покидают свои отдельные — и отделяющие одну семейную ветвь от двух других — квартиры.

Все трудности, как и радости, у Заплавских поровну, союз у них дружный, прочный.

Отчасти это и было причиной, почему Мария Кузьминична Заплавская, сварщица Московского завода автоматических линий имени 50-летия СССР, и члены ее семьи стали героями данного очерка.

История семьи Заплавских — это, так сказать, «опыт в чистом виде», поскольку, по словам самой Марии Кузьминичны, все, что она имеет: профессия, авторитет, самоуважение, уверенность в будущем, благополучие — все это дал ей завод, а значит, общество, наш советский образ жизни.

Родных, близких, кто мог бы помочь стать на ноги, не было...

Петр Иванович — тогда для всех еще Петя — появился на заводе первым, в 1942 году. Завод ремонтировал танки. Искореженные, выжженные беспощадным огнем, они молча, страшно рассказывали о войне. Рабочие иногда неделями не выходили из цехов, ели и спали рядом со станками. Танки разбирали на части, ремонтировали поврежденные узлы и возвращали в строй. Нередко экипаж обновленной машины комплектовался прямо в цехах из рабочих завода.

И не знал Петр Иванович, что там, куда уходят отремонтированные боевые машины, на фронте, его будущая жена, черноглазая Маша. Она ушла добровольцем.

Будущие супруги познакомились в 1949 году, когда Мария пришла на завод (в то время он назывался «Подъемник»). Поженились. И ничего еще у них не было, кроме комнатенки в бараке. Его угол виден от ворот 22-го цеха, где работает Заплавская. Мне барак, где теперь размещается склад, кажется угрюмым, а Марии Кузьминичне — почти красивым. Таким его делают воспоминания: «Дружно мы там жили. Бывало, наварю варенья, выйду в коридор, кричу: «А ну, ребятня, приходи с хлебом, намажу!» Со всех ног бегут. Или соседка какая-нибудь олады печет — старается не обделить никого».

Но, пожалуй, слова «ничего еще у них не было» несправедливы здесь. Был же их завод, и были две пары молодых, истосковавшихся по мирной работе рук! В этом уже заключалось все — и счастливая судьба и будущее благополучие.

Завод дал Заплавским профессии, завод же научил любить работу. Петр Иванович со временем стал одним из лучших слесарей-резчиков, Мария Кузьминична — едва ли не лучшим сварщиком.

ВОДСКАЯ ПРОХОДНАЯ...

На деталях, которые Заплавская варила для поставок в КНДР, в Китай, в Индию, в Польшу, стоит таинственная для непосвященных буква «Ф»—ее герб, ее личное клеймо. Заплавской доверяли самую ответственную работу, и ни разу еще за тридцать почти лет не пришло ни одной рекламации. Со временем на заводе выросло немало асов-сварщиков, и среди них много мужчин, но чугуны, например, и сегодня, по всеобщему признанию, лучше всех сваривает Заплавская.

В последнее время Марии Кузьминичне не раз предлагали перейти на более легкую работу. Молодых женщин сварщицами на завод сейчас не берут, поручая эту работу мужчинам. И ветеранов-женщин стремятся перевести на другую, более легкую работу. Но Заплавская отказалась от этого однажды и навсегда. Дело у нее, считает Мария Кузьминична, посильное, и красивое, и завидное. Разве не радость, когда подросшая внучка вдруг скажет однажды, и в глазах ее настоящий восторг: «Бабушка, какая же у тебя огненная профессия!»

Но мы забежали в сегодняшний день, а рассказ наш остановился пока на послевоенных годах.

У Заплавских растут две дочки, две похожие на мать кругленькие черноглазые девочки. При заводе есть детский сад, но расположен он далеко от дома. Чтобы отвезти туда старшую, Алю, приходится поднимать ее в шесть утра.

Заплавские решают просить завод устроить так, чтобы Мария Кузьминична и Петр Иванович работали в разные смены и могли передавать девочек с рук на руки.

Так и было сделано. Но сколько же внезапных изменений вносила в этот порядок жизни! Дочки вдруг заболели, нужно было мчаться за врачом, за лекарствами...

«Завод всегда шел мне навстречу,—вспоминает Мария Кузьминична.—Отпустить пораньше с работы, прийти попозже—все разрешали. Правда, я никогда этим не злоупотребляла, всегда потом старалась отработать».

Работа наполняла жизнь важными, волнующими событиями: когда, например, приходилось выполнять срочные или ответственные заказы. «Мы забывали о времени, но всегда успевали в срок,—не без гордости говорит Заплавская.—И какой же я себя тогда чувствовала счастливой!»

Успехи развивали достоинство, давали почет и уважение товарищей. Завод же дал Заплавской возможность узнать, что такое стать человеком избранным, наделенным особыми обязанностями и правами. Она была депутатом районного Совета.

Так сложилась их жизнь, что именно на заводе Заплавские нашли своих первых учителей и друзей. И старшая дочь их, Аля, нормировщица того же цеха, где работает мать, делала здесь первые самостоятельные шаги. Младшая, Галина, закончила торговый техникум, но и ее судьба связана с заводом очень тесно: здесь работает ее муж, Николай, токарь пятого разряда. Он совсем еще молод, румян по-мальчишески, во всю щеку, а уже наставник, еще более юных обучает мастерству.

Когда познакомились близко с этой семьей, понимаешь, что слова Марии Кузьминичны «завод дал все»—не вежливое преувеличение. Завод не только давал, он влиял на них, и старших и младших. И важно разобраться в силе и направлении этого влияния.

...Аля и Галя ходили в школу по улицам

Петр Иванович и Мария Кузьминична Заплавские (в центре) вместе с Николаем и Алевтиной возвращаются со смены.

Хохловки (из двух стоявших на болотах деревень вырос теперешний заводской район, девочки помнят еще, как по здешним болотам утки плавали). Вечерами бегали в деревянный клуб в кино. Понемножку занимались спортом на стадионе, который, кстати, принадлежал другому заводу, своего еще не было.

В том микрорайоне ничто еще не предвещало нынешнего, трудно было рабочим завода предугадать и взлет, ожидающий их предприятие. Жилья в то время не хватало, мест в детском саду не хватало, в старых, оставшихся в наследство от Гутмана и К^о цехах работать было тяжело.

Многие с «Подъемника» уходили. Текучесть кадров составляла в те годы больше тридцати процентов.

— Петр, мы сейчас с Акимовной со смены шли. Говорит, уйдет. Говорит, надоело здесь чертоломить. Сквозняки замучили...

Муж смотрел молча, с вниманием, и трудно ей было под этим взглядом сказать то, что вдруг пришло в голову:

— А может, и мы? Я до того сегодня замерзла в своем закутке...

— Маша...

Всего-то и сказал одно слово и посмотрел не

зло, не строго даже, а с искренним удивлением: ты ли, мол, это? Она опустила голову. Сколько раз говорили: чем искать счастья на стороне, не лучше ли строить его здесь своими руками?

Заплавские не ушли, остались верны заводу. И потому все, чем он сегодня богат и славен—а престиж марки МЗАЛа высок, его продукцию отмечают почетными наградами на международных ярмарках; почти тридцать кварталов подряд за достижение наивысших результатов во Всесоюзном социалистическом соревновании коллективу его присуждается переходящее Красное знамя Министерства станкостроительной и инструментальной промышленности СССР и ЦК профсоюза рабочих машиностроения,—по праву принадлежит и им.

...Мы говорим о семье—почему же так подробно о заводе? Потому что предприятие и судьба его тружеников связаны неразрывно. Как и многие, семья Заплавских жила и развивалась, повторяя в каком-то смысле путь роста и развития своего завода. Не об этом ли говорил на седьмой сессии Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев: «В трудовом коллективе, в работе его партийной, профсоюзной, комсо-

мольской организацией отражается вся жизнь общества—и экономическая, и политическая, и духовная. По сути дела, это—первичная ячейка всего нашего не только хозяйственного, но и политического организма».

Шла реконструкция цехов, где работают Мария Кузьминична и Петр Иванович (полностью она будет завершена в десятой пятилетке), рабочие помогали строителям. Домой приходили позже обычного, усталые. Девочки никогда не ужинали без родителей; едва слышав звук отворяемой двери, они мчались зажигать под кастрюлями огонь и раскладывать тарелки. Если управятся быстро, мама обязательно похвалит, коротко, мимоходом, но именно во «взрослости», сдержанности похвалы девочки чувствуют ее уважение. А не с уважения ли других начинается самоуважение?

И за едой, расспросив дочек об отметках, родители говорят о работе. Чаще других мелькает слово «реконструкция». Девочки чувствуют, что это важное слово—от него зависит настроение родителей. Какое-то время они даже были убеждены, что оно и пишется в силу своей солидности с большой буквы.

Але и Гале не скучно слушать эти разговоры, они растут в сознании важности дела, работы. Девочки не только любят—уважают отца и мать, которых хвалят на собраниях и награждают, хоть далеко еще до последней, самой высокой награды Марии Кузьминичны—ордена Трудового Красного Знамени.

...Однажды мама принесла домой бумагу, которая называлась тоже необычным словом—ордер, и у них началась своя домашняя «реконструкция». Стены двухкомнатной квартиры сияли новыми нарядными обоями, и хотелось заполнить ее только новыми и красивыми вещами.

Вся семья в сборе.

Фото Н. МАТОРИНА.

Сегодня у Заплавских есть, пожалуй, все, чем принято мерить внешнее благополучие: хорошая мебель, ковры, цветной телевизор, большой холодильник. Но это представляет интерес только потому, что так же или почти так живут и соседи Заплавских. Средняя заработная плата работников завода, составлявшая в начале девятой пятилетки 150 рублей, поднялась сейчас до 202 рублей. Мария Кузьминична и Петр Иванович как опытные мастера получают больше среднего, но главный «финансист» в семье сейчас Николай—в иные месяцы его заработок составляет и 350 и 400 рублей. (Здесь необходимо пояснение: с родителями живут сейчас только Галина с мужем Николаем. Семье старшей дочери дали двухкомнатную квартиру. Но и Николаю завод в скором времени обещает двухкомнатную.)

Не удивительно, что Заплавские (опять-таки на заводе) записались в очередь на машину. В семье не утихают споры, какую покупать. Главное, чтобы была повместительнее. «Семьица-то большая,—объясняет Мария Кузьминична,—путешествовать любят все. Мы и без машины объездили с детьми весь юг, а я так и вовсе в прошлом году была за границей, завод дал путевку».

...Удивительное ощущение: идешь в пестрой толпе, типично городской, где каждый сам по себе, но вдруг что-то происходит—ты пересекаешь невидимую черту—и толпа уже другая. Здесь едва ли не все здороваются друг с другом, окликают встречных по имени, на ходу выпрашивают новости. Это и кусочек восьмимиллионной Москвы и отдельная, самостоятельная территория—заводской микрорайон.

За годы девятой пятилетки МЗАЛ построил двенадцать 9- и 12-этажных жилых домов и огромную современную гостиницу, где несколько этажей отведены под общежитие. Больше тысячи работников завода справили в последние годы новоселье.

Недалеко от МЗАЛа, в Вешняках, выстроен детский сад-пятидневка. По понедельникам, утром, специальный автобус перевозит туда 230 ребятишек, чтобы в пятницу вечером вернуть их мамам и папам. Строит завод и летнюю дачу для ребят, недавно открыт Дом спорта.

Когда Заплавские соберутся вместе, чтобы вспомнить минувшее, Галя, бывает, удивленно скажет: «Надо же, как меняется смысл слов! Когда-то был настоящий сарай и назывался стадионом. А сейчас прекрасное здание, называется оно дом, а не Дворец спорта». Скажет со знанием дела. Ее Николай—штангист 3-го разряда, несколько раз завоевывал второе место в соревнованиях машиностроителей Москвы. Сама Галя—страстная болельщица, ездит с мужем на все соревнования. На территории самого завода—столовая, магазин кулинарии, детская молочная кухня, приемные пункты химчистки и прачечной. Скоро здесь прибавится еще одна совершенно заводская вывеска—МЗАЛ открывает у себя на территории ателье женского и мужского платья. А пока сюда часто приезжают различные ателье.

Вот последние покупки Заплавских, сделанные в этих ателье: Мария Кузьминична купила «дубленку» и шубу «под котик», Галина—смушковую шубу, Алевтина сшила красивое зимнее пальто.

И мимо этой двери нам не пройти: «Здравпункт»... Мария Кузьминична впервые в жизни всерьез заболела в прошлом году. Природой дано ей завидное здоровье, но и регулярные профилактические осмотры и рекомендации опытных врачей заводского здравпункта помогали его беречь. Так же как и регулярные поездки за город, организуемые заводским комитетом профсоюза на «поездах здоровья». Мария Кузьминична рассказывала с улыбкой: «Внучки покоя не дают зимой: «Когда на «поезде здоровья» поедим?» Берем с ними санки, остальные—кто лыжи, кто валенки—и на весь выходной едем в лес».

Но стоило Заплавской заболеть, и сразу после выписки из больницы получила она льготные талоны на диетическое питание в заводской столовой (стоимость завтрака с обедом составляет рубль двадцать копеек, а рабочие платят по сорок копеек), затем бесплатную путевку в Железноводск в санаторий.

«Я вернулась,—рассказывает Мария Кузьминична,—и думаю: чувствую себя неплохо, не буду обращаться за талонами. Но врач как-то увидела: «Что, вы уже вышли на работу? Зайдите ко мне». И просто-таки заставила снова «сесть на диету», а талоны у нас только льготные».

...Здоровье, налаженный быт, материальное благополучие... Как видим, тут у Заплавских все в порядке, как и у их товарищей. Но только ли этим жив человек?

...Стены в комнатах Заплавских-дочек увешаны книжными полками. Русская и зарубежная классика, издания современных авторов. Мы знаем, что значит при сегодняшнем интересе к книге и при сегодняшнем ее дефиците подписаться на Цвейга, на Мельникова-Печерского. А у Алевтины эти книги есть, и не в магазинной очереди стояла она за ними, а подписалась на эти собрания сочинений на заводе в обеденный перерыв. Здесь работает общественный книжный магазин «Алая гвоздика», все работники МЗАЛа пользуются его услугами.

...Впервые в доме Заплавских я услышала слова, много раз повторявшиеся потом другими: наш театр. Завод давно дружит с театром имени Маяковского, их связывает и договор о творческом содружестве.

Светлана Мизери, Светлана Немоляева, Александр Лазарев—об этих артистах говорят в доме Заплавских как о добрых знакомых, обсуждают их работы. Тревожатся, как о близких, если долго нет новых ролей. Ничего удивительного: артистов работники завода видят не только на сцене, те часто бывают в цехах, следят за жизнью коллектива и, видно, что-то важное черпают для себя, если возвращаются сюда вновь и вновь.

Психологи сетуют: у родителей и детей в наше время чаще всего образуются разные, изолированные друг от друга компании. Мать с дочерью, отец с сыном редко отправляются вместе в кино, в театр, а сопереживание, которое ждет их там,—необходимейший момент сближения, взаимопонимания.

Заплавские, как и многие рабочие завода, ходят в свой театр семьями.

Недавно рядом с жилыми домами МЗАЛа поднялось современное здание—заводской Дворец культуры. В скором времени во Дворце откроется филиал театра имени Маяковского.

...Вместе выходим мы на улицу. От дома видно невысокое современное строение, в сторону его и показывает Мария Кузьминична маленькой крепкой рукой:

— Это наша проходная, совсем как в песне, вывела меня в люди. Может, и есть слова красивей, но точнее про меня не скажешь. Правда, здесь раньше другая проходная была, деревянная узкая—двоим не разойтись. Можно сказать, в жизнь и вошла по ее досточкам...

Как-то я спросила Марию Кузьминичну, какое из благ, доставляемое ей работой на заводе, она ценит больше всего. Заплавская так ответила после недолгого раздумья: «Мне всегда, даже в самые трудные для завода годы, было не просто хорошо, а надежно здесь. Как дома, в хорошей семье».

И я вспомнила другую женщину, которая в похожей ситуации сказала мне: «Как у человека есть два круга кровообращения, большой и малый, так у меня есть две семьи. Малая—любимые дети и муж, и большая—моя стройка. Без большой не было бы надежным и прочным счастье малой».

Л. ТАРХОВА

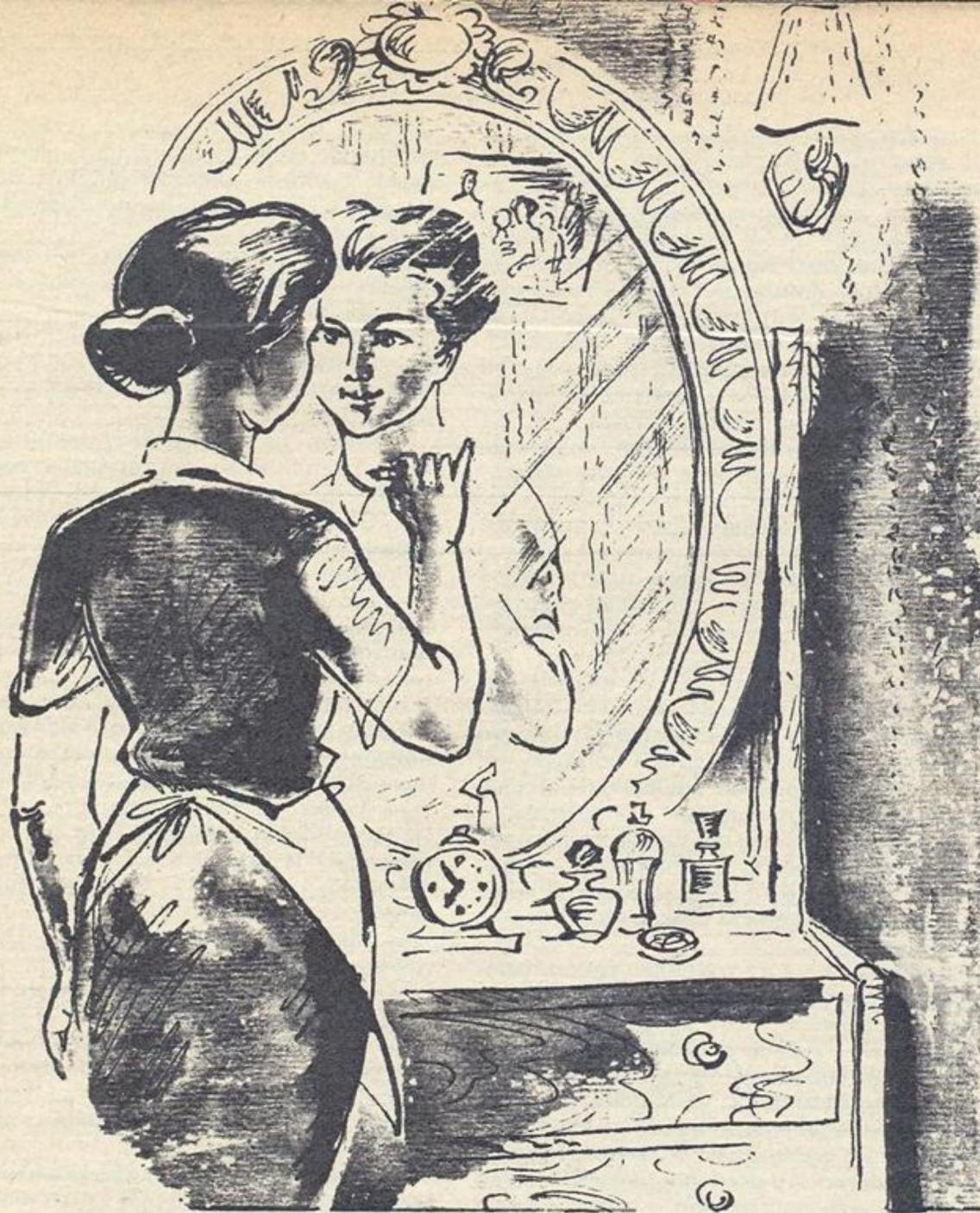

Рисунок Л. КАТАЕВА.

МАМЕ ДАЛИ РОЛЬ

Н. СОРОТОКИНА

Рассказ

— Завтра к нам придет Ракитин,— сказала я мужу и увидела по его лицу, что он неприятно удивлен.

Я поторопилась оправдаться:

— Ракитин позвонил утром и сказал, что хочет прочитать вместе со мной сценарий. Но он живет за городом, ты же знаешь.

— Как же! Наслышан. В кабинете мебель павловская, в гостиной «чеппендейль», или как там его, и всюду дубовые панели.

— «Чеппендейля» как раз и нет,— обронила я и продолжала,— он очень деликатный человек и понимает, что мне тяжело ездить к нему. А ему все равно надо завтра быть в Москве, вот он и заедет...

— Ну, ну,— сказал муж.— Только вряд ли мы успеем за вечер сделать ремонт и купить приличную мебель.

— Муж мой, милый, довольно! Хмурый свой смягчите взор и будьте веселы с гостями нынче,— ответила я словами из Шекспира.

Ракитин—режиссер номер один, Режиссер с большой буквы. Не знаю, чья волшебная рука вытащила из актерской картотеки мое пыльное досье и положила его на ракитинский стол. Но факт остается фактом—чудо свершилось. Мне предложили роль.

Очень давно, когда я еще училась в институте, мне тоже предложили было роль в кино. В

течение года об этом так и не увидевшем экрана фильме много говорили, а потом забыли о нем навсегда.

А я, закончив институт, вышла замуж и стала играть в театре. Вы, конечно, тотчас представляете себе: слепящие огни рампы, овалы, цветы, поклонники у входа, умоляющие об автографе. Ничего подобного не было.

Обстановка в нашем театре была самая домашняя. Актрисы, не занятые на репетиции, вяжут, читают, штопают. Едят принесенные из дому грибные щи, пьют кофе, а случается, что тут же в уборной на плитке даже пекут кексы.

— Нет, вы не артистки,— говорил режиссер Симаков, если ему случалось в это время заглянуть к нам.—Вы квочки! Типичные квочки!

Театр был детский. «Распределили» меня туда с моим классически правильным, крестьянским лицом и высоким ростом, видимо, по контрасту со всеми прочими выпускницами. Поэтому я и начала свою творческую карьеру с материнских ролей. Фартук наденешь, волосы гладко причешешь—и ты «в образе». Впрочем, довольно скоро мне стали поручать и более интересные роли. Подруги, помнится, удивлялись: «И как ты только ладишь с Симаковым? С ним же просто невозможно работать. Насосется с утра валидола и пошел... Мы с ног

валимся, а ему хоть бы что. Нет, видно, характер у тебя легкий».

И вдруг! «Давай оставим ребенка,—сказал мне муж.—Я все понимаю. Театр, искусство, творчество... Но без детей нет семьи. Прошу тебя, оставим ребенка!»

Оставили. Я родила. Откормила. Спустила вес. Даже нашла няню. Через год вернулась в театр. Главреж сказал: «А вы, кажется, еще подросли. И еще красивее стали!»

Снова я играла пионерских мам, а потом мне даже пообещали Офелию.

Правда, в конце концов Офелию играла другая. «Оставим ребенка,—снова сказал муж.—вдруг будет девочка? А Шекспира тебе еще надоест играть. Поверь. Я люблю тебя». И я снова согласилась.

Симаков, узнав об этом, почему-то не удивился. Только вздохнул.

Так я родила своего второго сына. Когда спустя еще год я вернулась в театр, мне было тридцать. Товарки-актрисы утешали: «Ты еще пойдешь. Симаков говорит, что ты талант. Только не раскрытый пока».

Я так и не раскрылась. «Симаков говорит,—передавали те же подруги по театру,—что у тебя слишком материнское лицо». А я в то время тайно готовила леди Макбет. Никогда наш театр не будет ставить «Макбета», но мне необходимо было доказать хотя бы себе, что я способна сделать серьезную работу. Заодно я выучила все мужские роли и играла дома перед большим зеркалом в коридоре. Дети мне помогали.

«...Я жил довольно. Жизненный мой путь Довел до засухи и желтых листьев. Всего того, что старость окружает,— Любви, почета, преданных друзей.— Я не дожусь»,—кричал в упоении старший сын.

— «Что вам угодно, государь?»— ликовал маленький, картавя.

— А мне поесть бы, леди Макбет,—просил, возвращаясь по вечерам с работы, муж.

Я так и не решилась показать главрежу эту свою роль. Зато на третьего ребенка согласилась совсем легко.

— Я уверен, на этот раз у нас обязательно будет девочка,—говорил муж.—Теория вероятности на нашей стороне. Ведь столько девочек в мире!

Так появился мой самый младший. В театр после его рождения я не вернулась. Симаков приезжал, уговаривал. Но я знала—все конечно. И отказалась.

Когда мой младший пошел в детский сад, а я начала искать работу, пришло письмо в фирменном конверте «Мосфильма». И слово это—«Мосфильм»—прозвучало для меня, как забытый праздник. Я не выдержала, расплакалась. А потом все было как в сказке. «Не потеряй туфлю, сорокалетняя Золушка!»—твердила я себе.

У Ракитина было слегка обрюзгшее, бледное лицо, нервный рот, седеющая пышная шевелюра и яркие глаза, которые не в состоянии были испортить ни отечность век, ни морщины. Черные ресницы делали эти глаза совсем молодыми. А как они умели сочувствовать, эти глаза, как посмеивались над моим волнением, видя во мне даже больше того, что я сама о себе знаю!

— Я недавно посмотрел один старый фильм, в котором вы снимались. Плохой фильм. Но как получилось, что вы с той поры больше не играли? Вы же талантливы!

— Была...—Я тру вспотевшие ладони и глупо улыбаюсь. Приятно слышать такое, к тому же от самого Ракитина!

Он крутит в пальцах карандаш—рука у него маленькая, с утолщенными суставами—и внимательно меня рассматривает...

— Для меня очень важен мой будущий фильм. Боюсь, что он будет последним. Устал... Два инфаркта.

У меня сжалось сердце: «Почему устал? Какие инфаркты? Ты так пригож!» Подумала и устыдилась. Особенно этого нелепого — «пригож».

— Мне нужна героиня. И, кажется, вы подойдете. Мне хотелось бы этого.

«Мне тоже», — шепчу я про себя.

— Сейчас я на недельку-другую уеду на дачу. Немного приду в себя. Потом начнется работа, — он усмехнулся, — моя сладкая каторга. Приезжайте ко мне. Выкройте денек. Тогда мы все и обсудим.

Я выкроила день — я бы выкроила и год — и съездила к Ракитину. А теперь он сам придет ко мне читать сценарий.

Принимать Ракитина придется в большой комнате. Сколько времени я твердила себе, что надо сменить шторы! Но так и не успела, ничего не успела... Ну и бог с ними! Шторы я просто выстираю. Обои кое-где отстали от плитусов и от дверных косяков, но это я тоже живо подклею. Худо, конечно, что младший разрисовал все двери цветными фломастерами, но с этим уже ничего не поделаешь. И мебель у нас случайная — старые кресла, обшарпанные столы...

— Поговори с Валею, — насмешничает муж. — Она тебе не откажет, сдаст квартиру на день. Ведь у нее там «стенка» на «стенке», все в хрустале и даже, кажется, финский унитаз.

Валю — наша соседка. Она работает маляром. Муж у нее каменщик. К Валею когда ни придешь — за солью там или спичками, — она всегда чистит и моет свою квартиру.

А мне дом не подчиняется. Вещи, словно живые, расползаются по комнатам, попадая в самые неподходящие места, и я вечно разыскиваю их, собираю, как грибы в чужом лесу. Вечером уберешься, все разложишь по местам, а утром — глядь! — пластмассовый танк вкатился под рояль, в кресле — штопка с воткнутой в нее иглой (садитесь, пожалуйста!), под телевизором — чашка с затвердевшим пластом сахара.

Как удалось Ракитину приручить свое жилье? У него чисто, как в музее, — нигде ничего не брошено, не забыто. Вещи не бродят по квартире и не мешают хозяевам жить. Быт посажен на цепь.

Да бог с ним, с бытом! Главное, что у нас был чудесный разговор, и я уехала от Ракитина взволнованной, растерянной, очарованной... В электричке пыталась было заново пережить, проиграть весь этот день, но мысли путались, и как скупец поспешно прячет неожиданно привалившее богатство, чтобы потом в одиночестве оценить его, так и я зарываю в глубину памяти — на потом, когда успокоюсь — какой-то жест Ракитина, взгляд, слово, событие, рассказанное им ярко и остроумно.

Когда на следующий день муж вернулся с работы, я домывала ванну.

— Зачем ты это делаешь? — удивился он. — Вряд ли Ракитину захочется у нас мыться!

Я распрямылась, сдула прилипшие ко лбу волосы.

— «Прошу меня простить, мой слабый ум блуждал в вещах забытых...» Акт первый, сцена третья.

— Виват слабому уму! Какая чистота! Не дом — дворец. В нашем институте перед приездом иностранцев тоже красят заборы. Если бы Ракитин заезжал к нам хотя бы раз в месяц, в доме всегда был бы порядок. Жалко, что сейчас ноябрь, а то бы ты и окна вымыла. Ну, не сердись. В жизни чего только не бывает! Колька Иванов рассказывал, что сам видел, как перед прилетом какого-то важного начальника солдаты под командой старшего лейтенанта шли в ряд, как косцы, и подметали степь.

Мне опять оставалось только рассмеяться. Мальчики толпились вокруг отца и тоже с дурашливым восторгом оглядывали квартиру.

— Мама, тебе дали роль? — кричали они хором. — Ты будешь ее играть?

Почему буду? Уже играю... Амплуа — перезрелая инженеру, по-русски — дура.

Утром семья моя разбрелась по своим делам — работа, школа, детский сад. Я придирчиво рассматривала себя в зеркало. Хороший возраст — сорок лет! Когда утром, шлепая на кухню, мельком поймаешь себя в зеркале, вдруг удивишься: кто это? Ты, милая, ты! Отекшая после сна, лохматая, вся «в кусках». Потом собираешь себя долго и тщательно, и вся твоя привлекательность измеряется затраченным временем, не считая усилий.

Трепетной рукой я сняла бигуди, акварельной кисточкой подвела глаза и стала ждать.

«Мама, вся наша жизнь — ожидание», — изрек недавно мой старший. «Да, — согласилась я. — Странно, что ты это уже понял». «Но это же ужасно!» — сказал он. «Да, — подтвердила я. — Но когда нечего ждать, приходит смерть». «Смерть меня пока не волнует», — отмахнулся он.

Старший сын оканчивает школу и собирается поступать в текстильный институт на факультет прикладного искусства. По рисунку его готовит мрачноватый, бородатый молодой человек. «Рисунок — основа живописи!» — говорит он и, улыбаясь, дополняет: «Так считают у нас в институте». «Чтобы поступить в текстильный институт, — любит повторять он, — надо хорошо рисовать. Сейчас мы еще месяц «просидим на черепах», а потом можно будет перейти к портрету».

Я не понимаю, почему традиции текстильного института так настаивают на черепахах, но не перечу.

Со старшим у меня сложные отношения. Возраст ставит перед ним гамлетовские вопросы. У него ломается голос, появились усы, и он вечно голоден. Мне иногда кажется, что я, как кочегар в топку, закидываю в сыновний желудок всю имеющуюся в доме пищу — и все мало! Может быть, это постоянное чувство голода порождает новые вопросы, ошибки, обиды? Он выплескивает их на меня, требует советов и, не слушая их, сердится, обвиняя нас с отцом в нелепейших грехах. В его акварелях преобладает теперь ультрамариновый цвет, и они неудержимо продолжают синеть, эти картоны, писанные маслом, — анфас, профиль, полуоборот... Накормить бы его наконец!

Позвонил муж:

— Пришел твой знатный «иностранец»?

— Нет.

— Придет. Куда ему деваться? Ты же у меня красавица. Да, забыл сказать, в коридоре в левом углу я утром заметил паутину. Что ж ты просмотрела, голубка?

— Что ты ел? — спросила я строго, стараясь не обращать внимания на его ехидный тон.

— Отраву на пару. Не думай об этом. Мети дальше свою степь.

Муж болеет так давно, что я забыла, каким он был до болезни. Впрочем, помню, когда-то он был гурманом. Потом подкрался гастрит. «Ничего, дружок, — говорил он, — главное — диета. Терпи. Я же терплю. Хорошо, что моя болезнь не лечится. Она без сюжета...»

Наверное, я сама испортила ему желудок. Даже из самых добротных продуктов мне удается приготовить «ничто», даже отдаленно неспособное приблизиться к высотам кулинарии. Я не горжусь этим. Нет. Наоборот, убеждена: даже самая эмансипированная женщина должна уметь накормить свою семью... «Терпи, дружок, я же терплю».

Какая женщина смотрит в глаза Ракитину по утрам, когда он просыпается? Кто поправляет ему шарф перед уходом, кто меняет носовые платки? Какая женщина его кормит? Хорошо, что не я. Я бы и ему испортила желудок...

Пришел средний сын из школы. «Мам, я пошел гулять. Где клюшка?» Обычно я говорю ему: «Нет. Вначале обедать. Потом уроки. И только потом гулять!» Эта игра словами продолжается у нас с тех пор, как он пошел в школу. Он веселый, добрый мальчик, но учится

неважно и любит только хоккей. А этого, наверное, мало в двенадцать лет? «Мам, я пошел гулять!» — сказал он, как обычно. Но сегодня я ответила: «Ладно. Иди. Только сначала поешь».

Вся наша жизнь проходит в ожидании. Но только в шесть часов вечера я поняла: Ракитин не придет.

— Мам, зачем ты убрала мой мольберт? — кричал старший. — Из-за твоего Ракитина ничего нельзя найти. И черепа нет. Где мой череп?

— Череп поломанный, у него нижняя челюсть отвалилась, — я старалась говорить спокойнее. — Его необходимо было спрятать.

— От кого спрятать? От Ракитина? Что он, поломанных черепов не видал?

Пришел с работы муж.

— Ну, не огорчайся так. Он еще придет. И все будет прекрасно. Посадит он тебя на трактор, даст в руки штурвал, и ты перевыполнишь норму. Но чтобы все было свежо и остропроблемно, уведет у тебя мужа. Муж никакая не дрянь, он просто полюбит другую женщину. А та, другая, конечно, будет дрянью. Ну не плачь же ты, не плачь. Дай лучше поесть.

— Зачем ты так? — давилась я слезами. — Ты ж не читал сценария. Нет у моей героини трактора. И мужа тоже нет. Она сильная женщина, всю себя отдала общественной работе.

— Липа! — упорствовал муж. — Не верю я твоему Ракитину.

— Ты же его совсем не знаешь. Он чудный человек, умный, талантливый! И я благодарю судьбу, что она столкнула меня с ним. Но не о нем сейчас речь... Почему ты на мне поставил крест? Я же актриса...

Маленький жмется к коленям, хлопает ладошкой по щеке:

— Мам, где живут африканские слоны? Женька Трубочкин говорит, что в зоопарке, а сам не знает даже, сколько труб у «Авроры». Ну, так где живут африканские слоны?

Младший пока приносит нам только радость.

— Раньше они жили в Африке, — говорю я ему на ухо. — А теперь не знаю, где живут.

За окном вечер, скоро ночь. Мне надо побыть одной. Хорошо бы уйти из дома и пройтись по улице. Оглядеться. Подумать.

Но как уйти, под каким предлогом? Масло подсолнечное я забыла сегодня купить, но уже поздно, магазин закрыт. Ладно, в случае чего скажу, что еще утром звонила Аня и просила меня зайти.

Я торопливо раздела засыпающего на ходу малыша, подоткнула со всех сторон одеяло и на цыпочках вышла в коридор. Пусто... Все при деле. А где же средний? Как я забыла о нем?

Я накинула пальто и осторожно прикрыла за собой дверь. Детвора гоняла шайбу по обледеневшему тротуару. Мой, как всегда, самый активный и результативный, лежал на животе, поймав кого-то за ноги.

Я загнала среднего домой, запоздало сердясь за невыученные уроки, и вернулась на улицу.

Вечер был сух и морозен. Редкие снежинки опускались на землю. Мимо проехал полупустой троллейбус. Девичье лицо, прижатое так плотно к стеклу, что нос закурносился, проплыло совсем рядом, глядя сквозь меня невидящим взглядом. Люди обычно не видят друг друга на улице ни днем, ни ночью. В толпе ты одна. Да, так о чем же ты хотела?.. Что же, доставай из закровов памяти разноцветные осколки воспоминаний и смотри через эти стекляшки на свет фонарей — картинки розовые, картинки синие...

Калитка отворилась беззвучно, и рыжий спаниель бросился ко мне под ноги, повизгивая от восторга. Я вздохнула полной грудью и окинула взглядом незнакомый дом в глубине сада.

Осинки, дубы... Стылая земля, тонкие, припорошенные инеем льдистые лужицы, кусты

«снежной ягоды» в белых невесомых плодах. Чисто, ухоженно, листья собраны в кучи, еловые ветки заботливо прикрывают розовые кусты. От самой калитки — дорожка, мощенная белыми плитками. Я делаю по ней свой первый шаг на пути к дому.

Ракитин встретил меня на пороге:

— Приехали? Вот и отлично! Как добрались. Ну, ну...

А как мне дальше жить с этим: «Вы можете. У вас все есть для этого. Вы актриса божьей милостью»? Какие безжалостные слова! От них никуда не спрячешься.

Если он не придет ко мне читать сценарий, эти слова приобретут свой истинный смысл: «Ты могла. У тебя все было для этого. Но ты все растеряла. Не знаю, кто виноват? Ты сама, или обстоятельства, или твоя невезучесть. В конечном счете это одно и то же».

Вспыхах я забыла взять перчатки и шарф и теперь шла быстро, пытаюсь согреться на ходу. Моя тень, корчась от холода, то бежала рядом, приседая по-скоморошечьи, то вдруг обгоняла, вытягивалась до стен домов и изгибалась, торопясь раньше меня завернуть в переулок.

На углу ярко светилась будка с мороженым. Внутри этого застекленного, обрезанного темнотой пространства стояла продавщица в белом халате и разговаривала сама с собой. Она то трясла сжатым кулаком, то стучала пальцем по прилавку, то что-то шептала, а потом вдруг умолкала, склонив голову набок, словно вслушиваясь в ответ невидимого собеседника. Красная шапка сползла ей на ухо, она поправила ее резким движением и опять начала свой беззвучный монолог. Она была вся на виду, и эта доступная любому взгляду пантомима оказалась мне почему-то страшной. Ее надо немедленно остановить, решила я и тут же подумала: а может, кто-то из темноты подсматривает и за моими мыслями?

Только бы у меня были деньги! Кошелек, я помнила, остался лежать на холодильнике. Я нырнула в карман и нащупала монету — двадцать копеек.

— Дайте, пожалуйста, стаканчик, — постучалась я к мороженщице.

Женщина застыла на мгновение, всматриваясь в темноту, потом открыла окошко и вложила в мои негнувшиеся пальцы вафельный стаканчик, полный до краев сладкого холода.

— Что вы так поздно торгуете? Покупателей уже нет. — Мне казалось неудобным уйти просто так, не выразив ей сочувствия.

Мороженщица посмотрела на меня внимательно, и мы словно поменялись местами. Она увидела мой напряженный взгляд и жалкую улыбку и, видно, пожалела меня, как это сделала я пять минут назад.

— Как нет покупателей? — сказала она. — А вы?

И этот резкий, сипловатый, но полный участия голос встряхнул меня, вернув к действительности.

...Муж встретил меня сурово:

— Где тебя носит? По твоей милости мне пришлось вести нелепейший разговор. Звонил какой-то басовитый мужик... — начал он ворчливо, но, встретив мой косящий от холода взгляд, поспешно бросился снимать с меня пальто. — На кого ты похожа! На тебе даже снег не тает! А ноги... Завтра будет ангина. Это еще что? — воскликнул он изумленно, вытряхивая из рукава стаканчик мороженого.

— Какой разговор? — спросила я мертвым голосом.

— Какой-то мужик, очень развязный, передал тебе привет от Ракитина и его извинения.

— Извинения... — повторила я, словно эхо.

— Ну да, извинения за то, что не смог прийти. Да перестань ты всхлипывать! Помоему, тебе дадут эту роль. Бас сказал, что они с шефом, с Ракитиным то есть, только решили немного подправить сценарий. У твоей героини будет трое детей... Я настоятельно советовал, чтобы все трое были девочками.

Письмо позвало в дорогу ЗАВИСИТ ТОЛЬКО ОТ НАС

Маленькая, синеглазая, миловидная женщина сидит вплотную рядом со мной, и я ощущаю плечом, как она напряжена. «Словно провинилась», — невольно приходит мне в голову. Несколько раз она подносит к глазам платок, и я лихорадочно соображаю: может быть, ей не следовало сюда идти? Но как не пойти? Профсоюзный комитет машиностроительного завода имени Дзержинского разбирает горькое письмо, с которым она, кадровая работница, вынуждена была обратиться в редакцию журнала.

«Почему она так встревожена? Ведь права же, права!» — думаю я. Шепчу: «Не расстраивайтесь». А сама понимаю: дает о себе знать еще не утихшая обида. И заботит всегдашняя мысль: «Как-то там, дома...»

Дома у нее я оказалась первый раз в субботу, часов около одиннадцати утра. Дверь раскрылась, и несколько пар детских глаз с любопытством уставились на меня.

— Здравствуйте. Я к Зое Дмитриевне Олейниковой.

— А ее нет дома. Она на заводе.

— Зайти к вам можно?

Наступила недолгая пауза. Девочки постарше смущенно заулыбались.

— Мы не успели убраться. Но вообще, конечно, проходите...

И вот мы знакомимся. Юре — пять лет, и он самый веселый, Мише — шесть. И у меня сложилось впечатление, что он самый смелый или по крайней мере лихой. Павлика нет дома, он первоклассник, учится в школе-интернате, но он скоро будет — суббота же! Люда — третьеклассница. Она дома, потому что учится во вторую смену. По этой же причине она — самое ответственное лицо в семье с утра до обеда: на ее досмотре Юра и Миша. Люба и Вова учатся в шестом. Надя — в девятом. Эти трое — главные мамы помощники. Уборка, закупка продуктов — все они. Толя — недавний выпускник школы — рабочий того же завода, что и мама. И Дима тоже. Дима сейчас в колхозе «на капусте», сообщили мне. А Толя с группой рабочих завода помогает стройке.

Потом мне показали фотографии.

— Вот это Вася. Он служит в армии. Недалеко, в Уральске.

А вот это Оля с мужем и сыном Сережкой. Они живут в Бологом, под Ленинградом.

— Папы тоже нет дома, — вставил расторопный Миша. — Он на работе. (Позже, познакомившись с ним, я узнала, что глава семьи, в которой одиннадцать детей, — прессовщик. Инвалид с детства, он работает на предприятии общества слепых.)

Потом мне показали квартиру.

— У нас две кухни, две ванных и два туалета! — с гордостью

комментировали малыши. А старшие пояснили:

— Для нас соединили две двухкомнатные квартиры.

А потом мы просто разговаривали. И через каждые два слова слышалось: мама.

— Мама обед в скороварке варит.

— А раньше с нами бабуня Юля сидела, мамина мама. Только она летом померла...

Отдав дань внимания госте, ребяташки по-одному исчезли из поля моего зрения. Я еще немного поговорила со старшей — Надей. Уходя, чтобы попрощаться с ребятами, приоткрыла дверь одной из комнат. Юра, Миша и Люда увлеченно маршировали.

— Мы солдаты, — гордо сообщил Миша...

Заседание завкома идет четко. Доложена суть обиды, породившей письмо в редакцию. Вот она. Как-то после смены мастер участка Маргарита Митрофановна Коробейникова предложила Зое Дмитриевне остаться сверхурочно. Та отказалась. На следующий день мастер не подписала заявление, в котором Зоя Дмитриевна просила предоставить ей свободный день: нужно было вести на медицинскую комиссию Павлика — без этого не записывают в школу-интернат. Кинулась Зоя Дмитриевна к начальнику участка Петрову. Подошел он к мастеру, спросил ее мнение, и вновь Зоя Дмитриевна получила отказ. Пошла Зоя Дмитриевна в завком — ведь устроить сына необходимо! Оттуда — к начальнику отдела кадров завода. Наконец, на заявление легла резолюция: «Разрешить». И на следующий день пошла Зоя Дмитриевна с Павликом на комиссию. Но, вернувшись в цех, услышала о себе — прогульщица. Да еще угрозы со стороны начальника участка: «Лишу тринадцатой зарплаты! Выговор по заводу объявлю! Мало ли, что мать-героиня. И смотреть на это не стану!»

Вот этой обиды и не смогла перетерпеть Зоя Дмитриевна. «...Двадцать седьмой год работаю я на заводе — ни взысканий, ни выговоров. И вдруг такое», — написала она в редакцию.

Суть происшедшего изложена. Начинается обсуждение. Я ощущаю, как чуть расслабляется прижатое ко мне плечо. Кадровые производственники — мастера, рабочие и члены завкома начинают высказываться, и я убеждаюсь, что такое настоящая рабочая взыскательность.

Как мог возникнуть конфликт? Как могло случиться, что матери одиннадцати детей, матери, у которой трое детей не достигли восьмилетнего возраста, предложили работать сверхурочно?! Или на участке, который возглавляет Петров, не знают, что в законодательстве о труде специально оговорено: запретить привлекать к сверхурочному труду женщин, дети которых моложе восьми лет? Вот она, государственная точка зрения.

Один из членов завкома поинтересовался: а имел ли участок разрешение на проведение сверхурочных работ? И наконец, как позволили себе мастер участка и начальник его угрожать работнице?

Я слушаю и вспоминаю, как во второй раз оказалась в доме Зои Дмитриевны. Это было в ту же субботу, часов около четырех дня. Я знала: Зоя Дмитриевна вот-вот должна вернуться с работы. В этот час и малыши и школьники — все были в сборе. Семеро ребят, скучившись, сидели в одной из комнат. Наохлившись воробы, притихшие в ожидании, подумалось мне.

Но вот скрипнула входная дверь. Мама! Кто-то кинулся подать тапочки. Кто-то принял сумку. Кто-то деловито прошел на кухню. Вмиг квартира загомонела, зазвенела смехом.

Ах, как красноречиво заявляла о себе старая истина: свет и тепло в доме — это мама.

На страже материнства, охраняя тепло и покой детей, стоят наши законы, стоит наша общественная мораль. Ведь не случайно государство выплачивает многодетным матерям денежное пособие. Не случайно оно награждает многодетную мать орденами и медалями. Это дань уважения ей за великий ее подвиг — материнство, повторенное много раз. Это и прямая помощь ей в великом ее труде, в великих ее заботах. Дело чести — продолжать эту государственную линию и в трудовом коллективе.

И дает на завкоме объяснения своей позиции мастер Маргарита Митрофановна Коробейникова. Встает и держит ответ перед профсоюзным активом завода опытный работник, начальник участка Сергей Серафимович Петров. Ни одно из их оправданий члены завкома не признают. Мнение собравшихся единодушно: поведение Коробейниковой и Петрова считать недопустимым, в корне несовместимым ни с нормами советских законов о труде, ни с нормами нашей этики и морали. Строгий выговор — такая мера взыскания, которую единогласно наложили на Коробейникову и Петрова.

Какую-то минуту мы все еще сидим на своих местах. И я с удивлением отмечаю — прижатое ко мне плечо Зои Дмитриевны, как и в начале заседания, окаменело, напряжено. Но вот мы поднимаемся, выходим в коридор, и словно специально для того, чтобы рассеять мое удивление, раздается полный вызова молодой голос: «Подумаешь!» И несколько резких, обидных фраз летит в спину Зои Дмитриевны. Я оглядываюсь: лицо мастера Коробейниковой не предвещает ничего доброго. Смотрю в грустные синие глаза Зои Дмитриевны... Ра-

зумеемся, у меня уже были основания заподозрить, что неслучаен он, этот конфликт, который произошел в цехе номер тридцать один. Вот откуда и тревога Зои Дмитриевны. Заседание позади. Слова в защиту обиженного человека — тоже позади. А что будет завтра, когда начнется обычный трудовой день?

Да, я уже думала об этом. Теперь мне предстоит разобраться поглубже...

Из разговора с Коробейниковой.

— Маргарита Митрофановна, вы, как мастер участка что можете сказать о работе Зои Дмитриевны?

— Что сказать... Работает она добросовестно, ровно.

— Почему же вы так настроены против нее?

— Потому что я за план отвечаю. А она, как ни подойдешь, — не буду вечеровать, и все. Семья, мол. У всех семья. У меня тоже, и ребенок есть. Так я мужа помогать заставляю.

— А вы хоть раз были у Зои Дмитриевны дома?

— Нет.

Из разговора с Людмилой Журкевич.

— Людмила Борисовна, я знаю, что цеховой комитет профсоюза, которым вы руководите, недавно рассматривал заявление Зои Дмитриевны о предоставлении ей материальной помощи. Скажите, она часто обращается за помощью?

— Очень редко. Кажется, за все двадцать семь лет работы раза четыре. При мне — один раз, вот к началу учебного года надо было кое-что купить для школьников.

— Вы дома у Зои Дмитриевны были? Интересовались, не испытывает ли эта многодетная семья в чем нужду?

— Понимаете, незаметная она, Зоя Дмитриевна, тихая.

Из разговора с Ниной Павловной Пичкалевой.

— Нина Павловна, вы, председатель заводского женсовета, знали о конфликте в тридцать первом цехе?

— Немножко так, знаете... А вообще я лучше знаю другую мать-героиню с нашего завода — Любовь Алексеевну Зубову. Она боевая, энергичная. Всегда на виду.

— На заводе проходит смотр условий труда и быта женщин. Тут, думается, каждая, даже тихая женщина не должна остаться незамеченной, тем более мать-героиня.

— Да, конечно. Но... много у нас забот...

Я разговаривала с председателем заводского комитета профсоюза Вадимом Дмитриевичем Гришиным и с его заместителем Верой Александровной Окуловой, с членами заводской комис-

сии по проведению смотра условий труда и быта женщин. Я спрашивала и то и дело слышала в ответ: «Нет, не было, не делали, не подумали, упустили».

Приведу неполный перечень этих «не делали», «упустили».

Исполнилось двадцать пять лет бессменной работы Зои Дмитриевны на заводе, в одном цехе, на одном месте. Но это событие в жизни честной труженицы, матери-героини, прошло незамеченным. А ведь на том же предприятии сорок лет проработал и отец Зои Дмитриевны, Дмитрий Васильевич Лебедев, механик, мастер, в войну он сутками не уходил из цеха. И ее два сына начинают свою трудовую биографию здесь же, на заводе имени Дзержинского. Какой повод для торжественного и значительного праздника в заводском Дворце культуры! И кстати, не такие ли праздники, не такое ли уважение к рабочему человеку — первый помощник в выполнении плана? Однако о том, что Дмитрий Васильевич Лебедев и Зоя Дмитриевна Олейникова — отец и дочь, никто на заводе не знает.

Для Олейниковых соединили в одну две квартиры. Но разве четыре комнаты на такую семью — решение вопроса? Однако никто на заводе об этом не думает. Тихая она — Зоя Дмитриевна. Не в ее характере беспокоить своими нуждами...

Не знают на заводе и о том, что семья Олейниковых с весны до осени то и дело совершает двухчасовое путешествие за город на поезде. В деревне Комариха Олейниковы держат картофельный огород. Ездить им далеко, неудобно. Да и участок не настолько велик, чтобы обеспечить семью необходимыми запасами. И о такой нужде большой семьи не подумали на заводе.

Да, тихий, скромный человек Зоя Дмитриевна. Стесняется она лишней раз досадить людям своей нуждой. Так и царит вокруг нее атмосфера «тишины» — полного, хладнокровного безразличия. А казалось бы, чего проще — подойти к человеку и спросить: как ты управляешься со своим «хозяйством»? И хоть один раз зайти в дом и просто увидеть, что такое «семеро по лавкам»...

Может быть, тогда не пришлось бы двум малышам — Мише и Юре Олейниковым жить по полдня на «присмотре» девятилетней Люды. Может, смягчилось бы выражение лица у мастера Коробейниковой, когда она говорит о Зое Дмитриевне. И безусловно, где-либо неподалеку от дома, где живут Олейниковы, за городской чертой нашелся бы участок под огород для многодетной семьи. Разве женщина, которая растит семерых сыновей и четырех дочерей, не заслужила простой

доброты от людей, работающих рядом, от товарищей по коллективу?

Вот этой атмосферы — щедро, доброго участия — нет вокруг Зои Дмитриевны, ее семьи. Я думаю об этом и словно снова чувствую своим плечом ее напряженную, окаменевшую руку. Частный случай — обида — рассмотрен. Но то, что породило эту частность, осталось без внимания. К сожалению, обсуждение жалобы Олейниковой ни одним словом не вышло за рамки оговоренного ею конфликта...

А теперь об одном случайном совпадении. Во время пребывания в Перми, развернув областную газету «Звезда», я увидела небольшую заметку: «Счастье семьи Петрениев». Речь шла о семье, которая живет в городе Никольске, Джезказганской области, в Казахстане. Родители — Анна Алексеевна, завхоз школы, и Дмитрий Иосифович, шофер, воспитывают восемнадцать детей. Мое сознание ревниво ухватило отличительные черты бытия Петрениев. Живут они в особняке из двенадцати комнат. Имеют машину, дачу. Дом обставлен современной мебелью. Есть пианино, цветной и черно-белый телевизоры. Тронула такая деталь: одна из двенадцати комнат в доме — учебная, здесь на стене школьная доска, несколько удобных столиков для приготовления уроков.

Невольно подумалось: двое работающих людей — и больше десяти иждивенцев (старшие дети живут отдельно, своими семьями). Да реален ли при этом высокий уровень материального благосостояния? И тут же следующая мысль: все реально. Потому что Анна Алексеевна и Дмитрий Иосифович не одиноки в заботах своих. Советское Отечество — вот их надежный помощник. И обеспеченное, гармоничное, окруженное вниманием бытие большой семьи, в которой мама носит высокое звание Героини — норма. Именно норма, в которой проявляется глубокое понимание, какой великий труд взяли на свои плечи родители многодетной семьи, труд духовный, труд физический.

Отечество. В свой Основной Закон — новую Конституцию оно вписало такие строки: «Семья находится под защитой государства». Но государство — это мы, его граждане, каждый на своей посту. Только от нас зависит реальное воплощение каждого из положений Конституции в жизнь. И только от тех, кто работает рядом с Зоей Дмитриевной Олейниковой, зависит уровень внимания, уважения и поддержки ее на многотрудном пути матери.

Ю. ХОРИЦКАЯ

г. Пермь.

Меры принимаются

«Напрасно законы писать, коли их не выполнять» — так называлась статья, опубликованная в восьмом номере нашего журнала. Она была написана по следам письма молодых работниц швейной фабрики города Октябрьского, Башкирской АССР, и критиковала нарушение режима рабочего дня подростков на этом предприятии.

Представители Министерства легкой промышленности РСФСР проверили соблюдение законов о труде молодежи на этой фабрике. Как сообщила нам заместитель министра В. И. Поселенникова, за нарушение законодательства объявлен выговор директору фабрики тов. Багрову, начальнику цеха тов. Каримовой и мастеру тов. Волковой.

На фабрике введен новый режим рабочего дня подростков в соответствии с трудовым законодательством, разработан график предоставления учащимся свободных от работы дней, организованы семинары для цеховых инженерно-технических работников по изучению трудового законодательства.

В № 5 была опубликована статья А. Левиной «Асы с третьим разрядом». В ней критиковалось Минское производственное объединение по выпуску автоматических линий, где мало уделяли внимания профессиональной учебе работниц, плохо заботились об их быте. Как сообщил редакции директор объединения Г. В. Гор-

бунов и председатель завкома А. А. Лисовский, статья обсуждена на совместном заседании парткома и завкома профсоюза. Критика признана правильной. Разработаны, утверждены и выполняются мероприятия, направленные на устранение отмеченных в статье недостатков. В целях повышения квалификации и теоретических знаний работниц на заводе организована учеба контролеров ОТК, формовщиц, стерженщиц, маляров, распределителей работ, операторов ОАСУП. До конца года будут отремонтированы все бытовые помещения для женщин, комнаты гигиены.

В 1978 году реконструируется вентиляционная система цеха сварных конструкций.

В заводском комитете создана комиссия по работе среди женщин. Организованы заводская и цеховые комиссии по проведению Всесоюзного общественного смотра условий труда и быта работниц. Комиссии взяли под контроль выполнение всех намеченных мероприятий.

Плохая организация труда в цехе теплоагрегатов новокузнецкого завода «Сантехлит» критиковалась в заметке «Малая механизация», опубликованной в № 8 нашего журнала. И правильно критиковалась, сообщает редакции главный инженер завода И. А. Моложавцев. Дирекция завода принимает меры по улучшению дела: цеху выделен автопогрузчик, будет установлен кранбалка.

Письмо не опубликовано, но...

Недостатки устраняются

Читательница Н. И. Рыманова из г. Подольска, Московской области, написала в редакцию о серьезных недостатках в работе родильного отделения центральной районной больницы.

Как сообщила начальник Главного управления лечебно-профилактической помощи детям и матерям Министерства здравоохранения РСФСР В. М. Дюрич, факты, изложенные в письме читательницы, были рассмотрены специально созданной комиссией Главного управления здравоохранения Мособли-

полкома с участием сотрудников Московского областного НИИ акушерства и гинекологии и полностью подтвердились.

Большинство выявленных недостатков были вызваны переплотненностью родильного отделения, поэтому специальным приказом Главного управления здравоохранения Мособлисполкома в городе Подольске открыт второй акушерский стационар на 35 коек.

Работа акушерского стационара Подольской центральной районной больницы взята Мособлисполкомом на особый контроль. Московский областной НИИ акушерства и гинекологии оказывает ей необходимую лечебно-консультативную помощь.

ЦВЕТ И ЛИНИЯ СЕВЕРА

Борис ВАСИЛЕВСКИЙ

Узлен стоит на узкой и длинной галечной косе, протянувшейся между лагуной и морем, а основание ее упирается в подножие большой сопки. Сопка начинается собой удивительную, маленькую — в поперечнике не более двадцати километров — и по-северному прекрасную горную страну, которой заканчивается Чукотский Нос, как называли в старину оконечность этого полуострова. К югу от поселка, за лагуной, на многие десятки километров легла низкая, слегка всхолмленная тундра, а дальше — опять горы. Часто из-за плохой погоды их совсем не видно, зато уж когда проступают они вдаль — какую приобретает завершенность весь окружающий пейзаж! Линию тех гор я знаю наизусть, и всякий раз она не одна и та же — все зависит от того, в какой стороне закат, потому что здесь, в соседстве с Полярным кругом, места восхода и заката меняются в зависимости от времени года. В середине декабря солнце, не успев взойти, садится там, за горами, и тогда очертания вершин наиболее отчетливы. В такие минуты солнце нельзя не сравнить с полукруглым отверстием некоей плавильной печи, откуда изливается, плотно заполняя и обозначая малейший изгиб горизонта, ровный горячий красный цвет. И если постоять и понаблюдать подольше, а Север ни к чему так не располагает, как к длительному неподвижному созерцанию, то можно увидеть, чем закончится единоборство белого, холодного, и живого, пламенного, цветов. Четкая граница между ними станет наконец дрожать и плавиться, а на снеговых склонах сопки как бы изнутри, как бы сквозь них проступит слабое бледно-розовое свечение... Я описываю все это столь подробно потому, что речь пойдет о художнице, живущей в Узлене, и мне хотелось бы дать пусть приблизительное представление о том, что она тут вокруг себя видит...

Когда я жил здесь, мне не раз случалось проходить мимо небольшого дома в центре поселка. Через одну из его стен была выведена на улицу вентиляционная труба, и всегда в этом месте стоял характерный, какой-то горелый запах обрабатываемой кости. В домике помещалась косторезная мастерская. Я любил заглядывать сюда и подолгу мог следить за работой мастеров. В самой просторной и светлой комнате за длинными деревянными столами сидели косторезы. Один, зажав в тиски кусок моржового бивня, выпиливал из него ножовкой нечто, пока отдаленно напоминающее фигуру белого медведя. Перед другим стояла орава готовых, одинаковых, жизнерадостных пеликенов, а в руках резчика легко поворачивался очередной их приятель. Третий заканчивал собачью упряжку. На плоской и длинной подставке из цельного клыка он укрепил попарно дюжину бегущих собачек. Сзади — нарту. На нарту посадил склонившуюся вперед фигурку человека в кухлянке. За его спиной поместил груз. В отличие от прочих частей скульптуры груз обычно вытачивался из кусочка очень старого клыка, долгие годы пролежавшего в земле или в море и приобретшего от этого золотисто-коричневый, шоколадный, а то и совсем черный цвет... Казалось бы, все. Но нет: в ворохе обрезков мастер нашарил коротенькую, меньше спички, костяную палочку, в руке каюра она превратилась в настоящий остол. И... какой чукча не любит быстрой езды!..

Еще нравилось мне разглядывать старые работы. Они находились тут же, в стоявших вдоль стен застекленных шкафах. Чего здесь только не было на этих полках! Вот стая касаток, треплющих большого гренландского кита. Медведица, за которой вышагивают два медвежонка... И опять охотники, пастухи, олени и собачьи упряжки, а главное, звери, извечная звериная жизнь: погоня, битва, победа, испуг, покой, любовь, материнская ласка, сон... Каждая выставленная там

скульптура была неповторима, но имелось и нечто общее в тех фигурках: покрывший их со временем тонкий желтоватый налет, патина. Это был художественный фонд мастерской, творения старых мастеров, так сказать, образцы, на которые должны были равняться остальные резчики... Ну, а сами знаменитые мастера сидели тут же, рядом,— да, стоило мне тогда обернуться к верстакам, и я мог увидеть, например, Туккая, его склоненную над работой стриженную наголо голову. Или тонкое, интеллигентное лицо Хухутана...

А вон призадумался над куском клыка Вуквутагин, лицо его сплошь покрыто сеткой глубоких и тонких морщин.

Но более всего мне нравилась работа гравировщиц. Они помещались в соседней небольшой комнатке. Перед ними лежали огромные, тяжелые, блестящие клыки моржей. У косторезов визжали ножовки, шаркал напильник, грохотала фреза, жужжали бормашины, да, обыкновенные, только что без зубокаменного кресла, бормашины, с помощью которых мастера производили самую последнюю, самую тонкую обработку кости. А здесь была тишина, лишь поскрипывали в руках женщин стальные маленькие изогнутые резцы, похожие на коготок, они так по-чукотски и назывались — вагылгын... Удивительное дело: ничего нельзя было предугадать постороннему глазу, пока ходил вагылгын по белому гладкому пространству клыка. Но вот, закончив рисунок, художница сплошь зачерчивала его черным карандашом, затем проводила по клыку влажной тряпочкой, и проявлялось сложное сплетение тонких линий, обнаруживались силуэты людей, яранг, оленей, очертания гор. Теперь начиналась работа «кисточкой», крохотной стамесочкой с почти незримыми зубчиками, шли в ход цветные карандаши, и силуэты обретали плоть — округлялись бока и спины оленей, бугрились мускулы моржей, наполнялось водой море, делались отвесными береговые скалы, отодвигались вдаль и там голубели сопки. Непостижимо оживало и белое, не тронутое резцом пространство — становилось воздухом, льдом, снегом... Это было традиционное, излюбленное узленскими гравировщицами да и закономерно сочетание: изобразить на одной стороне клыка жизнь моря, а на другой — жизнь тундры. От той жизни в Узлене подобный клык, с морем и тундрой, сохранился и у меня; на его торце неловко, мелкими буквами и цифрами нацарапано: Янку, 1964. Я часто смотрел на него, когда хотел вспомнить Север, и однажды вдруг понял, как счастливо, самой природой была дарована чукотской художнице эта длинная, выпуклая и изогнутая поверхность, как благодаря вот этой кривизне сами собой, без специальных ухищрений возникают даль, глубина, объемность, а точнее, необъятность запечатленных земли, воды и неба...

В мастерской было много талантливых гравировщиц. Кроме Янку, была Тынатваль, и еще работала старая Эмкуль, у которой они обе учились. Начинали тогда совсем молодые, способные девушки — дочь Эмкуль Лида Теютина, дочь Туккая Лена Илькей, дочь Гемауге Майя. Однако, не знаю почему, и не в обиду будь сказано всем другим художницам, более всего я любил работы Янку. Наверное, это дело вкуса и потому необъяснимо. Может быть, мне нравились ее горы. Ведь эти вершины не нагромодишь просто так — чем причудливее, тем лучше, — и не срисуешь раз и навсегда эту линию, ведь ее каждый раз надо заново сотворить, единственную для этого пейзажа. И линию моря не проведешь где попало, должно найтись точное, особенно осязаемое на узкой полоске соотношение — чтобы море чрезмерно не заполняло клык и чтобы небо не довлело над морем... Мне нравилось чувство меры, с которым Янку использовала пространство, не забывая его до отказа рисунком, не перегружая деталями, но и без схематизма — видимо, это и была гармония. И еще цвет — молодежь почему-то увлекалась яркими красками: оранжевым, красным, ярко-зеленым, ярко-синим, — так что клык начинал походить на перо из крыла нездешней, экзотической птицы. А у Янку цвета были как бы приглушены: зеленоватый, голубоватый, коричневый, серый, совсем немного желтого. Причем подобная сдержанность в цвете не была верным следованием северной природе; я знал, сколько раз видел — а уж Янку тем более знала, — какими фантастически ослепительными могут здесь быть море, облака, льды, склоны сопки... Но что интересно: в памяти все это неистовство красок и линий успокаивалось, сглаживалось, меркло, и Чукотка представлялась именно такой, какой запечатлевалась ее Янку!

...Янку родилась в стойбище Инчоун, километрах в двадцати от Узлена. Сейчас это тоже поселок. Он стоит на косе, очень похожей на узленскую, рядом такое же море, такая же большая сопка и такая же тундра за лагуной. При рождении девочке дали имя Янкувуквуна, по-чукотски это примерно значит «Камешек, лежащий на морском берегу». Потом стали звать просто Янку. Еще у нее есть второе, русское имя — Елена, так что чукотское постепенно сделалось как бы фамилией — Елена Янку. У нее было одиннадцать сестер и братьев... Ее отец... Это теперь чукотские мужчины и женщины работают механиками, радистами, учителями, врачами, библиотекарями, а в то время ее отец Сааны, как и все мужчины, занимался исключительно охотой, а мать Тыккай, как и все чукотские женщины, была хранительницей домашнего очага...

Янку была совсем маленькой, когда недалеко от их берега затонул пароход «Челюскин», раздавленный льдами, и в соседний Узлен прилетало много самолетов, чтобы снимать людей со льдины. Помогали вывозить челюскинцев и чукчи на своих упряжках. Но Янку этого не

помнит: ей было тогда года четыре... Вскоре вся семья переехала в Узлен, где все тогда жили в ярангах, только несколько домов было деревянных — полярная станция, магазин, школа... Здесь Янку пошла в школу. Все дети, и постарше и помладше, сидели в одном классе, и занимался с ними первый чукотский учитель Татро. Вместе с Янку учились ее сверстники: Галя Тынатваль, Юра Рытхэу... Сейчас Тынатваль, как и Янку, работает в мастерской, она заслуженный художник РСФСР, а Юрий Рытхэу пишет книги...

Какие развлечения были у чукотских детей? Зимой, в долгую полярную ночь, особенно когда задувает ледяной северный ветер эйгыскын, не очень-то тянет на улицу, но как хорошо, тепло, уютно в меховом пологе! А летом солнце светит, не переставая, много дней, и можно ходить на сопку за цветами или бродить по берегу моря — здесь столько попадалось интересных вещей! Волны выбрасывали кусочки старого, потемневшего моржового клыка, морских звезд, маленьких рыбок, разные съедобные водоросли. Вдали показывались байдары, теперь на берег высыпали все — встречать охотников... И еще бывали, необыкновенные дни — это когда береговые чукчи-зверобои и те, что кочевали по тундре с оленями, встречались в каком-нибудь условленном месте. Тут происходил обмен: одним были нужны олени шкуры для одежды, другим шкуры моржей для покрытия яранг, жир для светильников. Когда Янку стала постарше, отец брал ее с собой в такие поездки. Там устраивался настоящий праздник — с соревнованиями в беге, борьбе, стрельбе. А еще одно состязание заключалось в том, что смельчаков по очереди подбрасывали высоко вверх на растянутой моржовой шкуре, и тот, кто удерживался на ногах, побеждал. Девочка глядела и еще не знала, что когда-нибудь изобразит все это...

В косторезную мастерскую она впервые пришла, когда ей исполнилось шестнадцать лет. В прежние годы только мужчины резали и гравировали по кости, да и мастерской никакой не было: каждый занимался этим сам по себе. Но однажды — было это в начале тридцатых годов — приехал в Узлен русский художник Горбунков, собрал резчиков и объяснил, что это не забава, а, оказывается, большое, важное дело и заниматься им надо серьезно. Тогда и объединились старые мастера. Сами изготовили верстаки, инструменты, оборудовали помещение. Вскоре пришла в мастерскую первая чукотская женщина-гравер, дочь Аромке Эмкуль. И когда Янку решила попробовать гравировать, ей уже было у кого учиться... С тех пор прошло тридцать лет! Сколько клыков расписала она за это время? Как-то я спросил ее об этом. Янку подумала и с обычной своей извиняющейся улыбкой ответила: «Коо... не знаю». Дома у нее не хранится ни одного клыка, кроме разве незавершенного, который она иногда захватывает из мастерской, чтобы закончить. И если задаться вдруг целью собрать все ее произведения, сделать это, увы, будет невозможно. Она и подписывать-то их стала не так уж давно, не было ведь раньше такого обычая — подписывать. А между тем работы Янку расходятся по всей стране, по всему свету, по музеям крупнейших городов мира, по международным выставкам. Однажды клык с ее рисунками подарили Рокуэллу Кенту — это было в день его восьмидесятилетия. Американский художник, столько раз изображавший на своих полотнах Север, написал чукотской художнице: «Я был глубоко тронут, когда получил этот подарок. Ваша замечательная работа сейчас передо мной, я люблю ее... Графика на клыке — чудо вашей земли. Ваше искусство — правда жизни, через него познается душа народа...»

Чтобы изучать работы Янку, в Узлен приезжают искусствоведы. Сама же она никуда не ездит. Всего один раз была в Магадане, когда ее принимали в Союз художников. Но это не свидетельствует об узости ее мира, о какой-то инертности природы — просто она переполнена тем, что окружает ее здесь, на берегу, где она родилась. Она действительно запечатлевает душу своего народа...

С утра она идет в мастерскую, теперь это новый, большой дом. Из окна, возле которого работает Янку, видно море. Впрочем, море видно и из окон ее собственного дома и, когда она идет по поселку, отовсюду... Янку выбирает клык, с помощью тесла оббивает с него жесткую, пожелтевшую, в трещинах эмаль. Потом долго шлифует его — напильником, наждаком, острой бритвой, мелом. Работа эта предварительная, черновая, но ее всегда надо делать самой, чтобы почувствовать поверхность. Когда клык готов для гравировки, Янку кладет его перед собой и какое-то время на него смотрит. Это она называет «немножко думать». И надо видеть, как она уходит в себя, как удивительно изменяется в эти минуты ее лицо, обычное лицо чукотской женщины с грустноватой, мягкой улыбкой. Ее глаза, большие и темные, кажется, делаются еще темнее и больше, удлиняясь к вискам. Янку берет карандаш, набрасывает что-то, стирает, пробует снова. Затем сжимает в руке «коготок» — вагылгын и, упиравшись большим пальцем в клык, очерчивает на нем длинную, плавную линию, словно не стальным резцом по твердой кости, а карандашом по мягкой бумаге...

Я не знаю, что она задумала изобразить на сей раз — охоту ли, праздник, нападение волков на стадо оленей или рассказать с помощью рисунков древнюю чукотскую легенду, — но я уверен, что море и берег будут там обязательно. Ведь на них можно смотреть и воспроизводить их бесконечно, как, например, бесконечно можно воспроизводить облик дорогого тебе человека...

НА БЕРЕГУ КАРСКОГО МОРЯ.

В. МЕШКОВ.

НА ФАКТОРИЮ.

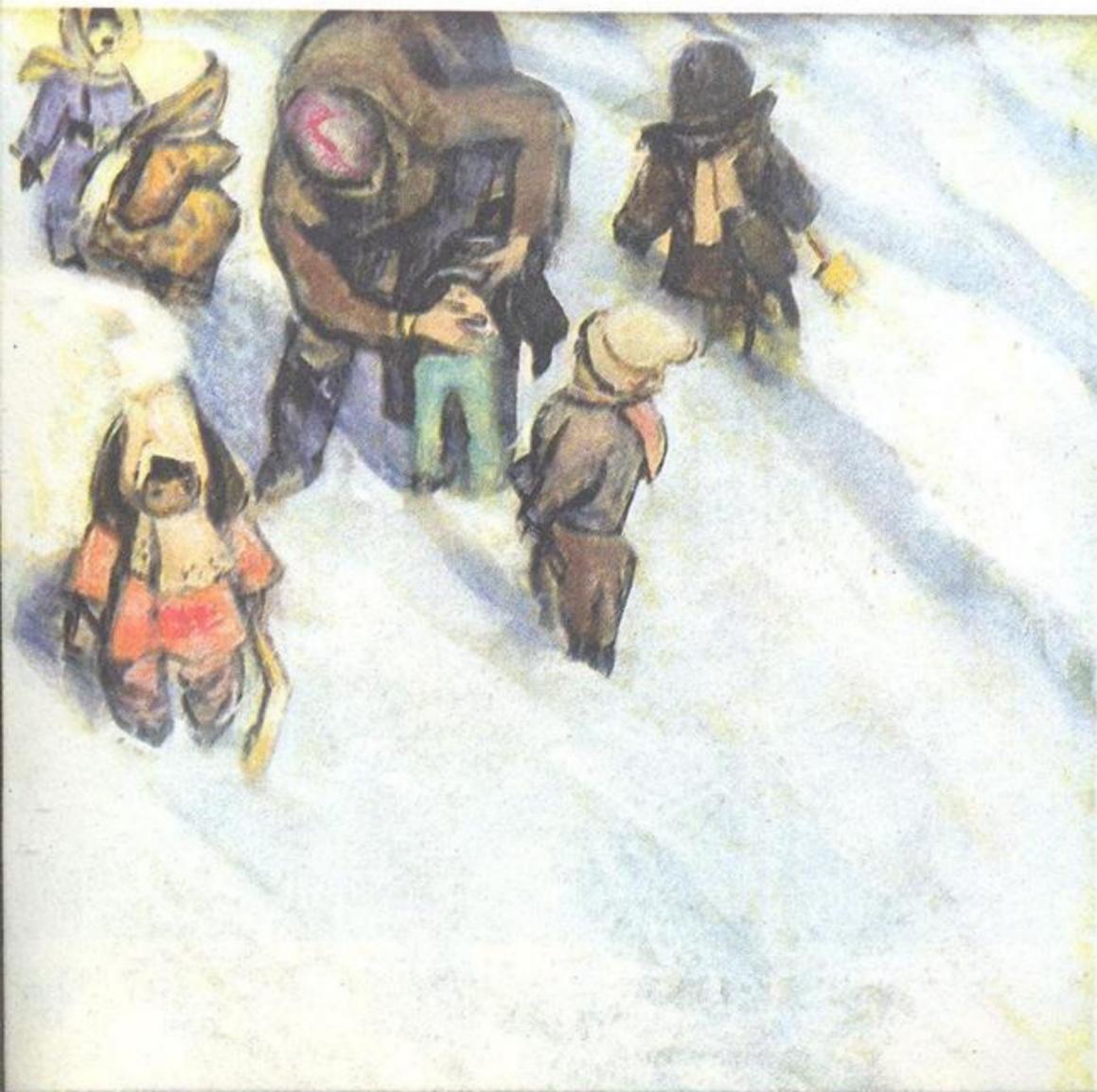

В. ХАБАРОВ. ПОРТРЕТ ДЕВОЧКИ.

Е. ГРИБОВ. СНЕГ НАСЫПАЛСЯ.

Т. ФЕДОРОВА. ПЕСНЯ.

В. ИГОШЕВ. ДЕВОЧКА МАНСИ.

ПЕДАГОГИКА БЕССИЛИЯ

И. КОШЕЛЕВА, Т. ПОЛИКАРПОВА

«Кто ответит Коле М.?» — так называлась небольшая заметка в седьмом номере нашего журнала. В ней приводилось письмо четырнадцатилетнего мальчика. «Можно ли воспитывать детей такими словами, что их даже взрослому не очень приятно слушать? К тому же если тебя бьют ремнем, добываясь твоей любви к ним (родителям), а ты их просто ненавидишь?..»

Нельзя. Детей бить нельзя. Это у нас известно каждому. Это устойчивая, сложившаяся норма жизни, и не о чем здесь рассуждать — категорически ответили авторы многочисленных писем, поспешившие на помощь Коле: папы и мамы, бабушки и дедушки. И дети... Да, дети, хотя журнал к ним не обращался, предлагая своим читателям поделиться мыслями по поводу характера и методов воспитания и особо — наказания. Но, как написала нам одна девочка: «Я тоже ваша читательница, значит, и я могу написать». Письмом этой девочки, Гали Алексеевой из г. Павлодара, и хочется начать обзор. Ее письмо, как камертон, верно настраивающий совесть.

«Таких родителей, как у Коли М. из Тюменской области, почти нет, но все-таки в уголках нашей огромной страны они где-то есть, и с ними надо обязательно бороться», — пишет Галя. — Как бороться, точный ответ не могу дать (может, потому, что мне тринадцать лет), но меня уж второй день мучает совесть: «Почему это я не могу помочь товарищу, который находится в трудном положении?» Я долго думала и пришла к такому выводу: каждый человек может помочь чем-то другому. Ведь недаром есть правило: «Один за всех, и все за одного».

Поток писем для Коли М. свидетельствовал о горячем желании помочь. Многие предложили: «Коля, немедленно приезжай ко мне!» И дальше следовало описание города (села), дома, точное объяснение, как проехать от вокзала до нужной остановки, каким автобусом, троллейбусом.

Другие (главным образом мужчины) делились опытом своего детства. Смысл их ответов сводился вот к чему: «Не вешай носа, Коля! Ты живешь не где-нибудь, а в Советской стране, у нас не дадут человеку пропасть. Это и в Конституции сказано, и так оно и есть».

«Я тоже был для родителей и «дураком», и «соплянком», и «неучем», и еще похлестче. Правда, учился еле-еле. В 14 лет ушел в профтехучилище. И что же? Я стал отличником, выбрали меня комсоргом, и голова моя поднялась, и плечи развернулись».

А теперь и у меня есть дети, с которыми я дружу. И на заводе есть у меня ученики, которых учу всему, что сам знаю и умею. Не вешай носа, Коля!»

Это письмо от В. Н. Дементьева из Кумертау. Во многих письмах личный опыт проникнут светом тех нравственных начал, которые утверждает наше общество. Уважение к личности человека, взрослый он или ребенок, — вот высокая точка зрения авторов писем Коле М.

Почта Коле М. шла как раз в месяцы, когда все мы обсуждали проект новой Конституции. И это придавало письмам особую значимость. Многие авторы делились своими размышлениями об ответственности родителей за воспитание детей, предлагали усилить соответствующую статью Конституции, прямо сказав в ней, что родители в ответе перед обществом за воспитание своих детей.

«Колины родители забывают о главном: Коля не просто их ребенок, это будущий гражданин. Унижая его достоинство, они унижают человека в нем и одновременно себя», — пишет Ольга Васильевна Макогон (Актюбинск).

«Если человек с детства живет под страхом наказания, то из него может вырасти в результате трус, подхалим», — пишет Светлана С. из Воронежа.

Почему еще встречаются такие родители? Откуда эти «рецидивы жестокости», как выразился один наш автор? Вспомним, в медицине увиденные, собранные, осознанные симптомы болезни — уже начало лечения. И мы сортируем письма.

Сразу откладываем в сторону письмо, где говорится об избиении пьяницей-отцом сына. Это не для разговора, это для принятия мер. Для подобного случая существует в Законе о браке и семье РСФСР статья 59 («Лишение родительских прав») и 113-я статья в Уголовном кодексе РСФСР, предусматривающая для истязателя кару — лишение свободы сроком до трех лет.

Но вот пачка писем, авторы которых оправдывают рукоприкладство: они видят в побоях «за дело, конечно», некий педагогический метод. Их письма строго спрашивали Колю: «А вот ты не пишешь, за что на тебя кричат? За что получаешь ремня? Может, за дело?!» Коля, правда, не написал. Зато написали другие.

Три крошечных листочка украшены виньетками — цветочками. Так и есть, автор — девочка. Лет ей — девять. На листочке сверху выведено: «Вопрос первый: «Можно ли бить ребенка за четверку?» Листок второй и вопрос второй: «Можно ли бить ребенка за то, что он играет с морской свинкой?» Третий вопрос выдает, что интерес к педагогике у девочки совсем не абстрактный: «Можно ли бить ребенка за то, что я хожу не с косой, а с хвостиком?»

Старательность... Непосредственность... Ошибки... Детство... Письмо вдруг берет в плен и переносит на место той, что таким необычным способом перечисляет горькие свои обиды. И заново осознаешь: какая изначальная, какая подлая несправедливость — бить слабого, кто не даст сдачи!

Тем не менее эта отвратительная картина: взрослый, сильный человек, поднявший руку (иной раз вооруженную ремнем) над маленьким, чего-то не понявшим, или забывшим, или неумеющим ребенком («А чтоб понял! Чтоб помнил! Чтоб учил!»), — не останавливает иных любящих и даже просвещенных мам и пап.

Письмо из Новокузнецка:

«У меня целая полка педагогической литературы. Была согласна со всеми законами современной педагогики, пока у меня не родился свой ребенок».

Меня в детстве никто пальцем не тронул, мужа били. И вот сейчас у нас с мужем полный разлад. Он — за битье, я — против. Характер девочки (3,5 года) становится отвратительным. Она не признает ничего и никого. Я в большом страхе, что отец будет бить ее. Он это часто обещает. Меня это приводит в ужас, и, знаете, я, поклонница гуманного воспитания, сама иной раз шлепаю дочь. И постепенно прихожу к выводу,

что это единственный метод воспитания».

Разумеется, битье при этом выступает в смягченном, «педагогическом» варианте. Применяется, мол, оно не в исступлении, а осознанно. Становится ли оно от этого нравственнее? Вряд ли! Аффект «затмения» хоть в чем-то оправдывает бьющего, и он сам порой страдает, а не только беззащитный ребенок. Да, это битье и не битье вроде — шлепки, подзатыльники, символический ремень. Но сами дети пишут, что: страшна не боль, страшно унижение, и при шлепках оно остается и вызывает все тот же взрыв протеста, ненависти к родителям.

Но отвлечемся от частных случаев. Побои, как «метод воспитания». Воспитания чего, как, когда? На первый взгляд «метод» универсален. Его «нащупывают» родители детей и трехлетних и тринадцатилетних, его применяют и к живым, чересчур подвижным мальчишкам и к медлительным, ленивым девочкам. Шлепают и за грубость, и за плохие отметки, и за нежелание учиться музыке.

Однако, если присмотреться к каждой отдельной ситуации, обнаружится: к «методу» прибегают в одном-единственном случае — от бессилия. От неумения что-то изменить в ребенке, что-то взрастить, воспитать. Созидательной функции у рукоприкладства нет. Любви к музыке, страсти к учению ремнем явно не зародишь, от лжи не отучишь. Подавление, пресечение возникших желаний, потребностей — большего не добьешься.

Когда-то философы и педагоги ратовали за физические методы воздействия на ребенка, и они были последовательны: служа своему классу, своему государству, стремились растить людей, покорных существующему эксплуататорскому порядку.

Сегодня партия призывает всех нас воспитывать человека активного, творческого, всесторонне развитого, умеющего оперировать своими знаниями и принимать самостоятельные решения, человека гармоничного, счастливого. Этого хотим и мы, родители. Такой человек может сформироваться, если он живет с нами в едином потоке дел и мыслей.

Стоит ли говорить о несостоятельности педагогики бессилия перед такими задачами? Решая рукоприкладством сиюминутные, частные проблемы, она вредит конечной цели воспитания — глушит инициативу младшего и отгораживает его от родителей.

Глубоко гуманной мыслью о связи поколений, о передаче традиций от отца к сыну, о взаимной ответственности поколений проникнута статья новой Конституции СССР о гражданской обязанности родителей воспитывать детей, заботиться о них, об обязанности детей заботиться о родителях. Вы помните, что мысль о долге детей по отношению к родителям была высказана в ходе всенародного обсуждения проекта Конституции и принята Конституционной комиссией как дополнение к статье 66. Леонид Ильич Брежнев в докладе о

проекте Конституции специально остановился на этой поправке, заметив, что предложение было высказано в письмах не только пожилых людей, но и многих молодых. И действительно: что может быть естественнее — сильным заботиться о более слабых! Статья 66 в ее окончательной редакции не только отражает заботу государства о пожилых людях, она напоминает и самим родителям об одном из мудрых законов жизни: сегодня в твоём тепле, внимании нуждаются твои дети, завтра эту нужду будешь испытывать ты. Да, государство берёт на себя материальную заботу о стариках, но разрушенную однажды душевную близость с детьми никто не поможет восстановить. И как важно помнить родителям, что они сами сеют тот урожай добра, отзывчивости и ласки, который хотели бы собрать в свою осень.

И вот ещё одна папка писем в нашей почте, самая отрадная: письма в ней рассказывают о великом счастье дружбы с детьми. Эти письма спокойно, без гнева развенчивают защитников «теории» битья как метода воспитания: не принимают самооправдания тех, кто ссылается на срыв от усталости, несчастья в личной жизни, неприятностей на работе. Развенчивают, просто рассказывая о себе, о своих детях.

Вот ситуация, влекущая за собой, казалось бы, повышенную нервозность матери: ушла от пьяницы-мужа, одна воспитывает дочь, зарплата медсестры невелика, приходится брать дополнительные дежурства, и, конечно, женщина устает.

«А как только приведу дочку из детского сада домой,— пишет В. В. из г. Караганды,— усталости как не бывало. У нас разговоров накопилось, словно мы с Жанной не виделись вечно! И сколько бы ни было дел по дому, я не прерываю ее, выслушаю, и вместе мы разберем, что хорошо, что плохо. Жанна мне самый большой друг. Как она старается помочь, поддержать меня, хоть и сама переживает разлуку с отцом. Пусть мне нелегко, но всегда думаю, что бы я делала без дочки?»

О доме, полном дружбы, написал и А. Е. Чепайкин из Кирово-Чепецка, учитель, теперь пенсионер. Он вспоминает высокое человеческое благородство своих родителей, неграмотных крестьян, воспитавших восьмерых детей «без единого грубого слова».

Корень всей беды — в невоспитанности родителей, считают многие авторы писем. Нужно так отладить систему родительского всеобуча, чтобы им были охвачены родители, особо нуждающиеся в педагогическом просвещении.

«Что греха таить,— пишет А. Е. Чепайкин,— Колины родители вряд ли ходят на курсы для родителей, если они и есть в школе. И книг по педагогике покупать не станут. Надо, чтобы вопросами воспитания и обучения родителей занимались не только органы народного образования, а все, в том числе и общественные организации на производстве. Брали бы таких родителей под строгий контроль».

Многие авторы считают: нужны хрестоматии по педагогике и психологии для родителей, чтобы там можно было прочесть об особенностях психологии детей разного возраста, познакомиться с мыслями о семейном воспитании замечательных педагогов: Ушинского и Пирогова, Макаренко и Сухомлинского. И нужно бы подумать, как сделать, чтобы такая библиотека или книга для родителей дошла до каждой молодой пары, вступающей в брак.

***

Мы в ответе за каждого ребенка — вот пафос многочисленных откликов на письмо Коли М.

Редакция благодарит тех, кто отозвался на письмо мальчика из Тюменской области.

Завод — детям

Дом юных техников волгоградского металлургического завода «Красный Октябрь» за последние годы стал в своем микрорайоне настоящим центром детского технического творчества. Кроме главного Дома, на разных улицах действуют пять его филиалов. Пятый — на 350—400 ребят — открыт недавно в новом жилом массиве.

Выбор интересных дел для ребят широк. В новом филиале действуют 17 кружков: по электросталеплавному, металлопрокатному делу, кибернетике, электротехнике. И, конечно, кружки по

авиамоделизму, слесарно-конструкторскому, кино- и фотолюбителей, эстетики, кройки и шитья, ручной вышивки и вязания.

Многие руководители кружков с завода. Владимир Федорович Ермаков, руководитель юных кибернетиков, например, инженер отдела АСУ завода. Алексей Васильевич Калинин — руководитель радиокружка «Эфир» — заслуженный рационализатор РСФСР. Он подготовил уже 265 радиооператоров — разрядников. Таких людей, увлеченных делом, любящих ребят, немало среди ру-

ководителей кружков. А как помогают они детям сориентироваться в выборе профессии!

В кружках дети делают много полезных вещей для подшефных детских садов, для своих школ, даже для цехов и разных служб завода. Это и мебель, и приборы, и инструменты.

Р. ГОРОНКИН,
директор Дома юных техников
завода «Красный Октябрь»
г. Волгоград.

На фото: малыши детского комбината № 226 принимают мебель, сделанную ребятами из кружка столяров-конструкторов.

СЪЕМКИ НАЧАЛИСЬ

Рая Мухамедьярова — участница X Всесоюзного кинофестиваля в Риге — начала сниматься в фильме режиссера Виктора Пусурманова «Однажды и на всю жизнь». Сценарий фильма создан

драматургом Алексеем Беляниновым совместно с автором одноименной повести, известным казахским писателем, Героем Социалистического Труда Габитом Мусреповым.

— Прочитав повесть «Однажды и на всю жизнь», отмеченную национальной премией имени Абая, — говорит Рая, — я на всю жизнь влюбилась в образ героини — Акбалы, которая воплотила в себе лучшие черты свободолюбивой казахской женщины.

Фильм расскажет о первых годах становления Советской власти в Казахстане, о непримиримой классовой борьбе, которую вели большевики за утверждение ленинских идей. В центре — драматическая судьба поэта-революционера Еркена, страстного борца за свободу и счастье народа. В своей борьбе Еркен не одинок, он окружен друзьями и

единомышленниками. В их числе и моя героиня Акбала. Путь моей героини, — продолжает актриса, — это путь в революцию человека, сильного духом, честного и доброго. Я по крупицам собирала все, что могло обогатить образ Акбалы, придать ему достоверность. Пригодились и рассказы людей старшего поколения и собственные жизненные наблюдения. Во время гастрольных поездок с Театром юного зрителя, в котором я работаю, приходилось встречаться со многими женщинами. Это поможет мне воссоздать внешний облик Акбалы, ее манеру держаться. Но главное, конечно, психологически точно передать логику поведения девушки, ее нелегкую любовь к Еркену и беспредельное мужество. Я буду счастлива, если это мне удастся.

А. АЗЕРНИКОВА

ДВЕ ТАМАРЫ

Невелика аптека в станице Вышестеблиевской, но слава у нее добрая. Знают жители станицы, что здесь всегда их приветливо встретят, постараются помочь, найдут нужное лекарство. Знают, что даже в поздний час заведующая (она живет в помещении аптеки) откроет двери.

Из года в год аптека занимает первое место в смотре аптек Краснодарского края. И пишут в грамотах: награждается коллектив... А в коллективе-то всего два человека! Две Тамары. Тамара Кузьминична Гудзенко, заведующая аптекой, работает тут уже более восьми лет, ударник коммунистического труда. В горячую страдную пору, прихватив меди-

цинскую сумку со всевозможными лекарствами, она выезжает на полевые станы. Ее единственная помощница — санитарка Тамара Максимовна Галут.

Обе Тамары никогда не работают «от сих до сих». Никто не обязывал их собирать, например, лекарственные травы, а они за это лето столько засушили ромашки, календулы, зверобоя... За трудолюбие, за отзывчивость любят в станице двух Тамар из аптеки.

С. БРЕЗИНСКИЙ

Темрюкский район,
Краснодарского края.

На снимке: Тамара Кузьминична Гудзенко.

Фото автора.

ИМЕНЕМ РЕВОЛЮЦИИ

Сама история встречает посетителей Центрального музея Революции СССР. Броневая плита с легендарной «Авроры». Оружие, что вело огонь по белогвардейцам и юнкерам, спрятавшимся за каменными стенами Кремля.

Ключи от зала заседаний Таврического дворца в Петрограде, где в апреле 1917 года дважды выступал В. И. Ленин. Подлинные фотографии и предметы из квартиры супругов Э. А. Рахья и Л. П. Парвиайнен. Большевик с 1903 года Эйно Рахья обеспечил нелегальный переезд Ильича в Финляндию и возвращение его в Россию, а в течение четырех месяцев 1917 года был связным между ЦК РСДРП(б) и В. И. Лениным. Вот личные вещи и фотографии члена КПСС с 1917 года М. В. Фофановой, из конспиративной квартиры которой Владимир Ильич ушел в памятную ночь 24 октября семнадцатого года.

Революция свершилась. Первое в мире государство рабочих и крестьян начало строить новую жизнь.

На стендах музея — красные косянки работниц, первая советская сталь и макет тепловоза, первая электрическая лампочка и мандаты делегатов партийных и комсомольских съездов, рапорты передовых бригад, первый двигатель с изображением Знака качества № 1 и фотография Юрия Гагарина... Все первое...

— Ныне в фондах музея хранится более миллиона документов,

фотографий, произведений изобразительного и прикладного искусства, вещевых экспонатов, — рассказывает заместитель директора музея О. К. Сазонова. — Многие экспонаты получены в результате научных экспедиций. Открыт новый зал, материалы которого раскрывают темы «Триумфальный марш революции» и «Влияние Октябрьской социалистической революции на развитие мирового коммунистического и рабочего движения».

В нынешнем юбилейном году, — продолжает О. К. Сазонова, — в музей поступило более семи тысяч экспонатов, в том числе и добровольных пожертвований. Анна Павловна Мухина, член КПСС с 1917 года, передала в дар музею подлинные фотографии, сделанные во время заседаний IV Всесоюзного съезда охраны материнства и младенчества (июнь, 1929 г.); портрет В. И. Ленина, вытканый работницами на бывшей Глуховской мануфактуре, более полувека хранившийся у Анны Павловны.

От семьи Н. М. Сазоновой, члена партии с 1918 года, поступила фотография В. И. Ленина, сделанная в 1919 году на I конгрессе Коминтерна, и сатирические зарисовки художника Д. Моора, выполненные им после опубликования царского манифеста 1905 года.

Эти бесценные реликвии, как и многие другие, легли в основу выставки последних поступлений в фонд музея, открывшейся в дни празднования 60-летия Великого Октября.

М. КОРОТКОВ

ЮБИЛЕЙ ХУДОЖНИЦЫ

Недавно общественность Карелии тепло отметила тридцатилетие творческой деятельности театрального художника, заслуженного деятеля искусств РСФСР, главного художника Петрозаводского театра кукол Х. Г. Скалдиной.

Не сразу пришло к Христине Георгиевне увлечение куклами. Сначала были годы работы в Ленинградском театре комедии. Там, в городе на Неве, она впервые познакомилась с куклами на спектакле театра под руководством Евгения Деммени. Познакомилась и... навсегда «заболела» куклами.

Последние двенадцать лет Х. Г. Скалдина работает в Петрозаводске. Каких только персонажей не приходилось ей создавать за эти годы! Медведи и зайцы, лешие и колдуны, царевичи и царевны... Если собрать все сделанные ее руками куклы, получится огромное сказочное государство.

В минувшем году театр с успехом выступал в городах дружественной Финляндии, где показал сказку Андреева «Карельский су-

венир» («Приключения водяного»). Кстати, кукла «Водяной» работы Х. Г. Скалдиной после гастролей экспонировалась в павильоне «Советская культура» на ВДНХ и была удостоена бронзовой медали.

Многие работы Христины Георгиевны Скалдиной — члена Международного союза кукольников — неоднократно экспонировались на международных выставках в Бельгии, Франции, Чехословакии.

А. ДЛУГАЧ

США СВОБОДУ АССАТЕ ШАКУР!

В Комитет советских женщин, другие общественные организации, редакции газет и журналов приходят сотни телеграмм и писем с протестом против приговора судебных властей США Ассате Шакур и выражением солидарности с этой мужественной активисткой движения за права негров.

Ассата посмела выступить в защиту прав человека, в своих стихах она разоблачила американскую «демократию», «общество равных возможностей». За это поэсса приговорена к пожизненному тюремному заключению и уже четыре года томится в тюрьме. Немало потрудились власти штата Нью-Джерси, прежде чем суд присяжных признал Ассату виновной в «убийстве патрульного полицейского». Потребовалось шесть судебных разбирательств, после чего сфабрикованные полицией улики сошли наконец за «доказательства вины». Недавно была предпринята попытка учредить над Ассатой еще одно судилище — на этот раз в штате Нью-Йорк. Но даже судья верховного суда штата нашел обвинения прокурора беспочвенными. Из нью-йоркской тюрьмы на острове Райкес-Айленд патриотку перевели в тюрьму строгого режима в штате Нью-Джерси, условия в которой,

как свидетельствуют газеты «просто неопишутемы».

Комитет советских женщин выступил с заявлением, в котором от имени миллионов соотечественниц осуждает преследования, которым подвергаются в США по политическим мотивам активные борцы за социальную справедливость и равноправие, против расизма. Присоединяя свой голос к протестам против нарушений прав человека в Соединенных Штатах, Комитет советских женщин требует немедленного освобождения активного борца за равные гражданские права Ассаты Шакур.

Фото из газеты «Дейли уорлд».

АНГЛИЯ

ДЖЕЙАБЕН ПРОДОЛЖАЕТ БОРЬБУ

Со страниц мировой прессы по-прежнему не сходит название лондонской фотопроявочной фабрики «Гранвик», называется и имя Джейабен Десси, иммигрантки из Индии. Она работала на «Гранвике» до 23 августа 1976 года, до того дня, когда фабрика прекратила функционировать. «Мы будем бастовать, пока не добьемся удовлетворения своих справедливых требований», — решили рабочие.

Требования бастующих сводятся к следующим пунктам: чтобы были признаны права рабочих объединяться в избранные ими профсоюзы, чтобы всех незаконно уволенных восстановили, чтобы все спорные вопросы были переданы на арбитраж посреднической комиссии.

Пользуясь отсутствием профсоюза на фабрике, ее владелец Джордж Уорд долгие годы беззастенчиво наживался: работали у него в основном иммигранты из бывших британских колоний, большей частью женщины. Они получали гроши, терпели множество притеснений и, наконец, не выдержали. В первые же дни забастовки Уорд объявил всем ее участникам, что они уволены, и приступил к набору штрейкбрехеров. Забастовщики ответили на произвол хозяина массовым вступлением в профсоюз, заявив, что именно профсоюз будет отныне представлять права рабочих в переговорах с администрацией.

Второй год у ворот фабрики дежурят пикеты: они не пускают штрейкбрехеров на предприятие.

Бастующих активно поддерживают тысячи и тысячи рабочих — членов профсоюзов. Классовое сражение на «Гранвике» стало битвой трудящихся всей страны.

Конфликт привлек внимание широкой общественности, и правительство было вынуждено назначить государственную комиссию для расследования причины забастовки. Комиссия пришла к выводу, что все уволенные участники забастовки должны быть восстановлены на работе или получить денежную компенсацию.

Решение это нанесло сокрушительный удар и по владельцу фабрики и по его сторонникам из руководства консервативной партии. Рабочие выиграли важную для них битву. Однако фабрикант упорствует, он не согласен с выводами комиссии и не подчиняется выдвинутым условиям прекращения стачки. Он настаивает на полной капитуляции бастующих.

«Мы слишком много пережили, чтобы сейчас сдаваться», — заявила Джейабен Десси. То же самое единодушно говорят все участники боевой стачки.

Г. АЙЗМАН

На снимке: бастующие работницы у ворот фабрики «Гранвик». Фото из газеты «Морнинг стар».

На заводе, за партой

Вечерами Волгоградский ордена Ленина завод нефтяного машиностроения имени Петрова превращается в огромный учебный комбинат. В цехах, как всегда, вспыхивают огни электросварки, жужжат станки, вьется стружка, гремят пневматические молоты... Идет вторая смена. А рядом в технических кабинетах, красных уголках сотни людей слушают преподавателей, ведут записи в тетрадях. В одном кабинете инженер-технолог М. П. Дроздова учит новое пополнение станочниц теории механической обработки металла, в другом — инженер-энергетик Н. Н. Корецкая ведет курсы операторов нагревательных печей для термической обработки деталей.

Завод работает и учится.

— А как же иначе,—говорит председатель профсоюзного комитета Анатолий Иванович Яровой.—Продукция, которую выпускает наш завод,— крупное оборудование для всех строящихся в стране нефтеперерабатывающих заводов и газопроводов. Много мы изготавливаем аппаратуры уникальной, по индивидуальным заказам. Это означает, что все время приходится иметь дело с новой технологией, методами обработки.

Выполнять такие сложные работы могут только квалифицированные, технически хорошо подготовленные, образованные рабочие. Поэтому учебе на заводе уделяется самое пристальное внимание. Учеба в самых разных формах — и в школе рабочей молодежи и на курсах по обучению передовым методам труда, на курсах, где люди приобретают новые профессии. И заметим, третья часть всех учащихся — женщины. Женщины составляют и треть коллектива завода.

Как организуется учеба практически? Об этом рассказал нашему корреспонденту начальник отдела технического обучения Петр Александрович Садовников:

— Начну со школы рабочей молодежи. По опыту других предприятий Волгограда мы установили для учащихся единый день занятий. В этот день, скажем, в понедельник, все триста с лишним учащихся, начиная с девятого класса (восьмых классов у нас нет — все рабочие имеют восьмилетнее образование), приходят с утра на завод и занимаются в специально

созданных классах полный рабочий день, за который, согласно положению, они получают пятьдесят процентов заработной платы. На другой день, теперь уже после работы, учащиеся приходят на два-три часа в саму школу, чтобы заниматься в лабораториях — физической и химической. Таким образом, вместо четырех дней после трудовой смены наши «вечерники» учатся два раза в неделю — один полный день и вечер после работы. Надо сказать, что единый день учебы, да еще на территории завода, дисциплинирует учащихся. Все это дает хорошие результаты и в значительной мере сокращает отсев.

Женщинам-работницам, особенно семейным, которым найти время для учебы труднее, мы предоставляем особые льготы. Если, допустим, женщина вернулась из декретного отпуска, пропустила много занятий в школе, то ей предоставляется возможность получить еще один день в неделю за свой счет — в течение, скажем, месяца, чтоб наверстать упущенное. Как не пойти навстречу! В конечном счете это приносит хорошие результаты. Вот вам один пример. Станочница механического цеха Валентина Ивановна Парамонова, мать троих детей, успешно окончила одиннадцатый класс школы рабочей молодежи, поступила заочно в нефтяной техникум, и все это не прерывая работы. Да только ли Парамонова! Учителя вечерней школы отмечают, что если раньше чуть не половина работниц бросала учебу, то теперь считается чрезвычайным происшествием, когда одна-две не приходят на уроки.

В заводском комитете профсоюза меня познакомили с «Комплексным планом улучшения условий труда и быта женщин». В этом году во время Всесоюзного смотра условий труда и быта женщин, который проходит на заводе очень активно, в план дополнительно включено более 60 мероприятий, предложенных рабочими. Женщин переводят с участков, где еще сохранились вредные условия труда. Механизируются уборка стружки, работы в литейном цехе.

А какова дальнейшая судьба тех, кто отстранен от тяжелых работ?

— Завод,— продолжил свой рассказ начальник отдела технического обучения П. А. Садов-

ников,—заранее заботится о том, чтобы они приобрели новую профессию. Специально для них создаются различные курсы. Часто работницы изъявляют желание стать крановщицами — профессия всюду нужная, хорошо оплачиваемая, не очень тяжелая физически. И мы создали на заводе шестимесячные курсы крановщиц. Три месяца изучается теория, причем в это время слушательницы получают прежнюю зарплату. Потом им присваивается разряд. Первые три месяца они работают на кране вместе с инструктором. Таким образом, приобретая иную профессию, женщина и во время учебы не теряет в зарплате.

На завод все время приходит новая техника. Осваивать ее на ходу не так-то просто — надо учиться. Но не все работницы могут по семейным обстоятельствам задерживаться на курсах после смены. Поэтому по договоренности с начальниками цехов занятия курсов начинаются за два часа до конца смены. То время, которое будет «потеряно» несколькими женщинами за месяц занятий, окупится сторицей, когда эти работницы быстро и успешно осваивают новую технику.

Таких курсов много. На одних под руководством заводского инженера Людмилы Григорьевны Ревы знакомятся с новой рентгеновской аппаратурой, на других занимаются ультразвуковики, на третьих учатся работать с природным газом термисты, изучают новое оборудование вальцовщики, овладевают профессией стропальщицы, стерженщицы. Результаты налицо. Среди тех, кому в этом году присвоен высокий разряд, — половина женщин. А среди тех, кто повысил свою квалификацию, женщин — более трети.

Стерженщица Т. А. Алфимова стала контролером, земледел Н. А. Макарова перешла после учебы в лаборантки, станочница К. П. Жидкова стала комплектовщицей. Пять лет назад З. Ф. Сеницкая, в то время кочегар, окончила школу рабочей молодежи и одновременно курсы мастеров. Став помощником мастера, поступила заочно в нефтяной техникум. Сейчас Сеницкая заканчивает техникум и работает инженером-технологом.

Но для того, чтобы женщины успевали работать и учиться, нужно создавать им необходимые бытовые условия, позаботиться об их детях. Для этого завод затрачивает немало сил и средств.

— Еще не так давно и у нас были очереди в детский сад,—вспоминает Эмма Михайловна Кирина, председатель заводской комиссии по работе среди женщин.— Не сразу, но нашли выход. Несколько лет назад мы освободили старый двухэтажный жилой дом и полностью переоборудовали его под детский сад. Эта работа заняла всего три с половиной месяца, тогда как новостроящегося сада нужно ждать полтора года. Вскоре таким же образом переоборудовали еще три дома, причем опять при самой активной помощи родителей. А тут подрос новый детский комбинат на 140 мест, сейчас строится еще один — на 280 ребятшек. Проблема решена. Очереди в детские сады нет.

На нашем заводе вообще многое делается для облегчения быта рабочих. Открыты три столовые, два кафе, магазин кулинарных изделий, две прачечные и химчистка для спецодежды, прекрасно оборудованная поликлиника с установкой для приготовления кислородных коктейлей, физиотерапевтическим кабинетом, кабинетом лечебной физкультуры и «школой здоровья» для беременных.

Судьба самой Эммы Михайловны являет пример того, как завод заботится о женщинах. Начав с рабочей, она училась и стала ведущим инженером-химиком.

Люди с теплотой говорят о своем заводе, где созданы условия не только для успешной работы, но и профессионального роста.

И. ГУММЕР

г. Волгоград.

Татьяна Анналова (в центре) на заводских курсах осваивает вторую профессию — машиниста электромостовых кранов. Урок ведет преподаватель В. И. Хорун.

Фото Н. АНТИМОНОВА.

Такое приглашение в наши дни можно услышать довольно часто. Даже в больших городах, где чуть ли не в каждой квартире сверкающие белизной ванны, души с гибкими, послушными шлангами.

В бани теперь многие ходят просто для удовольствия. Компетентный ценитель поговорит и о температуре пара, и о процентах влажности, и, конечно же, об искусстве массажиста. Обратите внимание на лица собеседников: какими бы ни были они сосредоточенными или усталыми, лишь только зайдет разговор о бане, морщины разгладятся и в предвкушении банного удовольствия появится счастливая улыбка.

Ах, бани, бани! В какие времена, кого только вы не прельщали... Еще в «Повести временных лет» приводится восхищенное высказывание иностранца, побывавшего на Руси: «Удивительное видел я в Славянской земле... Видел бани деревянные, и разожгут их докрасна, и разденутся и будут наги... и подымут на себя прутья гибкие и бьют себя сами... И этим совершают омовенье себе, а не мученье».

Княгиня Ольга, принимавшая прибывших на Русь послов, сразу же предлагала им попариться. Водил в баню заморских гостей и Петр

ются функциональные возможности сердечно-сосудистой системы, центральной нервной системы, улучшается острота зрения, увеличивается скорость и точность движений. Воистину наступает своеобразное обновление организма, восстановление затраченных сил.

Специальные процедуры в суховоздушных банях (под контролем врача, разумеется) нормализуют кровяное давление у больных гипертонией, способствуют быстрейшему заживлению травм, предупреждают простудные заболевания: Недаром сауна так популярна у спортсменов, она помогает им восстанавливать трудоспособность после напряженных тренировок и состязаний. Кстати, пребывание в сауне переносится гораздо легче, чем в паровой бане: из-за низкой влажности воздуха потоотделение происходит интенсивнее, эффективнее терморегуляция, а это, в свою очередь, предупреждает или замедляет перегревание.

На протяжении длительного времени мы наблюдали за людьми 50—60-летнего возраста, посещающими группы здоровья на Центральном стадионе Киева. Из 30 человек 15 страдали начальными стадиями гипертонической болезни. В программу занятий, кроме

Приглашение в баню

Первый, большой любитель русской парилки.

Мылись в бане наши деды и прадеды. Стегали себя вениками пахучими на высоких полках, окутанных паром. Выбегали наги на мороз, бросались в снег или студеную воду — и снова туда, в пар и жар.

«Для простого народа баня была замечательной школой закалывания, нечувствительности к жаре и морозу, какой всегда отличались русские, удивляя этим иностранцев», — писал в прошлом веке историк Н. И. Костомаров. Шли в бани здоровые, чтобы не болеть. Ввели туда недужных, чтоб прогнать ломоту из костей, выбить веником хворь. И, встречая вышедшего из бани, обязательно приветствовали: «С легким паром!» А если бы мы заглянули еще дальше в глубь веков, то нашли бы и другое приветствие. Вместо «Как поживаете?» древние римляне спрашивали у своих сограждан: «Как потеете?»

Да, своего рода парные, а точнее, помещения с подогретым воздухом, так называемые лакониумы, были частью знаменитых римских бань — терм. А еще раньше, в храмах древней Индии, Египта, Греции, устраивались своеобразные теплицы, в которых отдыхали уставшие от богослужений жрецы. При помощи особых печей там создавалась высокая температура воздуха, а влажность оставалась такой же, как и снаружи, — «сухой пар», как мы говорим теперь.

Как бы ни менялся внешний вид бани, неизменным оставался механизм ее воздействия на человека: сначала разогреться, потом охладиться, снова разогреться, да еще — веничком (в более модернизированном виде веник заменил массаж).

Идут люди в бани. И не задумываются, почему именно там находят иной раз исцеление от своих недугов. Выйдя из парной, человек будто сбрасывает годы: выходят из организма вместе с потом шлаки. Кожа очищается, становится эластичной, гладкой. Там, за порогом, нередко, остается еще и парочка килограммов лишнего веса.

И паровая (русская) и суховоздушная баня (сауна) — отличные гигиенические и закалывающие средства: под их воздействием повыша-

специально подобранных физкультурных упражнений, входило и посещение сауны. Через два месяца объективные медицинские показатели свидетельствовали, что у всех значительно улучшилась работа сердечно-сосудистой системы. Люди говорили, что лучше себя чувствуют, крепче спят, продуктивнее работают. Простудные заболевания стали более редкими, увеличилась гибкость и подвижность суставов (пожилые поймут, как это важно).

О достоинствах бани написано немало книг и статей. И все-таки, услышав от кого-то, что сердце-де пошаливает, давление высоковатое, не торопитесь советовать «лечиться баней».

Прежде чем посетить баню — паровую или финскую, — посоветуйтесь с врачом. Учтите: в бане организм испытывает воздействие перепада температур. Наблюдения медиков свидетельствуют: после пребывания в парилке в течение 10 минут частота пульса возрастает, повышается кровяное давление.

В каких случаях врач может запретить посещение бани? Если у вас замечена сердечно-сосудистая недостаточность любой степени, если вы страдаете туберкулезом легких, язвенной болезнью, если у вас есть какие-либо опухоли. Конечно же, нельзя идти в парную (будь то сауна или русская баня) беременным женщинам и маленьким детям.

Разрешение врача получено, и вы отправляетесь в баню. Подождите, подождите. Не спешите за подругой, заядлой парильщицей. Вы пообедали перед тем, как пойти в баню? Пообедали? Что ж, придется отложить посещение бани часа на 2—2,5. Нельзя на полный желудок идти в баню. Да и с пустым не очень хорошо. Лучше часа через два после того, как встали из-за стола.

Но вот вы пришли. Примите сначала душ, попарьте ноги, досуха разотритесь полотенцем. Затем несколько заходов в парную с перерывами по 12—15 минут. Во время перерывов хорошо отдохнуть, сделать массаж, облить водой — можно и холодной. По окончании — снова душ. В парную сауну заходите с покрытой головой. Для этого годится и старый фетровый колпак и шерстяная шапочка — они спасут голову от перегрева.

В парильне постоит некоторое время на полу, посидите пару минут внизу. Новичку не следует сразу забираться на полку. Чтобы лучше себя чувствовать, плесните водой в лицо, приложите руку, смоченную в холодной воде, к груди в области сердца и — для начала — выходите поскорее в предбанник. Чем вы старше, тем меньше оставайтесь в парной. Отдохните, укрывшись простыней, чтобы не простудиться. Не торопитесь домой: пусть стабилизируется пульс.

Новичку лучше всего посетить баню утром, когда воздух посуше, влажность меньше. Недаром ведь говорят: «С легким паром». Легок сухой пар. И самочувствие тем лучше, чем он суше. Правда, «сушить» пар можно лишь до определенного предела. В паровой бане (русской) температура воздуха не должна превышать 70—80 градусов, относительная влажность 60—80 процентов. В суховоздушной (сауне) соответственно: 80—100 градусов и 5—15 процентов влажности.

Что тут говорить, бани чудесны! И удовольствие, получаемое от их посещения, не стало меньшим по сравнению с тем, какое, скажем, получал А. С. Пушкин, посещая тифлисскую баню, где банщик «начал с того, что разложил меня на теплом каменном полу; после чего начал он ломать мне члены, вытягивать составы, бить меня сильно кулаком; я не чувствовал ни малейшей боли, но удивительное облегчение... После сего долго тер он меня шерстяною рукавицей и, сильно оплескав теплой водою, стал умывать намыленным полотняным пузырем. Ощущение неизъяснимое...»

Даже если вы недавно получили прекрасную новую квартиру со всеми удобствами — забудьте на один день в неделю, что у вас есть ванна, что из кранов бежит теплая вода. И пойдите в баню. Не пожалейте. Вы унесете оттуда ощущение бодрости, хорошее настроение. Вы вдруг почувствуете себя помолодевшим, сбросившим годы. И вам захочется снова прийти в баню.

Р. РАКИТИНА,
кандидат биологических наук,
И. РАКИТИН, врач

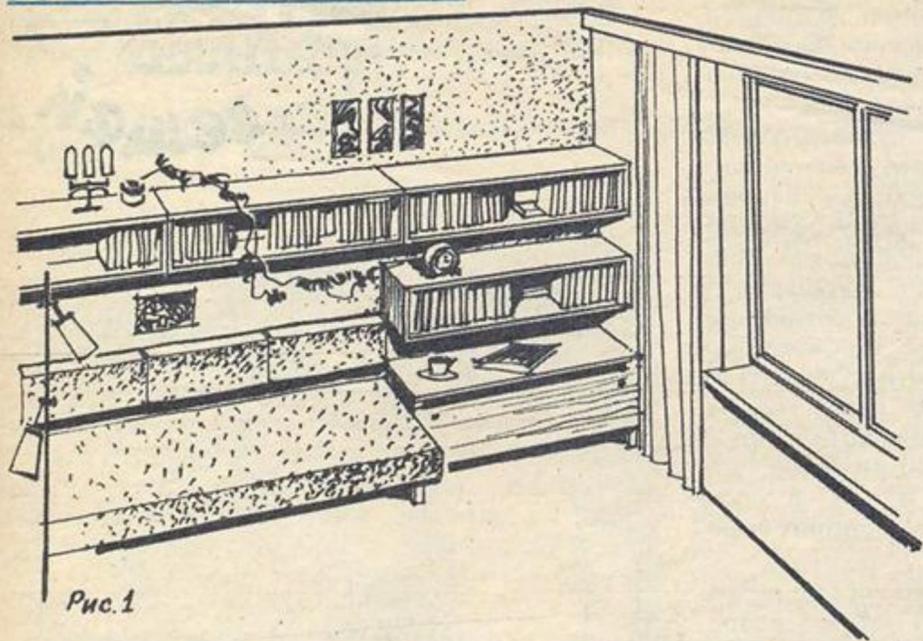

Рис. 1

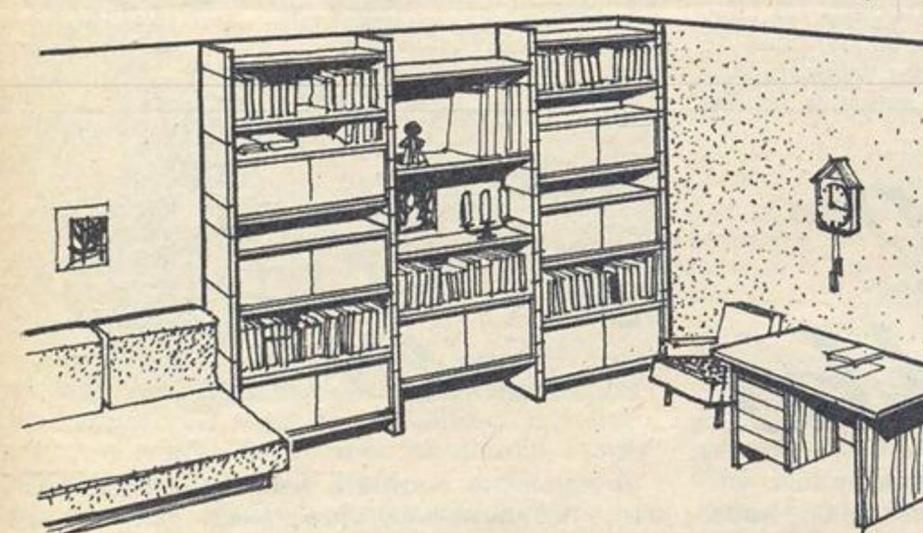

Рис. 2

ВАША БИБЛИОТЕКА

Несколько советов размещения домашней библиотеки дает архитектор В. СТРАШНОВ.

Выбор места для книжных полок, шкафов, стеллажей зависит от площади комнаты, расстановки мебели и, конечно, от количества книг.

Книжные полки не обязательно ставить одна на другую. Они подчас выглядят тяжело и однообразно. Лучше ставить секциями, смещая по вертикали или по горизонтали, создавая пустоты между полками. Если эти пустоты заполнить вазой с цветком, какой-нибудь фигуркой, эстампом, то стандартные книжные полки сразу приобретут иной вид.

Наиболее простой вариант дан на рисунке 1. Одинаковые стандартные полки занимают одну из стен в комнате. Прикрепляются они непосредственно к стене или к вертикальным стойкам из дерева, из металла (рис. 4). Можно просто поставить полки друг на друга, но красивее, если они как бы обрамляют другую мебель — стол, диван.

Много разных вариантов получается из двух типов стандартных полок — открытых и закрытых (рис. 2). Полки можно сделать и самим из досок и фанеры или пластика — чертежи даны на рисунке 4. Детали полки скреплены между собой на шипах. Высота полок — 25 и 50 сантиметров.

Стеллаж с откидным рабочим столом предлагается на рисунке 3. Конструктивно его выполнить несложно.

Три стойки изготовлены из обычной доски. Их следует хорошо обработать, а затем покрыть морилкой и лаком. Для отделки можно использовать самоклеющуюся декоративную пленку. Доски и стандартные полки укрепляются на стойках при помощи металлических уголков или анкеров. Передние раздвижные дверцы полок делают из фанеры, стекла, щитов из реек. Размер полок зависит от размеров стены и двери. Желательно расстояние между опорными стойками делать не более 90—110 сантиметров. Крепление откидного рабочего стола производится на металлических кронштейнах.

И еще несколько советов.

• Словари, атласы, энциклопедии, справочники, необходимые для работы, лучше всего поместить на нижних полках книжных шкафов, чтобы всегда были под рукой.

• Для того, чтобы книги не терялись, положите в книжный шкаф блокнотик и карандаш и записывайте, когда и кому вы дали почитать ту или иную книгу. Записывайте также, когда вы сами должны вернуть чужую книгу. Прежде чем раскрыть чужую книгу, непременно оберните ее. Кстати, не помешает так же поберечь собственные.

• Время от времени, но не реже двух раз в год, нужно тщательно чистить книги пылесосом, если его нет, придется снять книги с полок и протереть каждую чуть влажной тряпкой.

КАК УДЛИНИТЬ ДЕТСКУЮ КРОВАТКУ

Растет ребенок. Вот и кроватка стала ему коротка. Как продлить срок ее службы?

Архитектор А. БЕЛОРУССКИЙ советует:

В спинке, обращенной к ногам, выпиливают все палочки, затем вырезают лист клееной фанеры толщиной 6—12 миллиметров, по ширине проема спинки, длиной 150—160 сантиметров и укладывают его на подматрачную рамку. Фанеру закрывают матрасом, а на ту часть, которая выступает, кладут специально сшитый матрас. Чтобы не сваливался, его привязывают к фанере, в которой просверливают специальные отверстия. Фанеру надо прочно прикрепить тесемками или ремешками к верхнему брусу спинки (как на рис. Б).

Второй способ сложнее, но зато позволяет сохранить первоначальный вид кроватки. В спинке кроватки на петлях укрепляется решетка, которая занимает вертикальное положение и фиксируется двумя штырьками (рис. А), когда кроваткой не пользуются, и закрепляется в горизонтальном положении (рис. Б) прочными тесемками, когда ребенок ложится спать. Решетка изготавливается из палочек, вырезанных из спинки и двух брусков, сечением 22×28 миллиметров. Палочки подрезаются на 15 миллиметров и приводятся к одной точной длине. В брусках на равных расстояниях просверливают гнезда по диаметру палочек глубиной в 15 миллиметров. Прикрепляя решетку к сред-

нему брусу спинки кроватки, ее нижний брусок с обеих сторон укорачивают на 50 миллиметров, чтобы сюда могла поместиться подматрачная рамка (рис. К).

Решетку можно заменить щитком из клееной фанеры или древесноволокнистой плиты толщиной 6,8 или 10 миллиметров. Для крепления петель к

такому щитку необходимо приклеить и закрепить шурупами брусок сечением 20×20 миллиметров.

Колесики с кроватки целесообразнее снять, а чтобы кроватка была устойчивой, под стойки положить подкладки.

В последнее время стали выпускаться кровати и другого ти-

па — спинки изготовлены из целого древесного щита. Чтобы удлинить такую кровать, придется проделать «окно» в одной из спинок. Для ввода пилы просверливают с каждой стороны контура несколько рядом расположенных отверстий. Кромки тщательно зачищают и закрепляют откидной щиток.

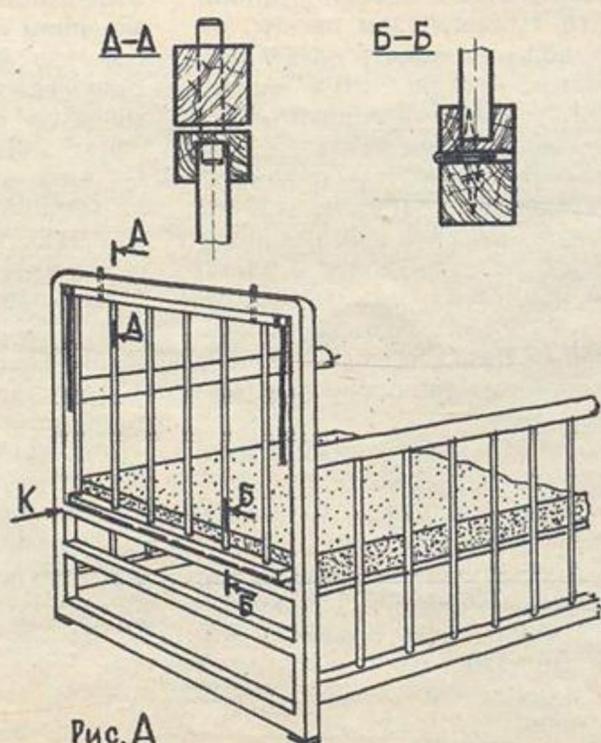

Рис. А

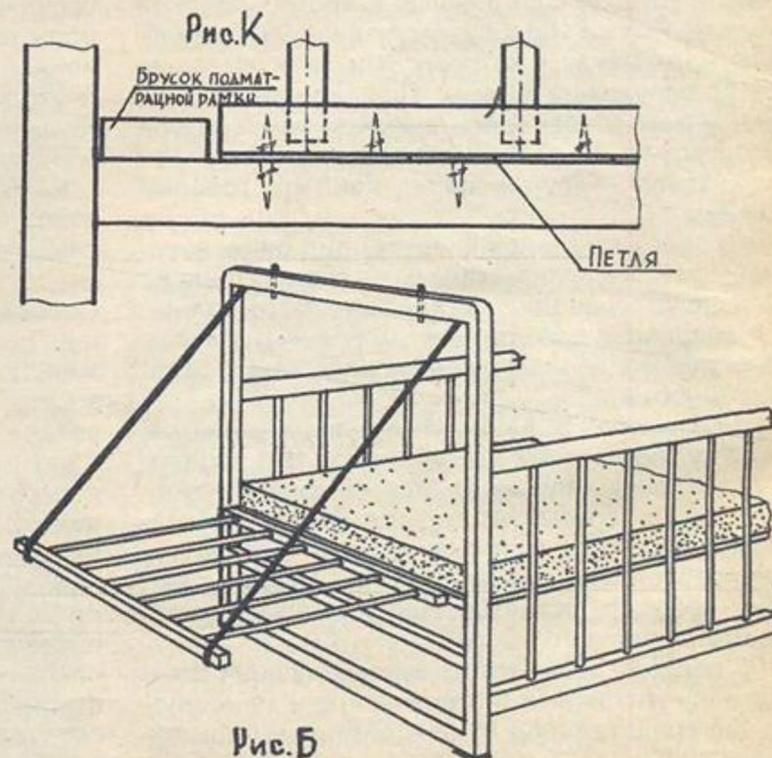

Рис. Б

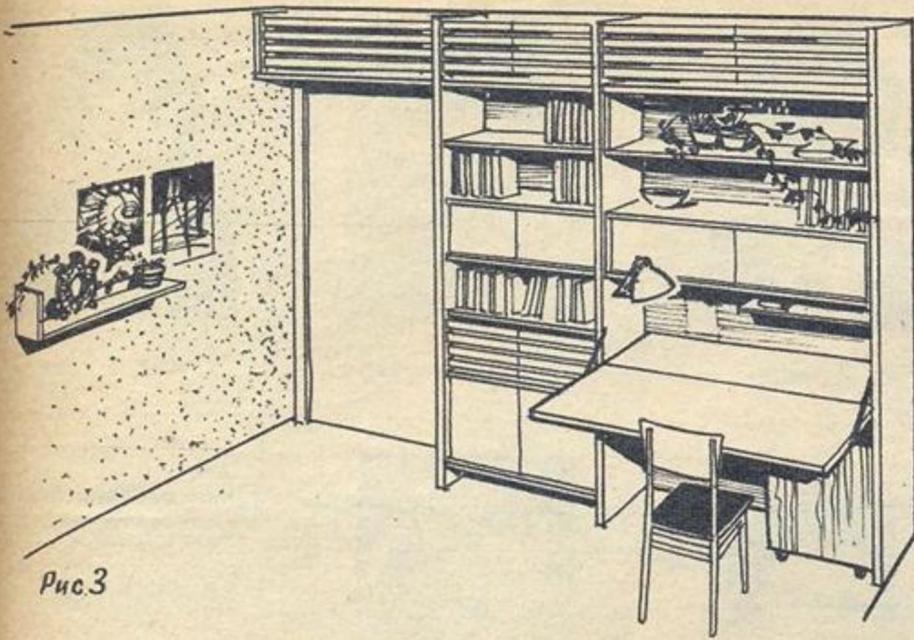

Рис. 3

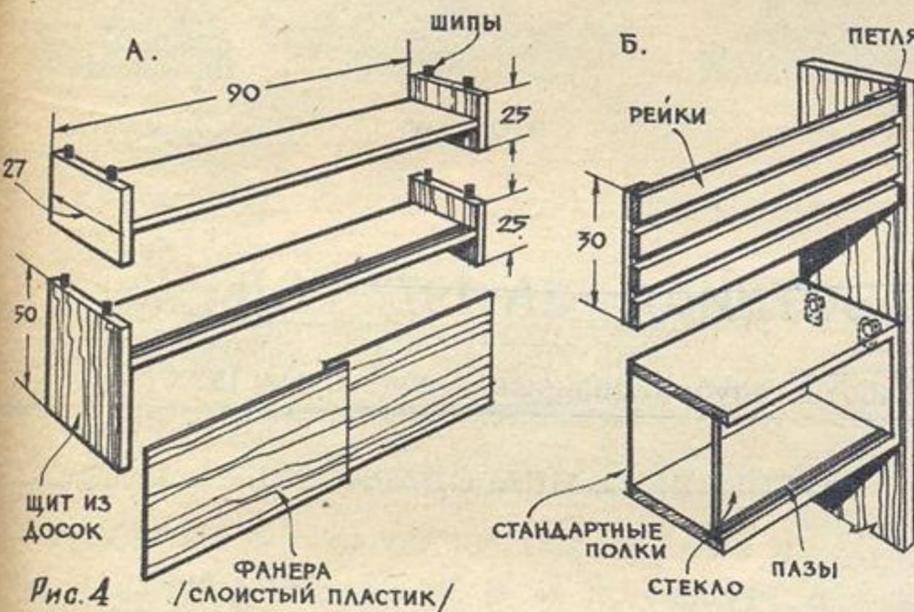
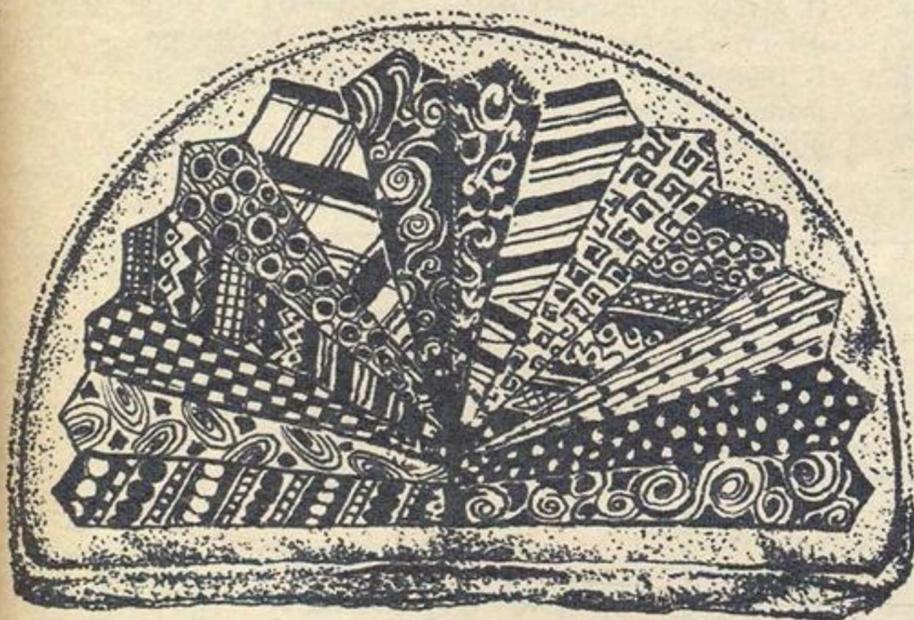

Рис. 4

ОРИГИНАЛЬНАЯ ПОДУШКА

Из отслуживших мужских галстуков, которые наверняка найдутся в каждом доме (носить не носят, а выбросить жалко), можно сделать нарядную диванную подушку.

Сначала сшейте из плотной ткани наволочку, галстуки будете накладывать сверху, как аппликацию. Красивее всего выглядит наволочка полукруглой формы. Теперь дело за галстуками. Берите любые, даже обтрепавшиеся по краям, главное, чтобы они подходили друг к другу по цвету, составляя в целом веселый рисунок.

Для большой подушки понадобится 14 галстуков, для маленькой, конечно, меньше, но обязательно четное

число. Переднее полукружие наволочки согните вдвое, поперек, чтобы наметить на месте сгиба линию и обозначить центр, и приколите булавками галстуки, располагая их вплотную друг к другу. Начинайте сверху: два прилегающих боковинками галстука справа, два слева и т. д. Обрежьте каждую пару галстуков так, чтобы все они могли встретиться на линии сгиба наволочки. Затем обметайте на машине края галстуков, пришейте их к наволочке и зашейте ее. По краям прикрепите плотный шнур. Подушка готова.

Э. ВАСИЛЬЕВА, Москва.

К праздничному столу

ТОРТ «ЧЕБУРАШКА»

Разотрите тщательно 2 желтка, стакан сахарного песка, 100 граммов сливочного масла, добавьте 3 стакана муки, соду на кончике ножа. Смажьте маслом разогретую глубокую сковороду (или форму), ровненько насыпьте на нее половину получившейся смеси, сверху осторожно положите любое варенье или натертые на крупной терке свежие яблоки, затем высыпайте остальную смесь, разровняйте и поставьте в духовку. Оставшиеся два белка сбейте в крепкую пену, добавляя постепенно 3—5 чайных ложек сахара. Когда торт будет почти готов, сверху положите на него взбитые белки — решеточкой, звездами или шариками, так, чтобы было красиво, и снова поставьте в духовку на медленный огонь, чтобы белки подсохли и чуть подрумянились.

лепешечки — снимите кастрюлю с огня, добавьте в молоко чайную ложку сливочного масла и размешайте. Теперь, начиная с середины, осторожно покрывайте торт помадкой — она быстро затвердевает, так что надо спешить. Сверху по помадке можно разложить орехи, кусочки мармелада. Этот торт не надо ставить в холодильник.

А. ВВЕДЕНСКАЯ,
г. Москва.

ПЫШКИ

100—150 граммов творога, 4 яйца, сахар, соль по вкусу, половину чайной ложки соды, погашенной в уксусе или лимонной кислоте, перемешайте, добавьте муки и замесите некрутое тесто, нарежьте его кусочками и жарьте в подсолнечном масле на сковороде.

Е. ДРУЗИНА,
Ростовская обл.

ТОРТ «ЛЮБИМЫЙ»

Возьмите 5 яиц, осторожно отделите желтки от белков, всыпьте в желтки 5 столовых ложек мелкого сахарного песка, хорошенько разотрите, затем добавьте 5 столовых ложек муки, все смешайте, добавьте 200 граммов густой сметаны, опять все смешайте.

Белки сбейте в крепкую пену, постепенно добавляя две-три столовые ложки сахара. Взбитые белки осторожно смешайте с тестом, выкладывая их не сразу, а постепенно, чтобы они распределялись равномерно.

Разогрейте форму или большую сковороду с высокими краями, смажьте ее маслом, слегка обсыпьте толчеными сухарями, осторожно вылейте тесто и поставьте в духовку минут на 20—25, жар средний. Торт в духовке высоко поднимется. Если он начинает отставать от краев формы, значит, готов.

Когда торт остынет, разрежьте его на две лепешки. Нижнюю лепешку хорошо бы слегка смочить сиропом, вином, ликером, наливкой. На лепешку выложите половину крема, накройте второй лепешкой и выложите остальной крем. Украсьте орехами, ореховой крошкой или кусочками шоколада, ягодами из варенья, мармеладом и поставьте в холодильник.

Крем для торта делается так: 200 граммов сливочного размягченного масла растереть со стаканом мелкого сахара, добавить два яйца, ванилин и все взбить.

Если у вас есть тертая черная смородина, можно обойтись без крема: смазать лепешку торта смородиной, уложить на нее тоненькие ломтики свежих яблок, накрыть второй лепешкой, а сверху облить помадкой.

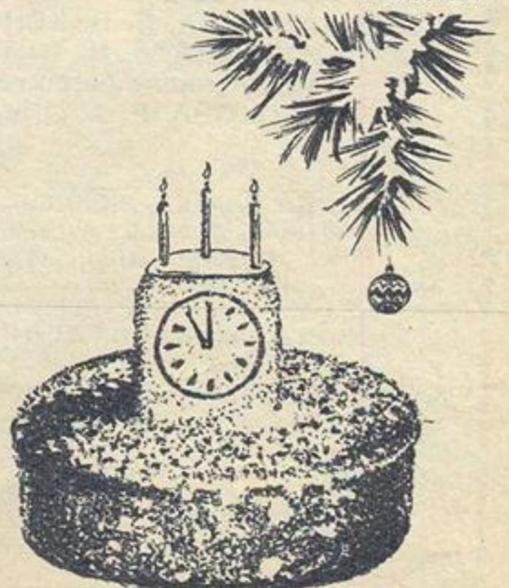
Для помадки: четверть стакана молока, полстакана сахара и немного ванилина кипятите в маленькой кастрюльке, все время помешивая. Рядом поставьте стакан с холодной водой. Минут через пять чайной ложкой влейте в стакан каплю молочной смеси. Если капля осела на дно в виде

НОВОГОДНИЙ ТОРТ «ЧАСЫ»

Первый вариант. Испечь обычный кекс, а сверху белым сливочным кремом нарисовать циферблат. Цифры и стрелки можно нарисовать шоколадным кремом или выложить толчеными орехами. Бока обсыпать крошками или толчеными орехами.

Второй вариант. Тесто разделить на две части. Одну испечь в обычной форме, вторую — в высокой, так называемой «куличной». Высокий пирог разрежьте пополам вдоль и срежьте верхушку. На срезе нарисуйте белым кремом циферблат, шоколадным — цифры и стрелки. Часы поставьте на низкий пирог, обмажьте оба пирога кремом, обсыпьте толчеными орехами или крошками от пирога. На срезанную верхушку часов можно положить кусок картона, обтянутый фольгой, проткнуть в нем маленькие дырочки и вставить туда свечки. Вероятно, не нужно пояснять: свечки зажигают в тот момент, когда часы пробьют двенадцать.

Т. СОКОЛОВСКАЯ,
г. Москва.

Т. Александрова

А. Белов

В. Кононенко

Н. Маторин

Э. Черепихова

Т. Костыгова

Е. Королькова

Л. Соловьева

Ю. Ракша

Е. Петрова

Л. Обухова

Л. Осипова

Р. Колмакова

Ю. Хорицкая

ПРЕМИИ ЖУРНАЛА «РАБОТНИЦА» ЗА 1977 ГОД

Редакционная коллегия отметила лучшие работы, опубликованные в журнале в 1977 году.

ПРЕМИРОВАНЫ:

Т. АЛЕКСАНДРОВА («Миг, день, жизнь», очерк, № 2); А. БЕЛОВ («Бессмертие подлинное и мнимое», статья, № 2, «Что есть свобода совести?», статья, № 9); В. КОНОНЕНКО («Помни о долге!», статья, № 2); Н. МАТОРИН (фотографический портрет Н. В. Петровской, № 2; фотоиллюстрации к очерку «Дом Серафимы», № 12); Э. ЧЕРЕПАХОВА («Что происходит с миссис Эвириджд», статья, № 2); Т. КОСТЫГОВА («Здравствуйте, товарищ Лили!», статья, № 3, «Сестры», очерк, № 11); Е. КОРОЛЬКОВА («Степочка и Митя», статья, № 3); Л. СОЛОВЬЕВА («В небе и на земле», записки штурмана, № 3); Ю. РАКША (рисунок к рассказу «Ганя», № 4); Е. ПЕТРОВА (рисунок для вышивки ковра «Цвети, земля!», № 5); Л. ОБУХОВА («Выходной день», рассказ, № 6); Л. ОСИПОВА («Абрамцевская богиня», статья, № 9); Р. КОЛМАКОВА (подборка стихов из цикла «Русский год», № 9); Ю. ХОРИЦКАЯ («Зависит только от нас», статья, № 12).

ОБЪЯВЛЕНА БЛАГОДАРНОСТЬ:

М. ЮФИТ (№ 1), Ю. РЫТХЭУ (№ 4), Ф. АЛИЕВОЙ (№ 5) В. ПРИШВИНОЙ (№ 8), Ю. ИВАНОВОЙ (№ 10), В. АЛФЕЕВОЙ (№ 11)—за предоставленные для публикации главы из новых произведений; Л. ОЗЕРОВУ (№ 6), Л. ТАТЬЯНИЧЕВОЙ (№ 7), Е. ВИНОКУРОВУ (№ 8), П. АНТОКОЛЬСКОМУ (№ 9), С. КУНЯЕВУ (№ 10), М. ДУДИНУ (№ 11)—за выступление в рубрике «О времени и о себе»; Б. ПОЛЕНИНУ за письмо в редакцию «По собственному ли желанию?» (№ 1); Н. ДОБРОВОЛЬСКОЙ—за иллюстрации к рубрикам «История привычных вещей», «Дела домашние» (№№ 4, 8, 9); И. АЧИЛЬДИЕВУ—за статью «Кто распорядится моей судьбой?..» (№ 5); Е. МЕЛЬНИКОВОЙ—за участие в рейдах журнала «И по службе и по душе» (№ 7) и «Пятна на реторте» (№ 10); И. ТРУШИНОЙ—за статью «Дети и деньги» (№ 7).

Главный редактор В. Е. ВАВИЛИНА

Редакционная коллегия:
А. П. БИРЮКОВА, И. Г. ВОЛОБУЕВА,
Д. Т. КАРАСЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО,
М. И. РОЖНЕВА, З. Н. ТИМОФЕЕВА
(зам. главного редактора),
А. Г. ХРИПКОВА, Р. А. ЭЛЬДАРОВА.

Адрес редакции:
101458, Москва, А-15, ГСП-4,
Бумажный пр., 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:

промышленного—250-11-72; международной жизни—250-44-80; литературы и искусства, коммунистического воспитания—250-12-30; семьи и быта, науки и антирелигиозной пропаганды—250-11-93; художественного оформления—258-14-13; писем—250-57-38; массовой работы—250-44-80; зав. редакцией—253-30-05.

Сдано в набор 24/X 1977 г.
А 09300. Подписано к печ. 17/XI 1977 г.
Формат 60 × 90¹/₈.
Усл. печ. л. 5,43. Уч.-изд. л. 9,56.
Тираж 12920000 экз.
(1-й завод: 1—11 173 800 экз.).
Изд. № 2727. Заказ № 1389.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-47, ГСП-4,
улица «Правды», 24.

Оформление художника
Я. Е. МИРОШНИЧЕНКО.

Технический редактор
Н. И. МАКАРОВА.

Фотоконкурс «Семейные страницы» продлен до 20 июня 1978 года.

С условиями конкурса можно ознакомиться во втором номере журнала за 1977 год.

На первой странице обложки: Зимний день. Рисунок П. Караченцова.

На второй странице обложки: В вихре танца. Фото А. Невежина.

На третьей странице обложки: Бал-маскарад. Рисунок Н. Голиковой.

В приложении к этому номеру: вязание «В народном стиле», подарки к Новому году, новогодние карнавальные костюмы.

Бал

маскарад

101

В РОДНЮ...

Хорошо говорят в народе: не из родни, в родню...

Несколько лет назад Светлана приехала в Ленинград на экскурсию. И, конечно же, прежде всего отправилась в Русский музей. Очарованная, притихшая, подолгу стояла она перед полотнами великих мастеров. Вот и зал прикладного искусства. Кружево, вышивка, керамика, ткачество. И то, что ей хотелось увидеть больше всего: декоративная дорожка, отделанная по краям ярким цветным кружевом. Рядом на маленькой табличке значилось: художник Д. А. Смирнова, город Рязань... Мама! Светлане совсем по-девчоночьи захотелось, чтобы об этом узнали все, кто стоял сейчас рядом с ней и тоже любовался чудесным произведением ее мамы.

А совсем недавно в Москве, на Всероссийской художественной выставке, посвященной 60-летию Великого Октября, уже мать, Диана Алексеевна Смирнова, заслуженный художник РСФСР, разволновалась до слез, увидев большое вышитое полотенце и под ним

Фото А. ГОРЧАКОВА.

подпись: Светлана Белякова, город Рязань. Дочь! Мать слушала добрые слова зрителей о работе Светланы и радовалась ее первому большому успеху.

Работа и вправду хороша: в характерной для рязанского края технике вышивки («цветная перевить») представлена картина праздника урожая. Богатство и прелесть родной земли — вот что хотела передать молодая художница в сочной, красочной композиции, которую назвала «Слава тебе, Родина-мать».

Диана Алексеевна никогда не настаивала, чтобы дочка непременно стала художницей. Но в доме все дышало искусством. Способная девочка поступила учиться в Московское художественно-

промышленное училище имени М. И. Калинина.

Народное искусство каждого края имеет свою особенку, свою неповторимость. Но сердцу Светланы Беляковой милее всего традиционная рязанская вышивка, отличающаяся редкой веселостью, нарядностью.

Сейчас Светлана Белякова работает в экспериментальной лаборатории швейной фабрики имени Н. К. Крупской, создает рисунки вышивок в традициях родной Рязанщины. Она по-настоящему увлеклась оформлением одежды: очень интересно для художника соединить современную моду и народные традиции.

Г. ЧЕРНОВА
г. Рязань.

Индекс 70770

Цена 15 коп.